

БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ

ВАЛЬДЕМАР КОТОВИЧ

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бондарев Ю. В.

Борзупов С. М.

Злобин Г. П.

Ильян С. К.

Пузиков А. И.

Сипельников В. М.

Сурков А. А.

Туркин В. П.

ВАЛЬДЕМАР КОТОВИЧ

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

ПОВЕСТЬ

Перевод с польского
А П И С И М О В А В. В.,
Г Л А З О В А В. А.,
К О С Т И К О В А П. К.

Орден Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1976

И (Пол)
K73

WALDEMAR KOTOWICZ

FRONTOWE DROGI

Wydawnictwo
Ministerstwa Obrony Narodowej

К $\frac{70304-122}{068(02)-76}$ 208-76

© Перевод на русский язык.
Воспиздат, 1976

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга — не дневник, хотя вымышленных фамилий в ней почти нет. Однако это и не хроника боевых действий.

Я начал служить в Люблинском воеводстве девятнадцатилетним поручником в одной из рот 8-й пехотной дивизии 2-й армии Войска Польского и в ее рядах прошел через Поморье, Познаньское воеводство, Нижнюю Силезию и дальше за Нейсе. Достоверность многих описанных мною боевых эпизодов и сражений могут подтвердить мои товарищи по оружию, однако я не ставил целью быть летописцем. Прежде всего мне хотелось собрать воедино все, что сохранилось в памяти о тех событиях и людях, и на этом материале воссоздать правдивую картину того времени, неповторимую атмосферу тех нескольких месяцев походов, привалов и боев, когда самым необычным образом переплетались человеческие судьбы, когда всех объединяла великая фронтовая солидарность, о чем тогда не говорили, но забывать о чем нельзя. Мне очень хотелось в меру своих сил осуществить свой замысел.

Читателя, без сомнения, заинтересует дальнейшая судьба героев этой книги. Сразу же после войны я встретил на улице в Варшаве лучшего наводчика моего взвода Александра Зайковского; у него вследствие полученных им ранений не действуют обе руки. Поручник Тымыцкий, в настоящее время полковник в отставке, и его жена, «черноволосая Кристина», живут в Варшаве. Поручник Витковский после тяжелого ранения в грудь семь месяцев пролежал в госпитале, затем заочно окончил политехнический институт во Вроцлаве и в настоящее время работает на строительстве. Он по-прежнему прихрамывает, по-прежнему жизнерадостен и по-прежнему постоянно шутит. Вместо убитого на фронте Фагота у него

теперь две огромные собаки, которые наводят страх на всех окрестных псов. Витковский живет рядом со мной. Капрал Станислав Згидко, заместитель старшины нашей роты, живет во Вроцлаве. Он работал в городском узле связи и недавно ушел на пенсию. Залечил раны сапер поручник Людвик. Жив и командир наших полковых семидесятишестимиллиметровок. К сожалению, не помню всех фамилий. Мне стало известно, что хоруный Клюм вскоре после войны выехал к семье за границу.

Долгое время я безуспешно пытался разыскать старшину нашей роты Вацлава Койтыха, а также капрала Чеслава Брачковского. Только спустя шестнадцать лет после окончания войны, после выхода в свет второго издания этой книги, я неожиданно получил письмо от сержанта Койтыха. Прочитав книгу, он сразу же написал мне, и вскоре мы встретились. Он живет и работает в г. Кросно на Одере. Сразу же после войны он женился, и у него шестеро детей. Приблизительно в то же время дал о себе знать и Чеслав Брачковский. Как он сам подсчитал, мы встретились спустя девятнадцать лет, пять месяцев и несколько дней. На первый взгляд, он несколько не изменился: такой же смуглый, та же шевелюра, такой же стройный. Он окончил два факультета университета имени Кюри-Склодовской и в чине полковника продолжает паходиться на действительной военной службе. Три года назад па звонок в мою квартиру я открыл дверь и увидел перед собой поручника Владека Жарчиньского. Он работает в сельском хозяйстве. Антони Осядач, который некоторое время был моим связным и вынес меня, рапепного, с передовой, также работает в сельском хозяйстве. Старый капрал Побяжин остался верен своим идеалам: с семьей живет в деревне. Он писал, что все, сказанное в книге, «стоит перед его глазами». Я не знаю, что делает «маленький Сташек», сын нашей роты. Знаю только, что войну он пережил.

И еще одна справка: «Фроптовые дороги» — очередное исправленное и дополненное издание повести, которая под тем же пазванием вышла в свет в 1958 году во вроцлавском издательстве «Оссолинеум».

Вроцлав, март 1973 г.

Автор.

Низко пролетела эскадрилья. Вибрирующий грохот двигателей заглушил все звуки, а затем, постепенно стихая, стал сливаться с глубоким басом артиллерии и наконец растворился в канонаде развернувшегося за горой сражения. Бомбардировщики то появлялись, то исчезали в клубах дыма, пока их не поглотил ржавый туман, повисший над городом.

Опустив бинокль, я прищипорил своего коня, чтобы не столкнуться с внезапно разгорячившейся лошадью Юрека Кренцкого. Юрек, чрезвычайно пораженный неожиданной резвостью своей клячи, одной рукой схватился за луку седла, другой безрезультатно натягивал поводья.

— Сожми ее коленями и сиди спокойно! Похлопай по шее! — крикнул я, видя, что напуганное ревом самолетов животное в любой момент может выбросить моего друга из седла. Совет был правильным, и конь быстро успокоился, однако Юрек высказал мне претензию.

— Это тебе, черт возьми, захотелось прогулки верхом! — сердито проворчал он, подозрительно наблюдая за движениями головы коня. — Ведь мы могли поехать на мотоциклах или остановить какую-нибудь машину, но у тебя всегда в голове несуразные выдумки! А теперь вот надо мной будут издеваться. Удовольствие, говоришь? А у меня зад болит от этого удовольствия, все внутренности переворачиваются...

— А что б ты сказал, когда бы четверо суток пришлось бы не слезать с коня? Вот, бывало, в партизанах...

— Иди ты к дьяволу со своей партизанской жизнью! — оборвал меня Юрек. — Мне только не хватало четверо суток просидеть на этой кляче! Может, еще скажешь: не спать и не есть? Нет, премного благодарен. Воюйте, землячки, без меня. К счастью, я не в твоих партизанах, а

служу в регулярной армии! — И он как бы невзначай взглянул на свои нарукавные нашивки с вышитыми звездами.

Я улыбнулся. Мне было знакомо это чувство гордости. Так же было и со мной, когда я получил свое первое подoffицерское звание. Мне тогда явно не хватало благовоспитанности. Боже мой! И что только не делает молодой человек, лишь бы подсунуть каждому встречному почти под самый нос эти две серебряные полоски и павлинье перо на шапке — знаки различия подхорунжих нашего отряда! Стоило ли удивляться, глядя на Кренцкого, который служил в армии в общей сложности неполных три месяца, а звездочки подпоручника нашил себе всего несколько дней назад...

Лошади шли шагом. Апрельское солнце довольно сильно пригревало. Недалеко от дороги, на зеленеющих озимых, резвились два зайца. Увидев их, Юрек потянулся к висящей за спиной снайперской винтовке. Но стояло ему пошевелиться в седле, как конь его начал беспокойно поводить ушами и вздрагивать, тем самым весьма успешно сводя на нет охотничий азарт своего седока. Мне это было по душе. Мясо мясом, а стрельбу по зайцам я всегда считал варварством. Крепцкий придерживался другого мнения, и весь свой гнев он обрушил на меня и своего коня.

— И откуда эта дьявольская коняга взялась, ты не знаешь? Да и вообще, откуда их столько в нашей роте? Ведь по штатному расписанию их должно быть только четыре? Может, это еще ваши, партизанские, а?

— Но, но! Прошу поосторожнее в адрес партизанских лошадей! И да будет тебе известно, что еще несколько из них пахоятся в дивизии. А эти, на которых мы сейчас едем, не штатные, а были добыты во время похода.

— Во время похода? Откуда?

— Откуда падо. Пару лошадей и ту подрессоренную подводу я забрал у одного крестьянина, где-то около Курника или Сыроды, точно не помню. Помнишь, там, где мы останавливались на два дня во время марша с Поморья? Именно тогда ты прибыл в роту...

— Помню. Я понал туда, черт возьми, аккурат перед самым выходом войск на марш. Глушь несусветная! Полдня я проискал сначала штаб дивизии, затем штаб полка, потом место расположения командира батальона и в конце концов выступил с ротой в поход без обеда и ужина.

— Чудак! Ведь ты мог перекусить в первом встречном подразделении. Никто бы тебе не отказал!

— Это так, но я никого не знал... А когда наконец представился командиру роты и пожаловался ему, что голоден...

— ...командир роты сказал тебе, что ты дурак и должен заняться взводом, не так ли?

— Что-то в этом роде... — Юрек с горечью скривил губы. — Затем старшина приказал собрать моих солдат и сообщил им, что я — их вновь назначенный командир. И предупредил, что если они вздумают шутить надо мной, то устроит им хорошую баню. Я себе представлял, что все произойдет торжественно, что выстроится все подразделение и меня официально примут в кадровый офицерский состав роты. А что получилось? Ни один пес не сказал мне: «Добрый день». Офицеры будто и не заметили моего появления. Солдаты смотрели на меня исподлобья, а честь отдавали с таким видом, будто делали одолжение. Только ты и подошел ко мне во время марша. Ты пожал мне руку и отрекомендовался: «Я — командир первого взвода...» А затем раздобыл мне что-то поесть. Помнишь? На меня тогда удручающее впечатление произвела эта деревня.

— Э-э, дружище, это было замечательное место. Дай нам бог до конца жизни такой гарнизон! А ты знаешь, ведь это Владек Харчиньский и Ключ, как офицеры-квартирмейстеры, обеспечили нам такое жилье в этой деревне, какого, поверь, не имел даже сам командующий армией. Мне и моему взводу выделили такую комфортабельную хату, что только жить — не умирать. Представь себе: дом — как твой двор, под железной крышей, с печкой, комнаты элегантно меблированы и жратва для всего взвода! Доходит до тебя? Хозяину было за пятьдесят, но он уступил мне свою спальню, да и вообще все предоставил в наше распоряжение. Одним словом, крепко тряхнул мошпой. Только потом я узнал, что он был фольксдойче и, возможно, находился в довольно близких связях с немцами. У него были три лошади и племянница. Кони молодые, упитанные, а племянница очень хорошенькая, лет так двадцати, может, на год постарше. Чистенькая, деликатная и очень несчастная. Осталась сиротой, а уважаемый дядюшка всякими махинациями прибрал к рукам

землю ее родителей и даже принуждал девушку выйти за него замуж. Как в хорошем романе, браток!..

— Откуда ты об этом узнал?

— Она сама мне все рассказала... Спальня старика находилась рядом с ее комнатой и соединялась дверью. Накануне нашего прихода предусмотрительный дядюшка придвинул шкаф к двери. Я уже говорил, что разместился в спальне старика. Замечательная спальня! Постель — на пятерых, как я. Подушки — до потолка! Под кроватью — горшок. Словом, все, как положено...

— Ну хватит тебе с горшками! Скажи лучше, что с девушкой? — Юрек не скрывал своего любопытства.

— Ах, тебя интересует девушка, а я думал — кони! — решил я пошутить.

— Да пропади ты со своими конями! Отодвинул ты тот шкаф или нет?

— Не спеши, не спеши! Со шкафом оказалось не так все просто. Он занимал почти всю стену, а я был вконец измучен маршем. На другой же день, когда я немного ото-спался и плотно пообедал (прямо скажем, по-офицерски: жареная курица, зеленый парниковый салат, поджаренный картофель!..), я начал изучать обстановку. Засыпал девушку комплиментами: мол, она такая молодая, красивая, хозяйственная! Сказал, что она чертовски нравится мне, но ничего, мол, не поделаешь: я для нее — всего-навсего только заштатный фрептовой офицер в дырявых штанах и кирзовых сапогах, а она будет богатой наследницей; дядя уже не молод, одинок и, когда протянет ноги, оставит ей все хозяйство. И если я вернусь сюда после войны, она не захочет знать меня. Она, мол, такая симпатичная, стройная... Одним словом, ты знаешь, как сладко поется после сытного обеда и когда в перспективе солидный ужип. Девушка все это восприняла всерьез. И давай жаловаться на дядю и свою судьбу, изливая тоску перед человеком из большого света... Ну и я не каменный, и во мне проснулось сочувствие. Вечером пригласил я капрала Брачковского, и он помог мне отодвинуть тот проклятый шкаф.

— Шуму много было?

— Со шкафом?

Юрек выразительно воздел руки к небу, как бы взывая о помощи, и при этом чуть было не свалился с коня. А я со смехом продолжал:

— Девушка утром была весела, как птичка. Бегала для меня на огород за редиской, в погреб за сметаной и при этом все время интересовалась, что бы я хотел съесть на обед. Дядюшка, видимо, догадался, что между нами что-то произошло, и я ждал только случая, когда он прицепится ко мне. Однако он оказался тертым калачом. Даже когда я, решив показать перед девушкой свою удаль, начал стрелять из пистолета в петуха, гордо расхаживавшего около сарая, и никак не мог попасть в него, дядюшка пришиб петуха шкворнем и, слащаво улыбнувшись, обратился ко мне: «Это будет пану поручнику на обед. Может, еще пару курочек приготовить для солдат?..» Вот и попробуй после этого скажи такому, что он дрянь...

— Черт возьми, должно быть, струсил!

— Видимо, и поэтому я не мог ему ничего сделать. Ты же знаешь, к мирному населению надо относиться с уважением, иначе можно угодить в штрафную роту. И все же, когда мы выступили в поход, я забрал у него пару лошадей и телегу под солдатские вещмешки. На одном из этих коней сидишь сейчас ты, а другой у командира...

Сказав все это, я посмотрел на третьего участника нашей прогулки — сержанта Койтыха. Он остался позади, гарцуя возле обочины дороги. Видимо, решил заставить свою лошадь перепрыгнуть через кювет, с чем она никак не хотела согласиться.

— Видишь? — вполголоса проговорил я Юреку, указав головой на сержанта. — В нем еще сидит душа кавалериста. Он способен мучить клячу до самого вечера!

Дорога вела в гору. Стали видны скрытые за гребнем воронкообразные клубы дыма и пыли, подсвечиваемые снизу языками пожаров, и наконец показалась чаша огромной равнины. У самого ее края находился Вроцлав. Оттуда доносился грохот сражения. Кое-где сквозь поблекшие островки деревьев просматривались корпуса зданий либо едва различимые контуры крыш, среди которых высоко в небо поднимались черные клубы дыма. Сливаясь, они образовывали бурую тучу, которую пронизывали искры взрывов. В городе все гудело и гремело на все лады, а в моменты относительного затишья слышались треск пулеметных очередей и залпы ручного оружия.

Я натянул поводья. Юрек остановился рядом. В течение нескольких минут мы молчали. Мощные взрывы один за другим поглотили несмолкаемую канонаду боя.

Это закончила свою атаку эскадрилья. Лошади, прядая ушами, первно переступали с поги на погу.

— Послушай,— сказал Юрек, не отрывая взгляда от города,— по-твоему, пас действительно бросят в этот кипящий котел?

— Нет! Дадут голько посмотреть! — ответил я, удивленный его наивностью.— Ведь педаром Дросик и другие командеры рот утром выехали на передовую! Сегодня ознакомятся с участками, завтра, возможно, будет смена подразделений, а послезавтра... будем гореть в этом котле.

— Утешил ты меня, как собаку палкой... — Крепцкий не спускал глаз с города.— Но ведь мы должны были сменить советские части на участке Псего Поля! А там, кажется, поспокойнее. Ты же был там вчера? Скажи же что-нибудь!

— Что я могу сказать тебе?.. Может, и спокойнее. Наши и немецкие позиции разделяются речкой и болотом, а это — большой участок. Только вот если придется наступать... Впрочем, идем, сам увидишь.

— Черт вас поберет! Вы что, сговорились, что ли? — взорвался Юрек.— Как о бабах, о лошадях, о выпивке, так у вас рты не закрываются, а стоит только заговорить о фронте, то геросв сразу же нет!.. Вчера встретил я знакомого поручника из десятой дивизии. Ты знаешь, десятая бьется уже на Брокове? Спрашиваю его: «Ну как там?» А он так же: «Придепль, сам увидишь». Злой как дьявол... Что, говорить об этом нельзя что ли?.. Ты, кажется, уже стрелял тут в немцев? — неожиданно сменил он тему.

— Стрелял. Вчера на Псем Поле. Пособрил с одним советским артиллеристом на горсть табаку, что с шестого снаряда собою одну вышку. Торчала там такая на расстоянии тысячи двухсот метров.

— Попал?

— Дудки. Полчаса бил из сорокапятимиллиметровки. Цель едва маячила в дыму, а у меня нет опыта стрельбы из этого орудия. Проиграл, черт возьми, горсть табаку и чуть не сторел со стыда. Конечно, снаряды поражали другие немецкие объекты. Почти каждым выстрелом я попадал во что-нибудь...

— Но вышка-то осталась?

— Где там осталась? Советский артиллерист разнес ее в пух и прах сразу двумя снарядами и снова пред-

ложил поспорить по поводу какой-то трубы. Я тоже хотел было, но фрицы помешали нашей затее и пачали бить по пас из гаубиц. Мне пришлось удирать...

Сзади раздался стук копыт. Это подъезжал сержант. Он громко проклинал свою лошадь.

— Что за дьявольская кляча! — кричал он. — У меня была уже однажды такая в одиннадцатом уланском полку... — И впезапно умолк, взглянув на город. — О, холера! Это пострашнее Варшавы в тридцать девятом году! Если уж советские бьются здесь почти два месяца и запяли только предместье, то я извиляюсь...

— Вот об этом-то и я думаю. У нас будет не очень гладкое поле для парада... А, может, нас избавят от такой переделки? — проговорил Юрек, скривив губы.

— Держи карман шире, пан поручник, не избавят! — Койтых повертелся в седле. — Но не так страшен черт, как его малюют.

Мы еще несколько минут смотрели на город, обмениваясь замечаниями, затем медленно повернули обратно. Я оглянулся. Далеко на горизонте оставался объятый пламенем Вроцлав. Так выглядел фронт, так выглядела цель нашего тридцатидневного марша. За несколько дней мы привыкли к гулу сражения и неподвижным тучам дыма, висящим над городом. Никто уже не обращал внимания ни на звон оконных стекол, вызванный постоянной вибрацией, ни на непрерывную канонаду, звуки которой проникали сквозь стены. Только иногда мощные залпы гаубиц или взрывы авиационных бомб напоминали нам: мы направляемся туда...

Панорама вроцлавской крепости, которую я увидел впервые в урагане сражения, подавила меня. Нет ничего приятного с автоматом в руке лезть в этот кипящий котел, как говорит Юрек. Эх, нет ничего лучше, чем лесные просторы да партизанские палаты! Подобно ястребам, партизаны впезапно сваливались пемцам на головы, поливали все вокруг свинцом из автоматов, забрасывали гранатами укрепления, поднимали в воздух мосты и железнодорожные пути, а затем под прикрытием огня разгоряченные кони выпослили седоков в безопасное место. Это были успешные и азартные бои. Дух захватывало! Все тогда забывалось: и вши, и голод, и холод.

Сержант опять загарцевал по обочине. Юрек, не обращая внимания на пугливость коня, спял с плеча карабин

и, двигаясь в стороне от дороги, высматривал какую-нибудь дичь, чтобы приготовить ее затем на ужин. Таким образом, я ехал к месту расположения батальона в одиночестве.

В течение недели наш батальон стоял в деревне Будзиевице, находившейся возле шоссе, которое соединяло Требницу с Олесьницей, в двенадцати километрах от Псе-го Поля. В соседних деревеньках располагались другие батальоны, полки, штабы дивизий, отдельные артиллерийские бригады и службы. Здесь сконцентрировалась вся 2-я армия Войска Польского, подготавливаясь к смене советских подразделений и частей, которые штурмовали Вроцлав. Создав непрерывную линию обороны вокруг места нашего расположения, мы пока отдыхали после изнурительных ночных переходов с Западного Поморья.

Наша рота разместилась в школе. Просторные классы на первом этаже заняли вводы. В жилых комнатах на втором этаже расквартировались офицеры. Только командир роты, подпоручник Дросик, как профессиональный лесник (а может, отдавая дань романтике), спал в беседке в саду. Беседка, впрочем, была вполне приличной, просторной и остекленной, с лавочками и столиком. Вокруг нее уже начали распускаться березы. Весна наступила в этом году ранняя, будто пожалела тысячи измученных в походе солдат. Солпечная и теплая, весна быстро зеленила поля, обсыпала листьями деревья, через открытые окна врывалась благоуханием фиалок, жгутами плюща обвивала провода полевой связи и наполняла ночную тишину пением соловьев. Может, поэтому Дросик и облюбовал для себя беседку, и, возможно, поэтому почти каждый вечер, когда загорались звезды и в ночном небе начинали свой танец лучи прожекторов, солдаты группами подолгу стояли на улице перед зданием школы. Они смотрели на полыхающий горизонт, на огненные снопы от разрывов снарядов, которые разноцветными каскадами пронизывали ночь, и молчали. Молчали даже тогда, когда подбитый бомбардировщик огненной кометой падал вниз, когда ослепляющие взрывы тысячекilограммовых бомб ощутимо обдавали лицо взрывной волной. Затем кто-нибудь из солдат пробегал пальцами по клавишам гармоника, а кто-то другой прокашливался, и в бас артиллерии, и в гул авиационных моторов вплетался согласованный хор солдатских голосов.

Ранней была и пасха. На 1 апреля приходился первый день праздников, которые в моей памяти ассоциировались с давно утраченным домом, семьей и вкусной едой. Прошли те дни, когда в Поморье, сразу же за линией фронта, мы занимали оставленные немцами деревни и города. Там мы находили все, что душе угодно. По дворам бродили телята, в хлевах визжали голодные свиньи, под ногами путалась домашняя птица. В довершение ко всему погребам были полны различной спеди, соков, вина и всевозможного добра, которое запасливый бюргер готовил в течение многих лет на черный день.

Но на войне как на войне. Однажды вечером по приказу солдаты покинули уютные квартиры и ночью пошли в снег и дождь, совершив марш в шестьдесят километров в район окруженного Вроцлава. Проходя мимо объятых пламенем склада в Пиле, мы прихватили подводу с консервами, немного сухарей в целлофановой упаковке изготовления 1930 года, однако все это уже давно кончилось. Поэтому в первый день пасхи, похлебав соевого супа, мы пожелали друг другу с грустными минами на лице «веселых праздников». Только вечером привезли белый хлеб, колбасу, по восемь тюбиков сыра для офицеров и хороший кавказский табак. Прошел слух, будто должны подвезти яйца и водку, однако вот уже третий день к концу, а их все не везут. Получим, паверпое, на передовой.

— Эй, Вальдемар, о чем так задумался? — услышал я голос Юрека. Он догнал меня. В седле держался он уже более уверенно; с карабином в руках, юный, улыбающийся, он походил на мальчишку, играющего в войну. За ним на взмыленном копе плелся сержант.

— Вспоминаю сытую жизнь. Тебя тогда с нами еще не было, — вздохнул я.

— Знаю. А помнишь, как старшина устроил для нас пиршество где-то около Милича?

Мы рассмеялись. Я помнил...

Мы расположились тогда на суточный отдых в опустевшей деревеньке, спрятавшейся среди лесов и озер. Добротные, главным образом двухэтажные дома отстояли далеко друг от друга. В домах — ни единого выбитого стекла. Офицеры расквартировались отдельно, при своих взводах. Под вечер командир роты пригласил нас к себе, как мы думали, на совещание. На пороге сержант Койтых встречал прибывающих. На нем были фрак, манишка

с бабочкой, белые перчатки и цилиндр. Брюки же были залатанные, тиковые, на ногах — кирзовые сапоги. То ли ему не удалось пайти соответствующих лакированных штиблет, то ли он боялся, что тревога может застать его в брюках от фрака. Комфортабельную, в охотничьем стиле столовую освещали горящие свечи в канделябрах и боковых подсвечниках. На столе, покрытом ослепительно белой скатертью, на старинном саксонском фарфоре лежали одурманивающие одним запахом жареная дичь, мясо серны, разогретые консервы и что-то из холодных закусок. Водка, как оказалось потом, сильно отдающая бензином, была палита в хрустальные графины. Сержант сделал для нас сюрприз: через шоферов раздобыл где-то спиртного и вместе с командиром роты устроил «бал для панов офицеров».

И поскольку каждый, полагая, что нас позвали на совещание, взял с собой связного, то недостатка в официантах не было...

Нас обгоняет переполненный советскими солдатами чихающий газик. Они что-то весело кричат нам. Мы приветливо машем им руками. Только сержант Койтых отдает честь, будто желая продемонстрировать союзникам, что в нашей армии честь отдают двумя пальцами.

Мы пришипирили коней. Солнце клонилось к горизонту. Дросик, видимо, уже вернулся с передовой, а если так, то, песомненно, сможет ответить на волнующий нас вопрос: когда и где нам будет выделен участок. Подъезжая к деревне, мы увидели какие-то подразделения, отрабатывающие на выгонах тактические приемы в рассыпном строю. Две небольшие колонны полевой дороге направлялись в сторону шоссе. Койтых приостановил коня и, прикрыв глаза ладонью, присмотрелся.

— Слушайте, да это же наша рота! — закричал он удивленно.

— Как наша? После обеда у нас должна была быть генеральная чистка оружия, — сказал я, поднося к глазам бинокль, но тут же рассмотрел знакомые фигуры, а популярная у нас песенка о прекрасной девушке не оставила ни малейших сомнений. Каждое подразделение имело свою любимую песню. Это был своего рода безошибочный опознавательный знак.

Мы остановились, ожидая, когда колонна выйдет на шоссе. Рота двигалась повзводно и с полным вооруже-

нием. Во главе шел мой штурмовой взвод: ровные ряды по четыре человека колыхались в такт шагов. Черные силуэты ручных пулеметов на плечах у первых номеров, тупорылые автоматы на груди автоматчиков... Гвардия роты. Дальше — щетка штыков над головами. Это стрелковые взводы Кренцкого и подхорунжего Януша. За ними следовал взвод гранатометчиков со снаряжением в тюках. И в конце — станковые пулеметы Владека Жарчиньского.

Солдаты, заметив пас, подтянулись, подравняли оружие. Шагающий впереди командир первого отделения высокий и худощавый капрал Побяжин, уроженец Белоруссии, издав далеко как-то извиняюще улыбнулся мне. Мой заместитель по политчасти капрал Брачковский сделал неопределенный жест рукой, видимо, хотел что-то сказать, но, оглянувшись на подпоручника Жарчиньского, дал понять, что тот все объяснит.

Жарчиньский был дежурным и потому не поехал с нами посмотреть на Вроцлав. Теперь он, молчаливый и озабоченный, шел рядом с колонной, засунув руки в карманы шинели. Возле нас остановился.

— Ну как, добыли что-нибудь на ужин?

— Добыли: прекрасный вид на Вроцлав. Ты скажи-ка лучше, зачем эту роту подняли со всем снаряжением? — накинулся я на него. — Мало что ли ребята намытарились?

— Подожди, не бесись. Как узнаешь все, с коня свалишься. — Владек начал сворачивать самокрутку. — Так вот, да будет тебе известно, что из твоего любимого взвода в самый полдень, как только вы выехали, дезертировал сержант Юзеф...

— Что? Юзеф? Мой заместитель?

— Сбежал, сволочь...

— Черт возьми! Ты выслал патруль?

Жарчиньский развел руками.

— Зачем? Ведь все дороги и так патрулируются. Вечером в дополнение к этому мы выставим на всех перекрестках свои посты. А потом, куда я должен был выслать? Он ведь не сообщил свой маршрут. Сел, наверное, в первую же машину, и ищи ветра в поле. Теперь он, видно, где-нибудь километров за сто отсюда. Я доложил об этом только в батальон и сообщил его приметы полковой контрразведке.

— Будь он проклят! Испугался фронта, паскуда! Теперь от расстрела ему не уйти. Ты для этого и вывел роту в поле?

— Конечно. Все подразделения после обеда вышли на учения. Ночью из батальона сбежали еще двое. Ты знал капитана..? — Владек назвал фамилию офицера из полка, в котором я прежде служил и который сейчас расположился на постой в соседней деревне.

— Очень хорошо. А что?

— Вчера вечером ушел. Ни привета, ни ответа. Вот поэтому-то сегодня и такой переполох с учениями. Надо людей чем-нибудь запясть.

— Что за холера их обуяла?

— Как не обуять? Солдаты бездельничали все праздники, и все праздники — на пустой желудок. А дрянная жратва — наихудший советчик! Плюс к тому же распространился слух, что нас ждет адская переделка. Вроцлав дымится прямо перед носом, и в каждой армии находятся вши, которые бегут перед стиркой, — говорил Жарчипьский, шагая рядом с нашими лошадьми. Внезапно он оживился: — А знаете? Самое интересное, что у того капитана, который дал деру, в его же батальоне служит сын...

— Слышал. Рядовой, доброволец. Сбежал из дому и попал под командование отца. А самого капитана призывали раньше, как довоенного офицера запаса...

— Я не знаю всех подробностей, но главное вот в чем: сын-то остался, не дезертировал.

— Действительно, интересно... — подумал я вслух. — Но он был доброволец. Как же он мог драпать, даже если и с родным отцом?

— Пап поручник, а разве мало из нашего полка сбежало добровольцев, как только, очутившись в казармах, они понюхали дисциплины и пороку? Доброволец не доброволец, а важно, кто как бережет свою честь. Я в тридцать девятом был ранен и продолжал сражаться, а другие, не успев увидеть немца, уже искали гражданскую одежонку. Позор на всю армию! И теперь вот такой сержапт Юзеф... — проговорил Койтых и, смачно выругавшись, прищипорил копы. Он галопом понесся за удаляющейся колонной; догнав ее, объехал вокруг, а потом послышался его гортанный голос:

— Это что, по-вашему, песня? К черту с такой песней! Выше ногу! Второй взвод, пачипай! Три... Четыре!..

Рота рывкнула слаженным хором, превознося до небес добродетели прекрасной Альфреды.

— Видишь,— обратился я к Юреку,— теперь у сержанта твой взвод в фаворе!

Кренцкий не ответил. Он отпустил поводья и молча начал разряжать карабин, морща лоб.

Часовой, стоявший на посту у входа в расположение роты, с лягом взял «на караул». Четырнадцатилетний Сташек, «сын роты», подбежал, чтобы забрать лошадей и отвести их в сарай.

— Поручник Дросик вернулся? — спросил я его.

— Еще нет. Хорунжий Клюм сказал, что командир вернется только к ночи... — Сташек вдруг запнулся и покраснел.

— Что там у тебя?

— Пан поручник,— тихо заговорил Сташек,— мы будем сражаться на том самом Псем Поле, где Кшивоусты из пемцев нарубил капусту?

— Да, на том самом,— невольно усмехнулся я, вспомнив поговорку школьных лет.

— У меня к вам просьба. Замолвите за меня словечко командиру роты, чтобы он приказал выдать мне автомат...

— Зачем? Ведь ты не пойдешь в бой? — вмешался в разговор Кренцкий.

— Пойду, вот в том-то и дело, что пойду! — почти закричал, парень и посмотрел на нас потемневшими от гнева глазами. С тех пор, как он перешел бывшую немецкую границу, Сташек постоянно просился в бой.

— Прекрати верещать! Пойдешь, но только на кухню, чистить картошку! — как всегда, пригрозил я ему.

Из помещения, откуда, как обычно, перед ужином доносился многоголосый шум, вышел заместитель командира роты по политчасти хорунжий Клюм. Обнажая в улыбке вставные зубы, он подошел к нам.

— Приветствую вас. Как прогулка? — И, не дожидаясь ответа на приветствие, хлопнул меня по плечу. — Не беспокойтесь, пан поручник, того сукина сына непременно поймают. Если будет в форме, это сделают наши, а если переоденется в гражданское, то русские...

— Пан Клюм, и откуда вы только черпаете юмор?

— Как это «откуда»? А вы не знаете, что привезли водку? По восемьдесят граммов. И офицерам, и солдатам. Справедливо! Есть демократия в армии или нет? Я уже пригубил... — И он рассмеялся.

— Все-таки привезли...— оживились и мы с Юреком.

— Так точно, привезли.— Ключом поднял палец вверх.— Это значит: либо вступим в бой ночью, либо утром лучшим боевой участок на передовой. Так или иначе, ребята, а сегодня справляем поминки по спокойной жизни! — Он поводил пальцем у нас почти под самым носом и, повернувшись, зашагал в помещение.

Покачивая головой, мы отправились следом за ним. В самой большой комнате было шумно. Раздавали ужин. Соевый, ставший уже «традиционным» суп дымился в котелках, выстроившихся на школьных партах. На подстилках, занимавших половину помещения, лежали солдатские шипелы и вещмешки, заменявшие подушки. Протертое оружие поблескивало у стены. На ящиках для боеприпасов красовался огромный термос. Командиры отделений стояли в очереди и держали в руках всевозможные судки. Остальные солдаты сгрудились вокруг, внимательно наблюдая за торжественным церемониалом. Койтых уже начал выдавать спирт.

— Следующий! — гремел его голос, так что стекла звенели.— На сколько?

Капрал Середа, щелкнув каблуками, подставил котелок.

— Один плюс двенадцать, гражданин сержант.

Койтых прищурил глаз и моментально проверил в памяти названное число солдат в отделении. Все совпадало. Наливая, он рычал уже более добродушно.

— Поделить! Не разлить ни единой капли, ибо это — пот и кровь отца твоего и брата, которые страдают дома, в то время как ты здесь только хлеб переводишь. Вот, держи... Отойди! Следующий!

После слова «держи» слышалось непередаваемое, очень веское русское ругательство. Койтых напутствовал так каждого солдата. У него это была своего рода уставная и обязательная формулировка при важнейших случаях, выплате жалования или выдаче увольнительных. Сержант выработал свои методы воспитания и свой стиль. На всех торжествах, докладывая командиру о личном составе роты, он громко и внятно произносил любимое выражение

в качестве вступления, а затем сообщал, что есть столько-то и столько папов офицеров, столько-то подофицеров и столько-то и столько рядовых. При этом, если речь заходила о провинившихся или тех, кто попал в лазарет, он мог, например, сказать: «Трое симулянтов — в лазарете, два сукиных сына — на гауптвахте, два изменника родины опоздали из увольнения...» Койтых даже менял интонацию и силу голоса в зависимости от пазываемого им звания и положения нарушителя, которому он давал характеристику.

Никогда не забуду, как по прибытии в полк мне в связи с временным отсутствием командира роты пришлось согласно своему званию исполнять обязанности командира нашего подразделения. Я принял от сержанта рапорт, поздоровался со всеми присутствовавшими командирами взводов, представился солдатам и сообщил, что буду от них требовать. Потом сержант попросил разрешения сказать несколько «воспитательных» слов. Я разрешил.

— Помните,— гремел он тогда, обращаясь к солдатам,— что командир роты — это ваш отец, а старшина роты — это ваша мать... сукины вы дети! Все ясно?

— Так точно! — Сто двадцать голосов прозвучали, как единый выстрел — стройно, громко, четко. Старшина роты, любивший муштру и дисциплину, с признательностью посмотрел на солдат и, явно расчувствовавшись, сказал мне:

— Из них выйдут люди, пап поручник. Выйдут, только надо еще крепче держать их за морду!..

Довоенный кадровый кавалерийский подофицер, он недолюбливал пехоту, но тем не менее добросовестно заботился о благе подчиненных ему солдат роты, не обкрадывал их и проявлял по отношению к ним своеобразный сентимент, подобный тому, который проявляет цыган к своему дрессированному медведю. На нас, «демократических» офицеров без специального образования, он старался произвести впечатление человека с армейским опытом и широким кругозором; в отношениях же с «довоенными» был мягок как воск. Его любили и уважали, так как он считался одним из лучших старшин.

Когда наступил вечер, мы все собрались в нашей комнате. Койтых приготовил для офицеров ужин. В центре комнаты стоял стол, накрытый из-за отсутствия скатерти какой-то картой, снятой с классной стены. Койтых рас-

ставил котелки с супом, нарезал хлеба, а затем поставил на стол кувшин со спиртом и начал разбавлять его подслащенной водой, ежеминутно предлагая нам по несколько капель на пробу. Спиртовый раствор получился хорош, но старшина считал, что ему еще надо дойти и только после этого мы будем иметь настоящий мужской напиток. А тем временем дожаривались куропатки, которых подстрелил один из подофицеров найденной в школе дувстволкой.

Похлебывая суп, мы вели разговоры на самые разные темы, но никто не говорил о фронте, хотя каждого из нас мысль о нем мучила, как зубная боль. Даже Кренцкий не задавал панвных вопросов. Он, заметно притихший, сидел, уставившись на кувшин с водкой, и время от времени говорил как бы самому себе:

— Да, будет весело.

Жарчинский поглядывал на Юрека и, не догадываясь о действительной причине его угнетенности, наконец сказал:

— Что грустишь? У нас, наверное, литра три водки... Старшина! — вдруг испуганно закричал он. — Вы не слишком разбавили спирт? Должно быть... Мипутку! Пять командиров пзводов, Ключ, вы и командир роты, — считал он, — всего — восемь порций. Таким образом, шестьсот сорок граммов плюс столько же воды. Получается неполных полтора литра, а здесь...

— Прибавьте еще шесть порций, — спокойно сказал старшина.

— Каких шесть? Еще кто-нибудь придет?

— Одна дезертирская и пять лазаретных.

И старшина, размешивая ложкой жидкость, рассказывал, кому мы обязаны дополнительными пятью порциями спирта. Сразу же по прибытии в Будзивоевице квартирмейстер полка выслал несколько фургонов, в том числе два из нашей роты, в паходившуюся в более чем десяти километрах от нас Лиготу за овсом для лошадей, большие запасы которого были обнаружены в амбарах, принадлежавших, видимо, немецкому помещику. Обозные привезли оттуда овес и... девушку, невзрачное на первый взгляд создание с черными глазами, темными короткими волосами, упрямо спадающими на лоб. У нее был маленький носик, полные капризные губы, смуглое лицо. Она вообще была смугляпкой и, обладая длинным щуплым туловищем

на коротких ножках, напоминала собой таксу, как сказал о ней старшина. Родом она была, кажется, из Лешина, а в Лиготу ее вывезли на припудительную сельскохозяйственную практику, обязательную для учеников средних пемецких школ. Ей удалось избежать эвакуации в глубь Германии, а когда прошел фронт, она ожидала какого-либо доступного для нее транспортного средства, чтобы возвратиться в родной город. Одним словом, историл, каких было тысячи на территории, охваченной войной.

Обозные, ребята из-под Вильнюса, чувствительные к человеческим несчастиям, готовые помочь беспомощным людям, усадили девушку на фургон с овсом и привезли в Будзивоевице: все ближе до Лешина, да к тому же она будет среди поляков.

— Ну, а всем известно, — философски произнес старшина, — что к солдатам всегда льнут неприкаянные беззащитные существа. И вместо того чтобы подыскать возможность двигаться дальше, девушка пристроилась при батальонной кухне. Я сам с ней толковал. Курила, как заправский матрос, а на старших по званию смотрела как побитая собака. Ребята с ней заигрывали и доигрались. Батальонный писарь и четверо солдат из хозяйственного отделения уехали сегодня в лазарет. Заразила еще повара и двух солдат из других рот. Утром ее взяли в контрразведку.

— Может, немцы специально оставили ее в том имении? — спросил Владек.

— Черт ее знает! Сама расскажет. Контрразведка в таких случаях не церемонится, — разводя руками, закончил Койтых.

В прифронтовой полосе не раз случалось, когда немцы специально оставляли или женщин, зараженных венерическими болезнями, или отравленные продукты и сигареты. Немцы не раз пытались заразить и наши полевые кухни... Однако эта интересная тема сразу же была забыта при виде куропаток, которые внес на сковороде ординарец. Запах жареной дичи наполнил все помещение, и мы энергично двинулись к столу.

Оставив Дросику причитающуюся ему долю, мы забрали у Клюда жбан и пустили его по кругу. Час спустя я уже лежал в постели и, постукивая в такт шпорой, пел какую-то песенку. За столом шел шумный разговор.

Владек Жарчиньский, положив голову мне на живот, крепко спал. Вскоре уснул и я.

Проснулся я от страшного крика и с ужасом понял, что меня подбрасывают под потолок. «Нех жие!» — ревели неистовые голоса. Я узнал ребят из своего взвода. Не успел я опомниться, как они под предводительством старшины и Владека кубарем побежали вниз, так что ступеньки затрещали у них под ногами, а через минуту вновь раздались крики.

Восьмидесяти граммов спирта под водянистый суп вполне хватило для отвыкших от алкоголя людей, чтобы так возбудить их.

Я оглядел помещение, освещенное двумя стеариновыми свечами. Ключом водил пальцем по залитой супом карте и что-то втолковывал маленькому Сташке. Парепек, обсасывая крыло куропатки, дисциплинированно кивал головой. Рядом с ним в клубах табачного дыма подхоружий Януш играл с командиром гранатометчиков в очко. Юрек сидел верхом на кресле, опершись подбородком о спинку, и, казалось, в мыслях был далек от всего окружающего.

«Выпил и загрустил», — подумал я о нем, а затем встал и подошел к нему.

— Ты что, Юрек, задумался, как выиграть войну?

— Думаю, как бы собственную голову не потерять, — лениво ответил он, не поднимая ко мне лица.

— В очко поставил? Братцы, поставим голову Юрека на банк! Типу до третьей! — обратился я к играющим. Действие алкоголя у меня еще не прошло.

— Не придурайся! Сядь! — Кренцкий потянул меня за рукав, а когда я сел, тихо спросил: — Скажи лучше, что со всем этим будет?

— С чем?

— Ну с этим фронтом и вообще с нами? — процедил он. Казалось, он был совершенно трезв.

— С нами? А что с нами может быть? Возьмем Вроцлав, потом Берлин и конец! Я отправлюсь в Восточную Пруссию начальником какого-нибудь гарнизона, а ты станешь комедантом в Люблине. В твоём распоряжении будет жепский батальон...

— Хватит тебе! Скажи, наконец, по-человечески?

— Я и говорю. Разобьем фрицев, и можешь возвращаться до дому.

— До дому так до дому, но... знаешь, у меня серьезное дело...

— Серьезное, говоришь? Это значит, сердечное. У тебя есть девушка, не так ли? Не беспокойся, у меня тоже есть... Эх, погуляли мы с ней под соловьиные трели!..

Я невольно закрыл глаза. За окном в саду, то шелкая, то заливаясь, самозабвенно пел соловей, совсем как на далекой Любелъцизне во время наших встреч с Алей. И вдруг воспоминания на какое-то мгновение так сильно обожгли меня, что я почти физически ощутил прикосновение девичьих волос па своей щеке, приятную тяжесть ее тела, когда она шла, повиснув на моей руке, теплая, податливая, что-то щебечущая...

И тем не менее я рассмеялся:

— Ничего, Юрек, оклемаемся после войны! И для нас с тобой солнце будет светить.

— Для тебя, может, и будет, а я вот, видно, буду стирать пеленки, качать ребенка...

— Какого ребенка? Ведь ты же холостяк?!

— Ну а если холостяк, то, по-твоему, евнух? Вот в том-то и дело, что нет. А теперь... — И он беспомощно развел руками.

— Прекрати охать и скажи наконец, в чем дело?

— Не злись. Это ведь мое личное дело, и тебя не касается. — Кренцкий взглянул на меня и грустно усмехнулся. — Со мной приключилась паскудная история... Личная, но коль скоро ты хочешь знать... Видишь ли, во время оккупации я учился в Люблине в нелегальной польской школе. Там я познакомился с одной девушкой, высленной из Поморья. Она была старше меня и работала на почте. Представь себе: высокая, стройная, с осиной талпеей, а бюст — уколоться можно! — Он оживился и руками начертил в воздухе контуры женской фигуры. — А я, понимаешь, был при деньгах. Отец занимался торговлей в провинции, ну и присылал, сколько мне хотелось.

— У тебя с ней что-нибудь было?

— В том-то все и дело. Начал я ее обхаживать, но она даже близко не подпускала. Даже здороваясь со мной, напускала на себя вид Марии-Антуанетты перед казнью. Ну а меня брал гопор. Ты представить себе не можешь, сколько денег я на нее ухлопал!..

— Ты что же, не мог найти себе другую?

— Легко сказать. Но видишь ли... — Он обхватил голову руками.

В комнату, волоча за собой большой, выполненный в масле портрет Гитлера, влетел сержант Койтых.

— Ребята! — заорал он. — Тот, кто попадет этому сукину сыну в глаз, получит пятьдесят граммов сверх нормы! — Он вытащил из кармана полную бутылку и, вскочив на стул, повесил портрет вверх ногами.

— Bravo, старшина! — Владек с пистолетом в руках следовал за сержантом и прямо с порога разрядил целую обойму. Посыпалась штукатурка, запахло пороховым дымом, портрет на стене закачался. Сташек предусмотрительно отбежал в угол. Владек выругался: не попал Гитлеру в глаз! Юрек, усмехнувшись, потянулся к карману шинели, лежащей на кровати. Вытащив свой трофейный пистолет, минуту целился и спокойно несколько раз подряд нажал на спусковой крючок.

Старшина подбежал к портрету.

— Есть, полморды как не бывало! — И схватил бутылку. — В какую кружку, пан поручник?

— Наливай в эти две, — проговорил Юрек.

— В две кружки одну порцию в пятьдесят граммов?

— Сейчас будет и вторая. — Кренцкий передал мне пистолет.

Я расстрелял оставшиеся в обойме патроны. Портрет на стене раскачивался, как маятник часов. Старшина даже не стал проверять результаты стрельбы и, налив мне и себе, присел рядом с нами. От чистого спирта на мгновение перехватило в горле. Мы запили кофе. Владек схватил бутылку со стола и шутя начал бороться за нее с Ключом. Игравшие в карты не обращали на них никакого внимания.

— Хорошо стреляешь, — сказал я Юреку.

— Школа сказывается, — с улыбкой ответил он. — Да, я рассказывал тебе о той девушке. Ну, так вот. Однажды, выпив для смелости, я отправился к ней и застал у нее в квартире целую компанию, в том числе и двух моих приятелей. Скорчив недовольные мицы, они моментально убрались. Водка придает человеку храбрости, но, когда я попытался дотронуться до своей королевы, она заехала мне по физиономии. Морда у меня распухла, но я решил идти напролом. Что мне оставалось делать?..

— Взять силой! — вмешался старшина.

— Как? Так по-хамски?.. Нет, не мог я так поступить... Стал рассказывать ей все о себе, о семье... и поклялся, что жепюсь на ней.

— Ну и что она на это?

— Закрыла дверь на ключ... Одним словом, она не была святошей... Но тут вот еще что... — Юрек заколебался. — Понимаешь ли, она была дочерью фольксдойче. Отца ее немцы взяли в армию. Служил он где-то во Франции. А какие посылки он ей присылал! Мне стало об этом известно позже, по факт остается фактом. С того дня оба моих приятеля, кретины, пробовали называть меня «родственничком», но я дал им по шее, и они замолчали. А с девушкой у нас дела пошли на лад. После освобождения я проводил у нее почти каждую ночь. И вот однажды она потребовала, чтобы я принял решение: свадьба или...

— Ты что же, не мог с ней поговорить по-хорошему, с пистолетом в руке?

— Не в этом дело... Она сказала, что ждет ребенка.

— От кого?

— От меня! — Юрек опять беспомощно развел руками.

— Идиот! А приятели твои что же, газеты у нее читали?

— Это, конечно, так, но... — заикаясь, проговорил Кренцкий, — по все знали, что она была моей любовницей. Все теперь увидят, что у дочери фольксдойче ребенок от меня. Мой отец — по профессии историк. Он только во время войны открыл у себя талант торговца. После освобождения он получил какой-то высокий пост в ведомстве народного образования. После же войны должен получить кафедру в Варшаве. В семье я — единственный сын. Старик учил меня прежде всего греческому, а не молитвам, готовил меня к поступлению в университет, у него все надежды связаны со мной... Ты не представляешь, что с ним было, когда ему стала известна эта история!..

— Ага! Так вот почему ты оказался в армии?

— А что мне оставалось делать? Отец не давал мне покоя. Знакомые избегали меня как прокаженного. Женщины перестали отвечать на мои приветствия. Я хотел, чтобы она уехала. Но куда? Поморье еще не было освобождено. Я должен был вырваться из всего этого, успокоить отца и как-то реабилитировать себя.

— Надо было вступать либо в милицию, либо в управление безопасности. Туда ушли многие, подобные тебе!

— Нет, браток, я захотел в армию, в офицерскую школу. Рассчитывал, что, пока из меня сделают солдата, девушка, возможно, уедет в свои родные места. А папочка тем временем вытребует меня домой и пошлет учиться. Но дело получилось дрянь: попал из огня да в полымя. За две недели я прошел курс молодого бойца, затем за месяц окончил курсы, а потом мне дали звездочку на погон и предоставили возможность продвигаться в звании в первых рядах сражающихся! — Кренцкий произнес последние слова с пафосом. — Сначала я даже гордился: ведь как никак — подпоручник! Женщины слетаются на звездочки, солдаты вытягиваются в струнку перед тобой... А сегодня, как посмотрел я вблизи на город...

— Страх охватил тебя, доброволец?

— Смейся! — Юрек махнул рукой. — Но пойми ты меня и мое положение! Там я — как паршивая овца, ибо живу с дочерью фольксдойче, здесь же довоенные офицеры смотрят на меня с презрением, поскольку у меня нет военной квалификации. Они приветливы, но только лишь потому, что этим хотят подчеркнуть свое хорошее воспитание, полученное в трехлетних офицерских школах. Да и ты, и Дросик, и вообще почти все вы, добровольцы из партизан, смотрите на нас, «четырёхнедельных» офицеров, как на сопляков. Для вас прихлопнуть немца или бандита — все равно что плюнуть. Вам поднять и повести взвод в атаку... не повость. Вам ничего не стоит расстрелять даже своего солдата, если он не исполнит приказа!..

— И подставить свой лоб вместо его, если потребуется! — прервал я его.

— Согласен, — кивнул головой Юрек. — Вы руководствуетесь фронтовой солидарностью, в вас еще сохранились принципы гражданской порядочности. За это вас и солдаты любят, и довоенные офицеры предпочитают не обострять с вами отношения.

— В том-то и заключается искусство, чтобы увязать одно с другим.

— А я вот не могу ни подставить под пули свой лоб за солдата, ни с пистолетом в руках гнать его в бой. Во мне слишком мало военной отваги и слишком много гражданской порядочности. Кроме того, я всегда руководствуюсь принципом: лучше пять минут быть трусом, нежели быть трупом.

— Подожди. Скоро растеряешь все свои принципы.

Здесь ты через два месяца стапешь таким же, как мы. И тогда ты наплюешь на эту историю с девушкой.

— Чтобы... — Юрек на мипуту задумался и верпудся к старой теме разговора. — Но она ведь ждет меня!.. Если я жепюсь на ней, отец проклянет меня. А как я буду жить без его помощи? Нет, я не женюсь на ней. Она скомпрометирует всю мою семью. Старик не переживет такого удара.

— Оставайтесь в армии на действительной службе! — заметил молчавший до сих пор Койтых.

— Нет, старипа, я говорил уже, что это не для меня. Мне в армии нравится только одно — откровенное, открытое товарищество без разных там интриг, секретов и вмешательства в личную жизнь других.

— У нас и без того работы хватает. Вскрывать чужие грехи — это дело офицеров-«особистов».

Юрек поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Но я не хотел бы, чтобы моей историей занялись «особисты».

— Будь спокоен. Самое главное, как из нее выкрутиться, — проговорил я тихо. — Старшина, посоветуйте что-нибудь, как выйти из этой истории с фасоном, по-джентльменски? Голова улана — это все равно что две в пехоте.

— Но вы ведь тоже кавалерист! — Койтых сделал мне реверанс.

— Да, но партизанская кавалерия — это ведь не одиннадцатый уланский полк...

— Ясно, ясно... — согласился старшина и нахмурился. Будучи крепко под хмельком, он никак не мог сообразить, подначиваю я или действительно признаю превосходство уланов. И все же он сразу предложил свой проект.

— Вопрос, ребята, прост. Надо выслать этой девушке извещение, что подпоручник Кренцкий пал смертью храбрых!

— Вы с ума сошли! Делать из меня покойника? — Юрек даже рот раскрыл от ужаса. — Да она еще напишет в штаб с просьбой прислать подтверждение! Вот тогда все выплывет наружу, и я за такую шутку ужогу в штрафную роту. А там, считай, могила. Нет уж, хлопцы!..

— Не теряйте голову, пан подпоручник, — убеждал его старшина. — Мы сфабрикуем такую бумагу на бланке, со всеми печатями. Ни один дьявол не догадается. Сообщу выдуманный номер полевой почты, нумерацию на печати слегка подзатру... Комар носа не подточит. А если

она захочет проверить, пусть ищет штаб, когда мы будем на передовой. Никто не сообщит ей места нашей дислокации. Бумага с печатью действительна? Действительна. Каждая комендатура подтвердит это сразу же.

— Нет, нет, ребята,— крутил головой Юрек.— Может, это и хорошо, и стоит рискнуть, но знаете... такое извещение — это как бы собственноручно подписанный смертный приговор. А если она придет с извещением к отцу? Старого хватит удар.

— Пижон! Напиши деликатно отцу, в чем дело — и все в порядке. Старшина, утром отсылаем. Решено, Юрек? Да здравствует жизнь холостяка! — И я протянул руку.

Крепцкий встал. Он был какой-то сам не свой, но стараясь всем своим видом внушить присутствие духа.

— Согласен.— Он подал мне руку, посмотрел на старшину и сказал нам обоим: — Замысел ваш, действительно, не отличается излишней утонченностью, разрази вас гром!

— Ну, в таком случае — за этот замысел!.. Ключ, черт возьми, отдай бутылку, а не то застрелю! — смеясь, я схватился за лежавший на столе пистолет.

— Зачем вам бутылка? — Ключ неукорно оскалил зубы и спрятался за Владека.

— Чтобы выпить за упокой моей души! — Юрек театральным жестом воздел руки к небу.

— А... тогда... ша! Не стреляйте! — Махая ладонью, Ключ подошел и палил нам спирту.

— Ну, будем, ребята.

Мы выпили.

— Юрек, не забудь, что завтра утром ты дежуришь по батальону,— сказал я.

— Ему везет,— заметил Владек.— Мы будем утром на передовой. А он счастливый...

— Везет? — Юрек неприятно рассмеялся.— Везет как утопленнику!

Я взглянул на него. Он перехватил мой взгляд.

— Что ты смотришь на меня, как на покойника? — закричал вдруг он. Последний глоток спирта, видно, здорово ударил ему в голову. Лицо его исказила гримаса. Говорил он бессвязно.

— Трупы не обязаны идти на передовую, не так ли? Но я пойду... Почетно! Подпоручник я или нет? — Крепцкий ударил себя кулаком в грудь.

— Ты перепил! Иди спать! — Я повалил его на кровать и начал стягивать с него сапоги. Остальные офицеры тоже укладывались. Меня вновь охватило какое-то страшное чувство беспокойства, которое не мог заглушить даже хмель. До моего слуха донесся раскатистый грохот гаубиц, пой самолетов. В оконных стеклах отсвечивали всполохи взрывов, разрушавших вроцлавскую цитадель.

ПРЕЛЮДИЯ

Измученная лошадь еле переступала ногами. Улицы были безлюдны. У калиток, возле заборов, вокруг вилл и у ворот каменных домов стояли сонные часовые. Заслышав стук копыт, они поворачивали в мою сторону голову и лениво брали «на караул». Убаюкивающая тишина царила в городе, и цоканье лошадиных подков эхом отдавалось между домами.

Час назад бледный солнечный диск поднялся над вроцлавским пепелищем на юго-востоке горизонта. Начинался ясный теплый день.

Я с удовольствием подставил лицо солнцу. От набухшего влагой мундира шел легкий пар. Ночью был дождь, и противный ветер задувал сквозь протертые швы плащ-накидки воду. В результате вся шинель и даже нижнее белье промокли, обдавая холодом тело. Мы шли всю ночь, хотя протяженность перехода едва составляла двадцать пять километров. Раскисшая, ухабистая дорога, собачья погода и прежде всего расслабленность после недельного отдыха весьма ощутимо сказывались на наших суставах. Мы отвыкли от походов.

Когда на рассвете мы добрались до Оборипка — цели нашего перехода, солдаты сразу же повалились спать. Свой взвод я разместил в аптеке, стоявшей на перекрестке двух улиц. Комнаты, выходившие окнами на улицу, были завалены всевозможными бапками и коробками. Солдаты разместились в глубине здания, в покинутых комнатах аптекаря.

Не дожидаясь завтрака, я оседлал коня и, проклиная самого себя, поехал проверять посты. Наш батальон находился в состоянии боевой готовности, а меня угораздило попасть на дежурство. Вчера, после нашего бурного за-

столя накануне, мне как-то стало совестно будить на рас-свето Юрека, и потому я добровольно заступил на дежур-ство вместо него. «Пусть знает, как поступают друзья», — думал я. У меня и в мыслях не было, что грядущий день принесет какие-либо перемены, поскольку вернувшийся с передовой Дросик не привез никаких конкретных ново-стей. Юрек встал около полудня. Он пришел в штаб бат-альона, пожаловался, что у него раскалывается голова, но все равно хотел заступить на дежурство. Пришлось послать его ко всем чертям. Как раз в это время позвонил командир полковой разведки, который со своим взводом расквартировался в отдаленном конце городка. Он сооб-щил, что у него находится девушка, украинка, которая работала до этого у бауэра и осталась здесь после эвакуа-ции немцев. Разведчик предложил мне заглянуть к нему выпить по рюмочке в женском обществе. Вместе с ним мы создавали разведывательный взвод в дивизии в период ее формирования, и с тех пор он не забывал старого прия-теля.

Я прогнал Юрека в роту, а после обеда доложил коман-диру батальона, что еду проверять личный состав под-разделений. И отправился к разведчикам.

Украинка была молодая, здоровая, как говорится, кровь с молоком. Глаза зеленые, бюст — что купола в Киево-Пе-черской лавре... Командир разведчиков вертелся около нее, как собака вокруг ежа. Она же с подозрением смотрела на поляков. Поскольку мои познания в украинском язы-ке вызвали бы сомнение даже у коренных варшавян, я решил бросить в наступление весь запас своего белорус-ского красноречия и подкрепил его знанием украинской литературы. Когда наступили сумерки, я уже и сам по-верил в то, что всю свою жизнь провел в Минске, а Тарас Шевченко и Иван Франко — единственные писатели в мире. По-польски, разумеется, я не понимал ни слова. Командир разведчиков, подбадривая, толкал меня ногой под столом, а когда после моей декламации стихов из «Кобзаря» девушка предложила мне прогуляться по саду, он пробурчал только:

— Какие способности!..

Однако, видимо, дьяволу было угодно, чтобы эти спо-собности пропали даром. Едва я успел пройти с девушкой возле только что распустившихся яблонь, как ко мне под-летел связной из батальона.

— Тревога! Выступаем! — прохрипел он, соскакивая с велосипеда. Меня будто обухом по голове огрели.

— Чтоб у тебя язык отсох! Не мог попозже приехать! Кати отсюда! — выпалил я, не скрывая своей досады. В гневе я заговорил по-польски. Девушка от удивления открыла рот и заморгала глазами: догадалась.

— Любой труд должен быть вознагражден! — рассмеялась она, сверкнув белыми, как снег, зубами. — Здорово у тебя все же получилось! — проговорила она с явным сожалением...

Эх, доля, ты, солдатская доля! Сколько загубила ты человеческого труда! Сколько радостей в жизни отобрала! Телефописты уже сматывали кабели связи, из помещений выбегали навьюченные снаряжением солдаты. Я лишь махнул рукой и, быстро вскочив на коня, поскакал снимать посты. Первые капли палевшего дождя быстро охладили молодецкий пыл.

Это было вчера вечером. Теперь же я вспоминаю об этом, как о чем-то очень далеком и несущественном. В данную минуту было важно лишь то, что я сдал дежурство и мне удастся несколько часов поспать, а затем двинемся дальше. Лошади тоже надо отдохнуть. Ведь на марше она везет подводу с солдатскими вещмешками. Так что трогай, копыта, на квартиру! После войны увидим прелестный и уютный Оборник!..

Солнце еще висело над горизонтом, когда отдохнувшие подразделения с шумом начали стекаться по улицам на шоссе и вытягиваться в походную колонну за железнодорожным виадуком в западном конце городка. Ночью нас ждал пятидесятикилометровый марш-бросок до Сьтипавы. Затем... По опыту мы знали, что нет смысла спрашивать о дальнейшей цели марша. Никто в полку об этом ничего не скажет, ибо никто не знает. Для сведения точно сообщается лишь маршрут ближайшего почтового этапа. А куда двинемся в следующую ночь, знает только штаб армии. Пока нам ясно только одно — штурмовать Вроцлав мы не будем. В связи с этим мы берем на веру предположения адъютанта командира батальона поручника Охальского. Он получил хорошее образование в школе подхорунжих, и его прикидки кажутся вполне разумными. Стало известно, что готовится наступление на Берлин. Наша первая дивизия, видимо, как ей и было обещано, будет принимать участие в штурме логова фашистского зверя.

Другие дивизии 1-й армии в составе советских армий будут прикрывать наступление на Берлин с севера, в то время как 2-я армия, по-видимому, будет наносить удар с юга. Сконцентрированные на территории Чехословакии мощные танковые резервы Гитлера в момент непосредственной опасности Берлину, несомненно, будут брошены на защиту своей столицы. Наши боевые действия на юге сковывают немецкие силы в Судетах, предотвратят угрозу их контрнаступления на Нижнюю Силезию и перечеркнут планы помощи гарнизону Вроцлава. А именно в расчете на эту помощь и в надежде на американско-советский конфликт строил свою фанатическую оборону гарнизон вроцлавской цитадели.

В целом все остались довольны оборотом событий: ведь на юге у нас будут, несомненно, лучшие условия местности для боев, нежели в нашпигованных немецкими укреплениями развалинах Вроцлава. Но с другой стороны... Стоило только задуматься, как нами овладевало беспокойство. Ведь каждому было ясно, что наши дивизии, оснащенные новейшим вооружением, не направят в первую же попавшуюся дыру. Распоряжения Генерального штаба, получаемые до сих пор, ясно свидетельствовали о том, что главнокомандующий держит нашу армию в резерве для ввода в какую-то солидную операцию в масштабе фронта. Вот пара примеров. Когда наша 1-я армия в суровый мороз по снежным заносам устремилась на мощные укрепления Поморского Вала, мы выступили с зимних квартир в Люблинском воеводстве на Варшаву. Из столицы, спустя месяц интенсивной подготовки, в самую сильную мартовскую распутицу нас бросили в Быдгощ, а оттуда, уже исключительно по почам, в колоннах с боевым охранением нас двинули через Накло и еще охваченную пожарами Пилу в межозерье Западного Поморья. В Колобжеге шли ожесточенные бои. Мы возводили пояс оборонительных укреплений и каждый день ждали, что нас бросят для усиления колобжегского наступления. Крепость, однако, была взята без нашей помощи, а мы отдыхали сытно и спокойно, развлекаясь вылавливанием в лесах разрозненных немецких отрядов. Идиллия длилась недолго. Нас подняли по тревоге и почти бегом прогнали прямо к дымящемуся Вроцлаву. Вскоре, однако, оказалось, что даже для весьма вменяемой

вродцлавской прорехи мы являемся довольно ценной заплатай.

Однако обо всем этом никто не хотел думать. Колонна в пути шумела веселыми голосами. Перед нами простиралось ровненькое асфальтированное шоссе, обрамленное высоким лесом. День стоял по-настоящему веселый, и вся окружающая обстановка настраивала на беззаботный лад. Хлопцы оглядывались на Оборник, где после нашего ухода не осталось ни одной живой души, и прикидывали в уме, как бы какую-нибудь здешнюю виллу с застекленной террасой, электричеством, газом, водопроводом и ухоженным садом перенести в свои белостокские или люблинские места.

— Ого, у нас крестьяне пооткрывали бы рты, если б все это я перетащил на свою усадьбу! Ксенда по такому случаю для «папа Зайковского» молебен бы справил! — шутил наводчик Зайковский, уроженец Сохачева.

Солдаты с Виленщины рассеянно прислушивались к этим шуткам. Старый капрал Побяжин, батрачивший тридцать лет, озабоченно посмотрел на меня и, покусывая копчики усов, спросил:

— Как вы думаете, нам дадут здесь землю на выбор или каждому по бумажке отмерят? Мне бы хотелось иметь хоть немпого лесу. Вот таких бы пару буков! — Он указал на огромные деревья, рядом с которыми стояла еще на оборонительной позиции батарея полковых пушек. — Если все будет так, как в газете написано, то человек и о Барановичах не пожалеет. Холмы здесь такие же, как у нас, и земля ничега себе... Одно только плохо: зима здесь, говорят, мокрая, нездоровая.

— Привыкнем, Побяжин, не бойтесь...

— Да я не из пугливых. Просто я привык к валенкам, а здесь в башмаках на деревянной подошве придется ходить, как пемцам.

— Что вы беспокоитесь? Приобретете себе офицерские сапоги и демисезонное пальто вместо овчинной шубы. Если же это место вам не подходит, можете выбрать другое. Помните, как говорил генерал Жемерский? Выиграем войну — все будет для нас. И землю каждый будет иметь...

— ...если не квадратный метр и березовый крест, то пять гектаров земли, коня и полный дом. Ей-богу, так на курсах говорили! — вмешался в разговор Юрек, появив-

нийся рядом со мной. Глаза его смеялись. — Я лично приветную на второе. Можно даже вот около этого леса. Здесь прекрасные окрестности! Поставлю себе охотничий домик, подговорю старого, чтобы открыл университет во Вроцлаве, и будем соседями. Как, Побяжин? Идет?! Жизнь будет во! — Кренцкий поднял большой палец.

Я с усмешкой поглядел на него. Выспавшийся, чистенький, брызжущий весельем и энергией — само воплощение юношеской беззаботности. Как все офицеры, он был без шинели и, по моему примеру, носил газовый платок, чтобы воротник мундира не натирал шею. Даже завязывал его на тот же самый манер в растворе расстегнутого ворота. На груди у него раскачивался бинокль, за поясом торчал пистолет без кобуры... Я кивком головы поприветствовал его.

— Ну как, прошла хандра?

В ответ он со смехом хлопнул меня по плечу и побежал к своему взводу, так как в голове колонны началось движение. Смолкли разговоры, слышались четкие слова команды. Прямоугольники подразделений впереди нас двинулись в путь.

— Рота! — крикнул я, обращаясь к своей колонне. — Равняйся! На плечо! Шагом марш!

Во время переходов я всегда вел роту, поскольку мой взвод двигался первым. Дросик с Койтых шагали за последней шеренгой. Следом за ними тянулись подвода с пулеметами и гранатометами, подвода с боеприпасами, а также фурманка, приспособленная под вещевые мешки и другое имущество роты. Дросик и Койтых следили, чтобы все было в целости и сохранности. Остальные командиры взводов должны были двигаться рядом со своими солдатами, однако они, подобно Ключу, обычно вышагивали вдоль всей ротной колонны.

Юрек вновь присоединился ко мне и, сдвинув пилотку на затылок, улыбнулся.

— Знаешь, та выпивка, а может, эта идея с извещением, кто знает, хорошо подействовали на меня. Как бы там ни было, а во мне произошел перелом. Честное слово! — Он неожиданно перешел на прощальный тон. — Если б еще в дополнение к этому я воровал в партизанах свиней и имел бы на своем счету пару расстрелянных душ, видимо, тогда сразу почувствовал бы себя точно так же, как и вы. Но пить водку во время оккупации, а затем

обмануть дочь фольксдойче — этого еще мало для успокоения совести!..

— Не паясничай, Юрек, и перестань наконец думать о своей зазнобе! — прервал я его. — Что было, то прошло, и нечего об этом говорить. Извещение старшина выслал? Выслал. Значит, для нее ты погиб, и делу конец. Плюнь и забудь! Что же касается оккупации и всего остального... Дорогой мой, по-разному складываются людские судьбы. Возьми к примеру... — Я назвал фамилию командира наших гранатометчиков. — Был в вермахте, сражался на западном фронте, затем сдался русским в плен, а может, его взяли. Кто это сегодня проверит? Из лагеря для военнопленных пришел в нашу армию, потому что назвался поляком, подобно каждому силезцу. Окончил курсы и теперь подхорунжий без степени. Носит такой же мундир, как и мы. Командует несколькими солдатами. Однако ты погляди, с какой брезгливостью смотрит он на наш провиант, на кирзовые сапоги или брезентовые ремни! Я лично слышал, как он не раз подчеркивал, что немецкий солдат получает даже пилочку для ногтей. И тем не менее служит в нашей, по его словам, армии отцов и дедов, ибо это для него — наилучший выход.

— Обо мне так же думаешь, да?

— Нет, браток. Ты жил, как и тысячи других... Вдали от всего... Черт знает!.. — Я задумался. — Может, именно такие когда-нибудь наилучшим образом выйдут из всей этой истории? Политика по-разному может повернуться. Что тебе еще нужно было? Катался как сыр в масле, под крылышком неспитого папеньки. И тебе двух часов учебы конспирации хватило, чтобы почувствовать себя патриотом.

— Не издевайся!

— Я не издеваюсь. Знаю только, что оккупация не трахнула тебя по голове, не прервала учебы, не раскидала семью... А свобода, родина, идеи... Что тебе эти далекие и абстрактные понятия, когда у тебя есть деньги в кармане и красная женщина в постели? Знаю, знаю! — Я не дал прервать себя. — Сейчас скажешь, что у тебя всегда были патриотические чувства, по отец, друзья... Согласен, верю, что тебе не хватало стимула, но достаточно было совершенно глупой истории, чтобы ты облачился в мундир и рванул на фронт. Только лишь когда

под огнем испачкаешь раз пять подштанники, поймешь что к чему...

— Думаешь, тогда я смоюсь, как этот твой взводный?

— Думаю... думаю. Именно тогда ты и задумаешься. Под Вроцлавом у тебя был такой вид...

В ответ Юрек развел руками, оглянулся на шагавших за ним солдат и сказал:

— Интересно, какой вид был у тебя, когда ты впервые увидел вместо города груды развалин и море огня? Плюс к тому же заманчивая перспектива идти на штурм? Чертовски не люблю пыли и горячий...

— Эх, доброволец, ты, доброволец! Ты думал, у тебя в окопе будет булка с мороженым и пристройка с душем при штабе батальона? Сейчас у нас еще райское житье. Можно еще завшивевшую рубашку заменить в первой же хорошей хате. В партизанах впи поедом нас ели, а вот как попадем в окопы...

— Хватит тебе пугать меня! — Юрек внезапно рассердился. — Скажи лучше, за каким чертом ты суешься на фронт? Что, мало тебе партизанской жизни?

— Зачем? За тем же самым, что я хотел и в партизанах.

— Ага, то есть во имя народа ты отдал на съедение вшам свое тело, а душу — воинскому долгу? И не боялся, что все разом можешь сложить под березовый крест? А может, ты мечтаешь об ордене Виртути Милитари, а? Признайся!

— Нет, браток. Хотя это и похоже на передовицу из боевого листка, но скажу тебе честно: я считаю, что нам никто не преподнесет свободу в качестве подарка.

— Правильно! Насколько я знаю, ты не хочешь ни о чем просить господ бога, только хочешь сражаться на поле славы! Благодарный народ поставит тебе за это памятник! Получишь пять гектаров земли и хороший дом... Знаешь что? — Он вдруг оставил свой иронический тон и искренне рассмеялся. — Я лично не хочу никакой военной карьеры и отказываюсь от всех материальных благ, надлежащих победителю, но чертовски хотел бы... ну, получить какую-нибудь военную награду. Представляешь, как бы вытаращили глаза учителя на экзамене, увидев Крест за храбрость? А старый как бы возгордился? Воображаю, как бы он меня представлял. — Юрек надул щеки и вытянул руку перед собой: — «Мой сын, герой

из-под Берлина...» А я стою, гордый и бледный, со стальным взглядом...

— Ты, папикер из-под Вроцлава, шагай в ногу! — Я окриком вернул его к действительности. Юрек быстро дважды подскочил, сменил ногу и, несколько смущенный, продолжал:

— Ну, хорошо, — он покачал головой, — Крест за храбрость — это не жетон за паломничество в Чепстохову, но если бы, например, меня бы ранило, только легко... — быстро поправился он, будто это зависело от меня. — Только, упаси боже, чтобы у меня что-нибудь оторвало!

— Особенно самое главное. Тогда половина баб в Люблине пошла бы в монастырь.

— Тьфу, черт возьми, типун тебе на язык! — Юрек то ли изобразил страх, то ли, действительно, испугался, но вдруг закрутился на месте и столкнулся с Ключом. Ключ в это время как раз обогнал солдат и оказался рядом с нами во главе колонны. Он, видимо, не слышал последних слов Юрека, потому что невольно остановился и спросил:

— Что случилось, пан поручник? Потеряли что-нибудь? — Ключ оглядел вокруг себя землю и отскочил от надвигавшейся на него первой шеренги солдат роты.

— Совесть потерял, — ответил я за Юрека. — Правда, уже нашел ее.

— Как это, потерял? Как можно потерять совесть? — допытывался Ключ, явно желая поболтать.

— Обычно. Потерял и нашел, — промолвил я, а Кренцкий, чтобы избежать дальнейших расспросов, повернулся к солдатам:

— Запевай, ребята! Ну, кто там запевала? — И прошел несколько шагов вперед спиной.

— Юрек, офицер — это не рак. Иди как следует! — Я двинул его локтем под ребра. Он, опешив, развернулся на пятке, но сохранил веселое настроение.

Тем временем солдаты понимающе переглянулись и разом зацепи в полный голос песню, которую нельзя было пайти ни в одном из песенников.

Ключ вздрогнул, но не обернулся. Он только покраснел и, опустив голову, молча шагал в такт песни.

— Пан поручник, — обратился он ко мне с раздражением в голосе. — Зачем они это поют? Прикажите им прекратить.

— Солдаты имеют право петь, что хотят. Мы ведь не в гарнизоне.— Я развел руками. Сам не знаю, почему мне хотелось позлить хорунжего.

Клюм, явно рассерженный, поднял на нас взгляд.

— Для чего они поют это? Разве нет других песен? Ведь существуют же военные маршевые песни, есть такие прекрасные танго, есть, накопец, «Прекрасная Альфреда», хотя и она у меня в печенке сидит...

— А что вам в пей не нравится?.. Ну, если так, можете сами приказать им прекратить пение! — с безразличным видом сказал я.

— Пап поручник, — Клюм опустил голову. Голос его из-за громкого солдатского пения был едва слышен. — Я им не прикажу. Вы ведь это знаете. Зачем? Сразу же подумают: «Политрук набрасывается на людей». Я не хочу, чтобы солдаты в душе невзлюбили меня. — И он посмотрел на нас с таким упреком, что я не знал, куда глаза девать.

Юрек пробурчал себе под нос, что он вообще-то тут ни при чем, и взглядом искал у меня поддержки. Я в два прыжка оказался в середине колонны.

— Отставить!

Пение прекратилось. Где-то в последних шеренгах глухо слышались еще обрывки слов. Потеряв ритм, солдаты сбились с поги.

— Шире шаг! — подал я следующую команду.

Подошвы дружно ударили по асфальту, и рота обрела нормальный ритм марша. Солдаты, улыбаясь, щурили глаза. Безобидно поиздевались над начальством и на свой манер отыгрались. Мне захотелось сказать им какое-нибудь словечко покрепче, но колонна, шедшая впереди нас, начала остапавливаться. Возницы затормозили подводы.

— Направляющий, стой! Отдохнуть десять минут!

— Разойдись! — повторил я приказ, поступивший от головы колонны.

Солдаты моментально сошли на обочину шоссе. Кто ложился навзничь, кто задирал вверх ноги, кто сворачивал самокрутку, то один, то другой отбегали в сторону.

Я отправился к подводе за шинелью. Солнце уже зашло, и с полей потянуло холодом. Шинели и плащ-палатки офицеров везли на подводах вместе с солдатскими вещмешками. По мере наших возможностей мы старались эконоить силы наших подчиненных. Солдаты и без того

постоянно не высыпались, были увешаны тяжелой амуницией, многие из них страдали разного рода педугами. Непормальный прифронтовой распорядок жизни сократил силы каждого. Людей вконец изматывали длинные переходы. Если благоприятствовала погода, то в начале марша обычно шли с песней. После тридцати — сорока километров уже никто не пел, редко кто разговаривал. Все или сгорбившись и все чаще и чаще перебрасывали с плеча на плечо, казалось, пабиравшее все оружие. В самом худшем положении были расчеты ручных пулеметов. Их матчасть весила в четыре раза больше, чем у других солдат. Автоматчикам предписывалось помогать им на марше. В связи с этим не раз возникали ссоры. Усталость притупляла чувство товарищества. В таких случаях приходилось вмешиваться и отдавать приказ. Чаще пользовались другим методом. Когда на рассвете солдаты едва переставляли ноги, мы с Ключом и двумя командирами взводов отбирали у солдат ручные пулеметы, с бравым видом вваливали их себе на плечи и, вышагивая в первой шеренге, деревянными от напряжения голосами что-то завывали. Помогало. Солдаты, стряхнув усталость, кричали «браво» и через некоторое время сами забирали обратно оружие, в шутку предлагая нам должности пулеметчиков в расчетах.

Мы не могли найти только средства борьбы со сном. Днем не всегда приходилось должным образом отдохнуть. В прифронтовой зоне по прибытии на указанное место солдаты сначала копали противовоздушные укрытия либо позиции обороны, затем наступало время чистки оружия, потом обед и кое-какие приготовления помещений либо мест отдыха. На все это уходила добрая пара часов, не считая, что солдаты несли караульную службу, а офицеры проводили совещания, осуществляли контроль и исполняли десятки других обязанностей.

Особенно тяжело было бороться со сном в туманные, слишком холодные ночи. Часто наступала такая минута, когда уже не помогали ни песня, ни самокрутка, ни окрики. Первыми, лицемерно подняв вверх плуты, засыпали возницы, затем расчеты станковых пулеметов. Последние как бы печально опирались руками о края тачанки, и движения их становились замедленными. А когда с кучи вещмешков начинало раздаваться похрапывание тех, у кого были разбиты сапоги и стерты ноги,

заражалась вся рота. Солдаты в шерепгах брали друг друга под руки и, не теряя шага и темпа, засыпали, как суслики. Только правофланговые зыркали впереди себя полужакрытыми глазами, чтобы вся четверка не оказалась в кювете, в результате чего можно было поломать поги или паткнуться на стволы оружия товарищей. Правофланговых смеяли идущие в середине, и все же, если посмотреть, бывало, в лунную почь, бесконечная армейская колонна не раз балапсировала на бровке кювета, как патага подзагулявших матросов на причале.

Однажды, это случилось еще в Поморье, я шел рядом с ротой левой стороной шоссе. Левая сторона считалась запретной зоной. Непререкаемым приказом ее строго раз и навсегда отвели для идущих навстречу — для обгонявших нас подразделений, для командиров и связных. Ночью же, однако, мало кто ею пользовался. Я шагал и наблюдал, как солдаты клевали носами. Я пытался что-то напевать, а потом уткнулся носом в воротник и конец... Разбудил меня сильный толчок. Меня весьма ощутимо ударило по ребрам, и что-то вместе со мной с треском повалилось на асфальт. Опомившись, я понял, что произошло. Из-под велосипеда выкарабкивался не менее заспанный и перепуганный связной и сипловатым голосом верещал:

— Куда прешься, сукин сын? Не знаешь, что по левой стороне ходить нельзя? Вот как двину тебе в морду, сразу все поймешь!

Он принял меня за «выпавшего» из колонны автоматчика, поскольку мои знаки различия закрывала плащпалатка, из-под которой так же, как и у солдат, торчал лишь ствол автомата. Никто из солдат не прореагировал на это происшествие. Объятая сном рота безразлично двигалась мимо нас.

— А ты как едешь, дубина? Спишь и людей давишь! — взревел я, давась от смеха.

— Сам ты спал, как слепой бык! Почему не придерживаешься шеренги?

— Попродержи язык, а то я тебе сейчас зубы повыпибаю!

— Попробуй, только попробуй! — И он рванулса ко мне.

Я буквально задыхался от смеха, но в этот момент неожиданно загремел голос Койтыха:

— Что случилось, пан поручник? — Этот, конечно, узнал меня по голосу и остановился, удивленный. Обращение «пан поручник» подействовало на связного, как укол шилом. Он в мгновение ока оказался на ногах, а затем вскочил на велосипед и растворился во мраке. И только отъехав на значительное расстояние, громко крикнул:

— Демократический поручник, а грозитесь зубы повышибать порядочному солдату!..

— Стой, стой! — закричал Койтых, хватывая из кобуры пистолет. Я едва сдержал его.

Самыми трудными, однако, всегда бывают последние километры длинного пути. Люди уже не спят: все тело ломит от боли. Все думают только об одном: «Сколько же еще осталось шагать?» Все идут, как парализованные, широко расставив ноги, не сгибая их в коленях. Когда от головы колонны слышится приказ: «Направляющий, стой!», редко кто передаст его дальше. Рота за ротой останавливаются сами, и все сразу же валятся вповалку там, где застала их команда, будь то асфальт или перемешанная с конским навозом дорожная слякоть. Люди лежат и стонут, как загнанные лошади. По команде «Подъем! Шагом марш!» они автоматически поднимаются, скидывают на плечо оружие, инстинктивно равняют шеренги, и марш продолжается.

Иногда кто-нибудь не мог встать и отползал в кювет. Приходилось на такого покричать, а он просил: «Пристрелите меня, пан поручник, я, действительно, не могу идти!» И, стиснув до боли зубы, мы сыпали проклятиями и выдавали витиеватую смесь «латыни» с матом. Это как-то помогало взбодрить оцепевшие нервы и, казалось, прибавляло немного энергии. Товарищи поднимали ослабевшего и отправляли его к старшине на обозную фурманку, если на пей находилось место и лошади были в силах тянуть подводу. Чаще всего ослабевшего брали под руки автоматчики из наиболее сильной шеренги. Они в свою очередь сочно, в сердцах ругали его, но тем не менее вели дальше...

Сейчас марш только начался. На первом привале солдаты шутят, сидя в кювете, перематывают портянки, и туча табачного дыма висит над ротой. Я надел шинель, взял с подводы свой автомат и магазины. Кто знает, что может произойти ночью.

С момента выступления колонны Юрек куда-то запропастился. Ключом же был постоянно со мной.

Солдаты запели какое-то ритмичное тапго. Хорунжий заметил:

— Вот, видите, пап поручник, разве это не лучше?

— Конечно, по то, что вы слишком впечатлительны, бесспорно.

— Пап поручник,— Ключом дотронулся до моего плеча.— Может, вы и правы... Но взгляните... — Он показал свои искусственные зубы.— У меня ведь сломаны нос и ключица...

— При чем здесь это?

— При чем? Вам известно, что я служил в парашютном штурмовом батальоне?

— Вас выбрасывали на боевое задание?

— Нет, только на учениях. И я приземлился в госпитале.

— Пройдоха ты, Ключом...

— Пройдоха? — Хорунжий даже остановился от удивления.— Ой, пап поручник, я думал, вы меня знаете...

— Я шучу, дружище. Ну так что же случилось с твоими зубами?

— А вот послушайте. Был я тогда подофицером по полпработе во взводе. На учениях прыгал вместе с солдатами. Всегда получалось удачно, но однажды... Как раз после запытия, когда речь шла о том, что мы будем создавать кооперативы и строить социализм по примеру Советского Союза... В общем, мы полетели прыгать с парашютом. Вы знаете, в самолете перед прыжком с парашютом все стоят гуськом, тесно прижавшись друг к другу. Потом сигнал, и все сыпятся головой вниз. Парашюты открываются автоматически... Впрочем, вы ведь знаете, как это делается...

— Знаю, знаю, продолжайте.

— У меня тогда не открылся основной парашют. Прыгали мы с высоты шестьсот метров. Прежде чем я понял, что случилось, и рванул кольцо, чтобы открыть запасной парашют, тот малеский, земля была уже близко, и меня так тряхапуло, что чуть душа с телом не рассталась. Вы представляете, какое было приземление? Зубы вылетели, нос оказался возле уха, а ключица...

— А что случилось с основным парашютом?

— Не знаю, очевидно, что-то не сработало.

— Ясно,— пробормотал я и подумал, что Ключ — действительно неплохой парень. Он истинно по-дружески делился своим богатым житейским опытом в частных беседах, давал дельные советы. Благодаря ему мы избегали многих неприятностей и не раз — штрафной роты. Ребята его любили, ну а если и пели иногда не те песни... Ну какие солдаты не подшучивают над своим начальством? Прежде всего мы ценили в хорунжем его мужество. Он никогда не пытался укрываться где-нибудь в тылу, а смело шел со всеми в бой. Последнюю мысль я высказал вслух.

— Ну что вы такое говорите? — Ключ покачал головой. — Как же я мог не пойти на фронт, если даже... поручник Кренцкий, сын такой важной шишки, добровольно пошел на фронт под пули? А ведь он мог бы сидеть у себя дома, как у Христа за пазухой, спать в чистой постели, ходить в кино...

— В том-то и дело, что не мог! — вырвалось у меня.

— Я понимаю, во время оккупации он паверпяка хлебнул свою долю лиха.

Я взглянул на хорунжего: «Смеется или прикидывается дурачком?» — но тот говорил вполне серьезно, без тени иронии, машинально потирая пальцами искривленный в результате перелома нос. Значит, он не слышал нашего разговора с Юреком ни под Вроцлавом, ни сегодня, а Койтых в таких вопросах умел держать язык за зубами.

«Ой, глупый же ты, Ключ, глупый, несмотря на все твоё знание жизни», — хотел было сказать я, но, вспомнив доверчивые, полные надежды глаза Юрека, только покачал головой.

Шоссе гудело под солдатскими сапогами, гремели тапачки и болты на сошниках оружейных лафетов. До слуха доносились обычные звуки многотысячной колонны на марше. Над нами сияло пикнесплезское небо, а наступавшая ночь повесила на него внушительный серп луны. Где-то вверху загудел самолет, и стволы дежурных пулеметов поднялись вверх, внимательно отслеживая его между звездами. Солдаты ускорили шаг. До конца пути оставалось еще сорок километров.

Мягкая и свежая трава на обочине согрета солнцем. Я усаживаюсь поудобнее и, попыхивая козьею пожарной, осматриваю окрестности. Раскинувшаяся внизу зеленая долина переливается всеми оттенками. На вспаханных осенью участках преобладают бронзовые и желтые тона. Сквозь белые кущи цветущих садов проглядывают красные крыши строений. Ленточки дорог, переплетаясь между собой, скрываются в чаще лесов, которые еще больше оттеняют опускающиеся сумерки. Вдали долина покрыта дымкой, сквозь которую на горизонте вырисовывается горный массив. Там среди зеленых ковров возвышаются красно-медные скалы, в расщелинах между ними блестят лоскутки льда, а выше верхушки ели серебрятся в лучах заходящего солнца. Осыпи и вершины в снеговых пакидах.

На макушке резко очерченного крутого склона торчит нечто похожее на ястребиное гнездо, колючее и грозное. В бинокль видно, что это оцетилившийся башнями замок с высокими щербатыми стенами, на которых повисли темные и тяжелые облака. Края облаков растворяются на красном фоне заходящего солнца.

Солдаты стоят на шоссе, вылезают на склон горы, из рук в руки передают бинокли. Смотрят, вздыхают:

— Эх, вот это вид! Как на картинке!

— Какие это горы, пап поручник? Карпаты? — спрашивает маленький Сташек, разинув рот от восхищения.

— Откуда здесь Карпаты? Судеты, сынок. Иди сюда, покажу тебе, куда мы забрели. — Я вытаскиваю из сумки карту. Это старая немецкая физическая карта Германии и генерал-губернаторства. Карт у нас не хватало, поэтому чаще всего мы просто выдирали их из школьных немецких географических атласов, найденных в покинутых домах. Хорошо хоть эти имели! Все же можно подсчитать, сколько еще осталось до Берлина...

Сташек и несколько бойцов смотрели на карту через мое плечо. Я объяснял им, водя по ней пальцем:

— Вот отсюда, от Бреслау, мы шли через Оборник, который здесь не обозначен. Потом, помпите, утром мы тогда перешли Одер по новому деревянному мостику и разместились в Съчинаве. Затем двигались через Лейгниц, а сегодня привал был в Буицлау, или в Болеславце. Теперь

идем по дороге на Гёрлиц, прямо к Нейсе. Следовательно, эти горы на юге — Судеты.

— Пан поручник, а через Вальденбург мы не будем проходить? — спросил с каким-то сожалением Сташек.

— Нет. Видишь, Вальденбург лежит в стороне от нашего движения, и там еще немцы. Они держатся вдоль пояса гор, а дальше, на север, фронт проходит по Нейсе и Одеру. А почему ты спрашиваешь?

— Хорунжий Ключ говорил, что в Вальденбурге есть уголь.

— Да, там есть угольный бассейн. А зачем он тебе?

— Я хотел бы его посмотреть. Ведь я буду шахтером, — серьезно ответил «сын роты». Он показался мне очень забавным, так как говорил об этом с большой озабоченностью. Правда, здесь не было ничего удивительного: Сташек все время слышал наши разговоры о том, как все будет и кто кем будет после войны.

Где-то впереди послышался рокот моторов. По низкой дуге влетела ракета. Солдаты отошли на обочину шоссе. Стоявшие перед нами какие-то моторизованные части, до того момента закупоривавшие дорогу, двинулись с места. Со стороны Болеславца потянулась советская артиллерия. Трехосные «студебеккеры», завывая моторами на низких передачах, медленно обходили нашу колонну. Длинные стволы орудий покачивались на каждой выбоине шоссе. За ними двигались крупнокалиберные зенитные установки на специальных автомашинах, грузовики с боеприпасами, цистерны с горючим. Русские артиллеристы, высываясь из машин, кричали:

— Давай, давай вперед... Поддержим огнем!

Мы машем им руками и шутим:

— Успеем. Посмотрим, кто раньше будет в Берлине!

Как всегда при подобных встречах, слышатся доброжелательные остроты, смех и шутки.

Вслед за техникой тронулись в путь и мы. Раздалась команда «Бегом марш!». Чертыхаясь, срываемся с места в карьер, гремя оружием и амуницией. Пробегаем с полкилометра и останавливаемся, сгрудившись. На дороге новая пробка. Не успела рота сойти в ров, как колонны перед нами вновь быстро пошли вперед. Буквально через метров двести — снова «Стоять!» и снова «Марш!». Это повторяется раз десять. Многокилометровая колонна как бы вздрагивает в конвульсиях. Мы клянем все на свете.

И опять уже больше десяти минут сидим на одном месте. Где-то впереди образовалась, видать, плотная пробка, так как слышны крики ругающихся между собой офицеров, шум моторов и ржание стиснутых лошадей.

И опять любимся окрестностями и крутим сигарки. Пока светло, каждый дымит про запас. Ночью курить запрещено из-за вражеских самолетов. Два дня назад над соседним полком загудел ночью «фокке-вульф». Один возница держал во рту сигарку, не прикрыв ее рукой. А, как утверждают летчики, даже такой огонек виден сверху очень далеко. Немец сбросил лишь одну бомбу. Погибло девятнадцать человек, в том числе и возница.

Ночью никто из нас не рисковал курить даже в рукав. Мы знали скверный обычай нашего командира полка: подполковник Кирилук любил встать скромненько где-нибудь в тени дерева и, как невидимка, осматривал проходившие колонны. Штрафная рота, конечно, никому не улыбалась.

Облака дыма клубились в чистом воздухе. Легкий ветерок с гор уносил их в поле. Дым стелился, как туман.

— И могут же люди дымить, как трубы! — удивился маленький Сташек и добавил: — А этот фриц, пан поручник, глазает на нас и глазает!

— Какой фриц? — посмотрел я в ту сторону, куда показал Сташек. За рвом на краю поля стоял сгорбленный старик, опираясь руками на палку. Трубка у него во рту погасла. Белые, как лунь, волосы выбились из-под выцветшей шляпы. Выбритые щеки были сплошь покрыты морщинами. Он стоял неподвижно и молчал. Его можно было бы принять за высохшего гнома, если б не живой взгляд его глаз, внимательно скользящих по колонне. Был он в длинном вязаном кафтане. Никакой котомки за его спиной не виделось. Значит, он не был беженцем. Поблизости я не заметил никаких строений. Очевидно, старик пришел сюда специально. Но что он высматривает на забитом войсками, грохочущем шоссе? Ведь те, немногие из оставшихся немцев запирались на все замки и засовы в своих домах. Почему так пристально он вглядывается в лица солдат?

Нам известны были разные штучки немецкой разведки. Стоит такой горемыка с погасшей трубкой, безобидно глазает по сторонам и прислушивается к разговорам в колонне. А потом на передовой, как рассказывали ребята из 1-й армии, немцы через мегафоны вдруг напоми-

цали нашим солдатам о том, что два дня назад в таком-то и таком-то полку не выдавали хлеба, и, обращаясь по фамилиям, предлагали переходить на свою сторону.

Передвинув кобуру пистолета, я подошел к старику. Он поднял на меня глаза и, вынув изо рта трубку, сделал какой-то страшный жест, похожий на приветствие.

— Alter Mann! Was machen Sie hier? ¹ — строго спросил я. Старик широко раскрыл глаза и вздрогнул, будто его неожиданно только что разбудили, однако продолжал молчать.

— Wer sind Sie? ² — почти закричал я. Он опять не ответил, только все морщины на его лице сжались, выражая не понятную для меня просьбу.

«Что это за тип, черт возьми? Немой, что ли? — подумал я. — Звать контрразведку к такому деду... не стоит. Пусть сматывается, пока цел...»

— Gehe weg! Aber schnell! ³ — закричал я, хватаясь для устрашения за пистолет. Несколько солдат, наблюдавших за этой сценой, красноречиво жестикуюли, бросились в нашу сторону. И тут я увидел, что на поблекших щеках старика заблестели слезы. Он открыл рот, жадно хватая воздух.

— Я... я... — начал бормотать он и замахал ладонью, пытаясь выдать из себя слова. — Я не пемец... я поляк. Старый поляк. Десяносто шесть лет ждал... Собственными глазами увидеть польскую армию... встретить ее... — Голос у него дрогнул, и слезы потекли по изъеденному морщинами лицу. Он прижал к груди руку: — Junge, verstehst du mich? ⁴

Я остолбенел. А старик тем временем поднял руку, дотронулся до орла на моей шапке, трясущейся ладонью осторожно провел по погонам, пуговицам, мундиру...

— Орлы... мундиры... армия... natürlich... — шептал он сквозь слезы.

Я стоял как пень. Чувствовал, что должен ему что-то сказать, что-нибудь об этих орлах, которых мы теперь принесли сюда, на вершины Судет... Однако вместо этого лишь бормотал:

— Да... да... Я понимаю, дедушка. Гитлер капут!

¹ Старик! Вы что здесь делаете? (нем.)

² Кто вы? (нем.)

³ Убейся! И поскорей! (нем.)

⁴ Юноша, ты понимаешь меня? (нем.)

Послышались команды. Солдаты сбегались на шоссе. Я глубоко вдохнул и, обняв старика за плечи, сказал:

— До свидания, дедушка. Идем бить немцев.— И одним прыжком перескочил через ров.

Когда колонна двинулась, я оглянулся. Старик стоял с непокрытой головой и смотрел в нашу сторону. Вот он поднял руку и благословил пас, выписав в воздухе крест. Я помахал ему рукой.

Мы двигались быстро, чтобы наверстать упущенное из-за пробок время. Скорость движения не позволяла петь, однако солдаты довольно громко разговаривали между собой. Я вышел из строя влево и замедлил ход, пока первая шеренга не поравнялась со мной.

— Вы что там, ребята?

— Да вот говорим об этом немецком поляке,— объяснил Побяжин.— Видели мы, как он вас гладил, аж самим плакать захотелось. Добрая, видать, душа!

— Да, он — поляк, только по внешнему виду похож на немца,— сказал я, как бы оправдываясь: ведь солдаты видели, как я хватался за пистолет.

— Каждый мог ошибиться,— кивнул головой Брачковский.— А табачку-то мы могли бы ему дать. Все бы по шепотке скинулись, пусть бы старик подымил за наше здоровье.

— Нужно было бы ему хоть орла с шапки оставить,— вставил еще кто-то.

— Прекратить разговоры в строю! — Юрек, опередив свой взвод, одернул разговаривших солдат и догнал меня. Ускорив шаг, мы вышли вперед роты. Кренцкий искоса посмотрел на меня, улыбнулся и невинно спросил:

— Слушай, тот тип возле шоссе действительно был поляк?

— Действительно.

— А... А то ребята мне рассказали, что ты разговаривал с ним как с родным братом, а потом прочитал ему длинную лекцию об упадке военного и политического могущества Гитлера, а в конце заверил...

Я замахнулся на него кулаком. Кренцкий, однако, успел увернуться и прыснул смехом. Стараясь держаться подальше от моего кулака, он с серьезным видом закипчил:

— ...в конце ты заверил, что мы идем от люблинских

сел и лесов, что все мы «от сохи, сермяжные пахари» и направляемся отомстить извечному врагу на Западе.

— Юрек, ты заткнешься? Солдаты слышат! — цыкнул я на него. Он понимающе кивнул и, приложив палец к губам, продолжал дальше таким шепотом, который наверняка слышно было на километр вокруг.

— Хочу только выразить тебе свое признание за разъяснительную работу среди гражданского населения на освобожденной территории. Ведь старик готов был подумать, что мы идем на премьеру в венскую оперу! Ну, а поскольку ты заверил его, что мы идем на немцев, он сразу благословил нас. А такое благословение по пути в рай — это как пропуск! — Юрек жестикулировал и корчил такие рожи, что расчет противотанкового орудия, ехавшего впереди нас, буквально помирал со смеху.

— Юрек, перестань дурачиться, а то получишь по морде! — зарычал я, еле сдерживая злость. — Я хочу тебя о чем-то спросить.

— О чем? — Крепцкий с недоверием слегка придвинулся ко мне, но искоса продолжал следить за движением моих рук.

Я спокойно сказал:

— Чем дурачиться, скажи мне лучше, когда эти места в последний раз видали польских солдат?

— Когда? — Юрек задумался и сразу стал серьезнее. — Когда? — повторил он и оглянулся, как бы стараясь найти памятные таблички на телеграфных столбах, увешанных сорванными проводами. — Пожалуй, при Наполеоне, во время его отступления из Москвы. Ведь именно здесь отступали главные силы Бонапарта... Да, по этому старому саксонскому тракту наступал Кутузов... Если посмотреть кругом, так здесь везде история. Ведь мы были под Псем Полем, прошли Легницкие Блони, где-то здесь погиб Хенрик Побожный, где-то недалеко Глогув, а сколько здесь старых пястовских замков!.. Эх, путешествовали мы тут еще в начальной школе, только пальцем по карте!.. А теперь... Черт возьми, будет что внукам рассказывать!

В молочно-белом тумане растворились сады и домики в долинах. Густые сумерки опустились на склоны гор. Почернели леса и скалы. Лавина темных облаков на

западе поглотила последние солнечные лучи, раскинув над горами гигантскую синюю завесу. Ночь вступила в свои права. Голубоватый хребет снежных вершин обозначил горизонт. Мириады звезд повисли над нами. Большие, немигающие, они излучали холодный, завораживающий свет. Казалось, они так близко, что их можно достать рукой. Однако руку я не протягиваю — боюсь холода. Лежу на ребристых ящиках с боеприпасами и, опершись головой о передок тачанки, смотрю на ковш Большой Медведицы.

Тачанка едет тихо и ровно по гладкому асфальту шоссе. Громко цокают подковы лошадей. Колонна марширует ритмично. В чистом воздухе звенит песня «Знаю одну, единственную...». Голоса поющих выделяются из общего шума колошны, наводят на приятные размышления. Это Юрек и командир третьего взвода подхорунжий Януш демонстрируют свои таланты певцов, шагая во главе колонны. Я не могу заснуть. Слишком холодно. Получается только видимость отдыха, потом еще сильнее болят мышцы. Я тяжело соскочил на асфальт и побежал трусцой, чтобы разогреться. В одеревевших ступнях зажглись первые искорки тепла, однако покрытая ипеем сталь автомата обожгла ладони колющим холодом. Я перебросил оружие за спину, поднял воротник шинели и плотнее укутался в нее.

Возница, зажав поводья между колен, широко размахивал руками и хлопал в ладоши.

— Дожить бы до лета, пан поручник! — улыбнулся он, поблескивая зубами. — Это с этих гор, от снега таким холодом тянет. Сташек, наверное, зачоченел там, сзади. — Возница оглянулся: ему, видно, хотелось поговорить, разогнать скуку и сон.

Маленький Сташек сидел спиной по направлению движения. Он по уши влез в шинель, оперся спиной о щиток пулемета и по локоть засунул руки в карманы. И, кажется, спал. Маленький Сташек, «сын роты», прибил к нам еще осенью, на Люблинщине, когда мы возвращались с учений. Грязный и босой, он вертелся возле солдат и печальными голубыми глазами разглядывал поблескивающие воронепой сталью автоматы, покрытые смазкой механизмы пулеметов. Когда рота свернула в ворота казарм, мальчишка остался на улице, прижавшись лицом к железным прутьям ограды.

— Что, сынок, в армию хочешь? — с сочувствием спросил его часовой. Паренек утвердительно кивнул. — Хорошо, приходи лет через десять, а теперь дуй на обед, а то тебе отец шкуру спустит.

— У меня нет отца.

— Ну так мать тебя выдерет.

— У меня нет матери.

— Что за черт? Тетка, что ли, тебя из жалости родила? — сострил часовой. — Давай дуй домой!

— У меня нет дома.

— Нет? А где же ты живешь?

— Нигде. — Мальчик не отрывал исхудавшего лица от прутьев ограды.

— А ты не врешь? — Часовой смерил мальчугана серьезным взглядом. — Ботинок на зиму тоже, наверное, нет?

— Нет, — безразличным тоном ответил мальчик.

Мы невольно слышали весь этот диалог. Обычно мы не обращали внимания на стайки пацанов, которые ежедневно наблюдали за жизнью казарм и пикировались с часовыми, по этот... Посредине двора Дросик, повернув голову ко мне, сказал:

— Вот-вот выпадет снег, а этот хлопец босиком ходит. — Потом оглянулся и добавил: — Когда немцы сожгли у меня хату, вся семья осталась в одних рубашках и босиком на снегу. Я тоже в одних кальсонах прибежал в отряд. Детей и жену добрые люди спасли... Займись ротой! — бросил он вдруг и резко повернулся к воротам. Несколько минут спустя Дросик втолкнул в ротную канцелярию, служившую нам одновременно и жилой комнатой, того босого мальчугана, который стоял у ворот, и тихо буркнул:

— Поговорю с капельмейстером. Может, удастся его в оркестр впихнуть. А пока пусть тут побудет. Зовут его Сташек...

Сташек пробыл в роте день, два и остался. В оркестр малолетних не принимали, и тогда Дросик поговорил с квартирмейстером. Мальчишка получил американские ботинки на толстой резиновой подошве, полковой портной подогнал ему по росту шинель и мундир из тиковой ткани с желтыми пуговицами, на которых был изображен пистовский орел. Так Сташек стал «сыном роты». О себе он рассказывал немного. Родом он был из Силезии, отец его

погиб в какой-то аварии на шахте, а мать умерла. Утверждал, что ему четырнадцать лет, хотя выглядел самое большее на десять. Какие превратности судьбы загнали его аж на Люблинщину, какие еще переживания оставили на лице мальчика следы печали — не знаю. Впрочем, нас тогда это особенно не интересовало. Мы ежедневно проводили по одиннадцать часов на полевых учениях, затем сушили промокшие шинели, которыми ночью укрывались вместо одеял, спали на нарах без постели, жили в казармах без канализации и стекол. Все это не способствовало проявлению пежных чувств. Сташек питался из солдатского котла. Офицеры отдавали ему сладкие сухари и пыльный сахар из своего дополнительного продовольственного пайка. Спал он в расположении роты, как и все, на покрытой парусиной от палаток соломе и с противогазной сумкой вместо подушки под головой.

Он приносил нам воду для умывания, подметал кацелярию, мыл котелки, чистил оружие, постепенно осваивая его, начиная от сабель и кончая автоматами. Постепенно мальчишка освоился у нас. Вечерами, когда за окнами, забитыми фанерой, завывала метель, мы готовились к заятиям на следующий день, а Ключ обычно оформлял стенгазету. Сташек в такие вечера крутился возле стола, старательно, высунув язык, чинил карандаши и советовал хорунжему:

— Нарисуйте шахту, а над шахтой орла. Такого, что ночью светит...

— Нельзя, — говорил Ключ. — Самолеты разбомбят.

— Ну, тогда знамя, — не уступал Сташек. — А возле шахты шахтера в шапке с перьями и с винтовкой.

В результате такого совета хорунжий рисовал толстую заводскую трубу, на трубе — красную звезду, немного ниже — трактор. Потом изображал польского и советского солдата, которые топтали ногами разбитую свастику и кололи штыками в грудь кирпича. А чтобы не было сомнений, хорунжий нарисовал на кирпичах табличку с надписью «Берлин».

Когда рисунок был закончен, Ключ поочередно всем его показывал.

— Вот посмотрите, все есть... И пролетарские фабрики, и механизация сельского хозяйства, и братство по оружию. Все есть. Только понравится ли заместителю командира полка по политработе? А то ведь ему не уго-

дишь! Скажет: нет убедительного политического звучания...

Сташек молча ко всему прислушивался и присматривался. Он явно не был в восторге от некоторых рассуждений Клюма, но из симпатии к нему не говорил об этом. Паренек любил хорунжего Клюма. Тот учил его читать, рассказывал о битве под Грюнвальдом и под Ленино, брал с собой в баню и, прежде всего, защищал, как мог, и укрывал от поручника Тымицкого. Заместитель командира полка по политработе поручник Тымицкий не одобрял пребывание паренька в роте и как-то заявил, что терпит присутствие мальчика только до отправки полка на фронт. Сташек очень не хотел расставаться с пами и боялся поручника Тымицкого как черт лаdana. Ключ частенько размышлял о том, как бы мальчику завоевать расположение у строгого воспитателя полка.

Вопрос решился благодаря случаю. Это было незадолго до отправки нас в Варшаву и еще до того, как мы скрестили клинки сабель над головами молодоженов — Тадеуша Тымицкого и черноволосой панны Кристины. Поздним субботним вечером в казармы неожиданно явился заместитель командира дивизии по политработе майор Кушко. Майор Эугениуш Кушко довольно часто заглядывал в нашу часть. Он интересно проводил занятия и лекции, и они пользовались большой популярностью среди офицеров. В этот период полк находился в состоянии боевой готовности, и всем было категорически запрещено покидать район расположения части. Ночной визит представителя командования дивизии на этот раз не предвещал ничего хорошего. Мы отлично знали: Кушко был приятным человеком в неофициальной обстановке, но в вопросах, касающихся службы, шуток не любил.

И надо же было такому случиться, что именно наша рота несла караульную службу. Жарчинский был начальником караула, а я — дежурным офицером по полку. Мы сидели в дежурке как на иголках и пытались угадать, что принесло к нам майора в эту морозную ночь. Гадали мы недолго, так как Кушко вызвал меня в штаб и дал закодированный приказ объявить тревогу для проведения боевой операции. Видимо, он хотел проверить как степень готовности полка, так и наличие на месте всего личного состава. Минуту спустя дежурные связанные сломая голову понеслись в свои подразделения. Затрепали теле-

фопы, вызывая командиров на свои боевые посты. В казармах все закипело. Когда я возвратился в дежурку, телефонист с коммутатора доложил, что квартира поручика Тымицкого не отвечает и его нигде нет.

Я знал, где Тымицкий проводит вечера. Его невеста жила неподалеку от моей девушки. Предыдущим вечером я паткнулся на него в конце той улицы. Я тогда едва успел скрыться: хотя запрет покидать казармы вроде бы в равной степени касался нас обоих, но, как говорится, что дозволено начальству... Если в течение нескольких минут Тымицкий не вернется в полк, Кушко сотрет его в порошок. Как бы там ни было, жалко парня. Ординарец же Тымицкого вместо того, чтобы сидеть у него на квартире и, в случае чего, мчаться за своим шефом, сам, наверно, пошел к девчонкам. Мой вестовой с закрытыми глазами нашел бы «гнездышко» Тымицкого, но я как раз отослал его с каким-то поручением. На других солдат положиться было нельзя, так как они не знали города. В этот момент на глаза мне попался Сташек. Он спешил вытащить из зольника недопеченную картошку, чтобы вновь шмыгнуть в свое надежное укрытие, где он сидел на случай инспекции караульного помещения.

— Сташек, ты знаешь, где находится улица Десятого февраля?

— Знаю, там есть фотография.

— Слушай, сынок, напротив той фотографии стоит желтый каменный дом. Ты должен найти квартиру на первом этаже, направо от ворот. Найдешь?

— Найду, пап поручник, — ответил мальчик, соскакивая с места.

— Там находится поручник Тымицкий. Скажи ему, что в полку тревога. Только быстро! Одна нога здесь, другая там!

Парнишка стоял как вкопанный.

— Чего стоишь? Лети! Дорога каждая секунда!

— А вдруг поручник Тымицкий меня выгонит?

— Не выгонит. Валяй. Беги! Не видишь, что делается?!

Солдаты вскрывали ящики с запасными боеприпасами. Жарчинский отдавал приказы. Очередная смена часовых поспешно заряжала оружие и выбегала для усиления постов. Все это, очевидно, возымело действие на паренька.

— Пан поручник, я там через минуту буду, но дайте мне автомат! — решительно заявил он.

— Черт бы тебя побрал! — Я схватил со стояка первый попавшийся автомат и вытряхнул из магазина патроны.

— Без патронов? — В голосе паренька прозвучал такой упрек, что я насыпал ему в карман горсть патронов.

— Лети! — И он был уже за дверью.

Несколько минут спустя галопом пропеслись извозничьи санки. Когда они остановились перед казармами, в ворота в распахнутой шипели вбежал Тымицкий. С козел, придерживая рукой висевший на груди автомат, степенно слез Сташек. Затем он подошел к часовым у ворот и подчеркнуто безразличным тоном спросил:

— Что новенького?

Те даже открыли рты от удивления. Тогда Сташек небрежно бросил:

— Пойду закурю. «Старик» угостил меня, но я не мог... Служба! — Он многозначительно развел руками и твердым шагом направился в караульное помещение.

Несколько часов спустя, среди ночи, когда полк гонял по заснеженным полям где-то далеко от казарм, «ликвидируя» мнимый неприятельский десант, а военные объекты на территории части охранялись «бдительными и готовыми погибнуть на посту» несшими караульную службу бойцами, Сташек опять совершил героический поступок. Правда, не такой уж большой, но, во всяком случае, спасший Жарчиньского от штрафной роты. Мы считали себя слишком бывалыми, чтобы строго соблюдать все предписания, связанные с учебной тревогой. Поэтому, едва закрылись ворота за уходившими на операцию батальонами и за всем начальством во главе с Кушко, все оставшиеся в караульном помещении завалились спать.

Кляли свою судьбу одни часовые на усиленных постах, стуча на холодном ветру зубами. В караульном помещении не спал только Сташек. Он держал на груди автомат с видом человека, решавшего судьбы мира, и сидел возле телефонного аппарата. Сташек первым услышал окрик часовых у ворот «Стой, кто идет?» и ответивший им голос майора. Кушко «коварно» вернулся в казармы, чтобы проконтролировать караульную службу. Боже мой! Спасайся, кто может! Сташек с громким криком, но не выпуская из рук автомата, бросился под ближайшие нары,

и как раз под те, на которых сном праведника спал начальник караула Владек Жарчиньский. Когда Сташек прыгнул под доски, Жарчиньский чуть не упал, но успел все же вскочить и опомниться настолько, чтобы по всей форме доложить входившему майору.

Караульное помещение от теплой каморки дежурного офицера по полку отделяла узкая дверь. Я не слышал, как она отворилась. Глубокий сон уберег меня от выслушивания эпитетов, которые в мой адрес сыпал Кушко. И даже слова «...Семь дней домашнего ареста с удержанием пятидесяти процентов денежного содержания...» показались мне сонным миражом, хотя я и стоял уже, вытянувшись по стойке «смирно» и подпыв руку к головному убору.

На следующий день во время построения всей части для разбора ночной тревоги Сташек крутился возле выстроившейся роты и вдруг наткнулся на поручника Тымицкого. От неожиданности парнишка вздрогнул и чуть было не пустился наутек, но тотчас же вытянулся по стойке «смирно», поприветствовал поручника и тут же вытер пальцем нос. Тымицкий рассмеялся, похлопал парнишку по плечу, спросил о чем-то и, уходя, подал ему руку.

— Посмотрите, что делается! — напевал нам на ухо Ключ. Сташек степенно подошел к нам.

— Ну, как? Что он тебе говорил? — шепотом спросил хорунжий, подскочив к пареньку.

Сташек петоропливо, сознавая важность момента, стал рассказывать, подражая топу Ключа.

— Я думал, он опять ко мне прицепится, вот тогда бы я показал ему кузькину мать... — начал было Сташек, но вдруг запнулся, так как получил удар в бок от оцепеневшего Ключа. В нескольких шагах от них стоял Тымицкий и разговаривал с группой офицеров. Однако он наверняка не расслышал слов паренька, поскольку с тех пор всегда неизменно доброжелательно улыбался Сташкеку при встречах и больше не вспоминал о своем намерении удалить его из полка. В свою очередь, Сташек при любых обстоятельствах величал теперь заместителя командира полка не иначе, как «пап поручник Тымицкий».

На марше Сташек мужественно переносил холод, снег и дождь, на привалах бегал с рапортами, дежурил у телефона, охотно чистил Дросику и Ключу сапоги, а всем офицерам оружие. Во время тяжелых переходов он обычно ехал на тачанке или усаживался, как воробей, на ла-

фете какого-нибудь орудия, передвигавшегося по соседству с ротой, и со знанием дела обсуждал с артиллеристами, как лучше завертывать портянки.

Когда мы проходили через польские города, Сташек получил ППШ и маршировал рядом с офицерами во главе роты. Вытягивая носок ноги, он старался поспевать за нашим шагом, и его охватывала детская гордость, когда из толпы людей, смотревших на проходивших строем бойцов, доносились доброжелательные возгласы удивления, а иногда и аплодисменты, при виде этого солдатика с непропорционально большим для его маленькой фигурки автоматом. В такие минуты я видел, как обычно серьезное лицо мальчугана озарялось улыбкой.

И вот сидит Сташек на тачанке за холодным стальным щитком и то ли спит, то ли думает о чем. О чем же?..

НА ПЕРЕДОВОЙ

Опустившийся на землю туман размыл очертания деревьев и накрыл все влажным покрывалом. Виден только мигающий огонек полевой кухни. Возле тачанок снуют какие-то фигуры, слышится похрапывание лошадей. Бойцы еще спят. Солнце все сильнее пропикает сквозь гущу зелени, яркими лучами рассекая туман и переливаясь всеми цветами радуги в каплях росы на хвое, теплым слепящим веером лаская лица.

Внезапно утреннюю тишину нарушает громкий треск пулемета. Одна очередь, другая, потом сухо, одиночными выстрелами, как дятел, стучает ППШ. И вот грохот нескольких гранат сотрясает лес. Из-за укрытий высовываются заспанные лица солдат. Бойцы прислушиваются, сбрасывают с себя накидки и оглядываются по сторонам.

Липня окопов перед самым лесом раз за разом вспыхивает выстрелами, но это уже не производит на нас никакого впечатления. Каждый из нас стал серьезнее и лишь изредка поворачивает голову в сторону выстрелов. После завтрака бойцы принялись чистить оружие и приводить в порядок снаряжение. Офицеры ходили по лесу и спокойно, будто талонами на обед в столовую, обменивались адресами семей. Юрек, скривившись, приглядывался к этому. Я слышал, как он, деланно рассмеявшись, сказал старшине:

— Мне уже это не нужно, а?

Ко мне подошел Владек Жарчиньский и подал листок с написанным химическим карандашом адресом.

— В случае чего... Знаешь, сообщи матери,— сказал он, как всегда, серьезным, спокойным тоном.

Я кивнул, спрятал листок в бумажник и на вырван-ной из блокнота страничке решил написать, кого надо уве-домить в случае моей безвременной смерти. Но кого?.. Дом на Виленьщине теперь пустой и чужой, ибо даже пса, вер-ного Моруса, пришлось отдать знакомым. Отец, если даже жив... Мир широк — не известно, куда адресовать. Мать уже четыре года поконится на маленьком сельском клад-бище на краю Беловежской пуши. Сестра вместе со мной пошла в армию и в звании капрала служит машинисткой в политотделе штаба дивизии. Через ее руки проходят списки погибших. А стоит ли сообщать своей девушке?.. И какой? Той, самой милой? Получит письмо, может, и поплачет, а люди будут говорить: «Ее жених, офицер, по-гиб на фронте...». Придет тот, гражданский пижон, уже без страха перед моим пистолетом слезки утереть... Нет! Быстро пишу адрес моих двоюродных братьев на Люблин-щине. Владек терпеливо ждал, затем взял листок, прочи-тал и молча отошел.

Солдаты крутились рядом, наблюдая за этим обменом. Капрал Побяжиц, пожевывая ус, выразительно посмотрел на меня. Я лишь пожал плечами и сказал:

— Ребята, если что... понимаете... полевую сумку с до-кументами и дневником передайте сестре в штаб...

— Что же это, поручник, хотите нас осиротить? Батя думает, что мы без него останемся? — прервал меня Побя-жиц и не на шутку разошелся. Я улыбнулся и махнул рукой, так как каждый из извода начал добавлять свое. Брачковский ударил ладонью по двум дискам от ППШ, висевшим у него на поясе, и заверил, что в бою не отстанет от меня ни на шаг, так как «с бывшими партизанами пи-когда не известно, когда они без пужды голову под пули подставят».

Наводчик Зайковский молодцевато подмигнул:

— Пусть только какой-нибудь фриц попробует тропуть нашего поручника, уж я ему врежу! — и ласково погладил приклад своего ручного пулемета. Даже недотепа Сквер-чиньский, который плакал, когда мы отправлялись на

фронт, разинул свой пухлый рот и заискивающе прошепелявил:

— Не дай бог, чтобы с нашим поручником что-нибудь случилось! Пришлют тогда какого-нибудь довоенного уштера, а уж тот даст нам жизни. А поручник — свой парень! Жить можно...

Мне захотелось огреть его сумкой по лбу, но, увидев его бесконечно предавший взгляд, я засмеялся вместе со всеми.

Я гонял их на учениях, терзал «воздухом» и «танками справа», до последнего издыхания заставлял заниматься строевой муштрой. Беспощадно отчитывал за любую провинность и громко жаловался, что господь бог наказал меня таким ужасным взводом. В действительности же я привязался к ним и искренне полюбил их всех. Как же мне было не симпатизировать старому Побяжину, который в голодные периоды, если ему удавалось достать что-либо съестное, приходил поделиться со мной, как с лучшим другом, не получая взамен от меня ни малейших побрякушек по службе? Или, например, молодой, чернявый и задорный, всегда веселый Брачковский? Он сам себя прозвал «маленький Чешек»¹, хотя был рослым и плечистым парнем. Не раз во время переходов, когда мы доходили до полного изнеможения и на привалах почти без сознания падали на землю, Чешек придвигался ко мне и тихим голосом доверчиво рассказывал о своих заботах и печалях, спрашивал то, что ему было непонятно, искал утешения, говорил слова ободрения... Капрал Середа, первый запевала во взводе, убежал с припудрительных работ в Германии. Доброволец Зайковский, расторопный мужичок из-под Варшавы, — прирожденный пулеметчик. Подносчик патронов Скверчинский — вечное огорчение и потеха взвода... А остальные — преимущественно «земляки» из-под Ошмяны и Воложица или из-под Гродно и Барановичей. Доброжелательные и искренние ребята: что на сердце, то и на устах, злые на немцев и гордые своим польским происхождением. Нашли с ними общий язык и те несколько человек из Подлесья и Варшавского воеводства. Во взводе все друг за друга стеной стоят. Даже сержант Масловский, который из взвода охраны пришел на место взвод-

¹ Ласковое от имени Чеслав. — *Прим. ред.*

ного Юзефа Юрека, сразу же прижился в нашей «семье», состоявшей из тридцати человек. Как ни как, а не один пуд соли съели и не одну сотню километров протопали вместе. Мне было бы чрезвычайно тяжело, если б меня вдруг перевели в другую часть. Тем более, что нам теперь предстояло расположиться на передовой линии фронта.

Передовая линия фронта — цель нашего сорокадневного марша. После полудня было солнечно и жарко. Светло-зеленые листочки берез прилипали к пальцам. Батальон походным порядком медленно продвигался по тропинке между деревьями. Обоз оставили где-то в лесу, только легкая артиллерия продвигалась вместе с нами. Мы шли с полной выкладкой, нагруженные, как верблюды. Перед нами — сплошная зеленая стена леса, покрывшего почти всю равнину, только кое-где просвечивали желтые песчаные пятна. Сильно пахло нагретой на солнце смолой. Колонна остановилась на опушке молодого, густого, как щетка, сосняка. Неподалеку, на вырубке виднелись замаскированные позиции тяжелых советских минометов. На брустверах укрытий сидели артиллеристы в вылинявших гимнастерках, курили скрученные из газет козьи ножки и шутили, с любопытством разглядывая нас. Кто-то паясывал на гармошке. Их можно было принять за дровосеков, отдыхавших на выкорчеванном поле. Тем более, что в лесу раздавались звуки, очень похожие на рубку деревьев. Это стреляли выдвинутые ближе к передовой и не видимые отсюда батальонные минометы. Ребята смотрели вокруг широко открытыми глазами, прислушивались к стрельбе, и на многих лицах появлялась улыбка облегчения: не так уж и страшен этот фронт.

Передаваемый из уст в уста, поступил приказ: «Офицеры — к командиру батальона!»

Дросик, стоявший во главе роты, обернулся.

— Вальдемар, Кренцкий!.. А где остальные? Ага, здесь. — Он нашел взглядом Жартиньского и Клюма. — Ну, идите.

Дросик произнес это совсем, как ксёндз, который собирает прислужников перед входом в алтарь. И двинулся первым сам, слегка сгорбившись и исподлобья поглядывая

на окружающих. Он всегда так ходил. Гораздо свободнее чувствовал себя на коне. В партизанском отряде мы оба командовали конными взводами: он — разведывательным, я — диверсионным.

Я познакомился с ним на марше в ночной операции. Помню, какой-то кавалерист в мундире сержанта, желая обогнать мой взвод, пустился галопом прямо по пашне вдоль дороги. Внезапно его конь споткнулся в борозде и ударился мордой в землю. Сержант перелетел через голову коня и покатился, как мяч. Конь, выпрямившись, с разгона прыгнул вперед, и сержант оказался под копытами испуганной лошади. Однако умное животное не растоптало наездника и не понеслось в поле, как многие лошади в подобных случаях. Конь осторожно перескочил через лежавшего сержанта и спокойно остановился в ожидании, когда тот поднимется. Когда сержант со стоном вновь взялся за узду, я крикнул:

— Эй, друг, дай мне этого коня! Замечательное животное!

Со скорченным от боли лицом он повернулся ко мне и удивленно спросил:

— А взводный что, не знает дорогу на усадьбу?..

Через два дня я ездил на тонконогой английской кобыле из конюшни графини Потоцкой. Отвратительная кобыла била копытами и кусалась, как собака, выбрасывая меня из седла по нескольку раз за ночь. При встречах я жаловался Дросику на норовистую кобылу, а он говорил:

— Из господских конюшен все такие. С ней пужно, как с графиней: паковать, вычистить и регулярно объезжать. А начнет капризничать, тогда взять крепко за узду и кнутом, кнутом...

Одним словом, отдал я ему «англишанку» на воспитание. Наши отряды действовали тогда в одном и том же районе. Через несколько дней Дросик нашел меня в деревне, где расположился наш отряд. Он привез два литра самогону, заправленного медом, и с обезоруживающей улыбкой сказал:

— Это за ту аристократку. Не сумел я ее политически перевоспитать. Она имеет зуб на Армию Людову. Вот я и загнал ее крестьянину.

Напились мы тогда до чертиков...

Вошли в большую землянку. Командир батальона пред-

ставил нас советским офицерам, подразделения которых мы должны были сменить на передовой. Высокий, худой лейтенант ознакомил вновь прибывших с обстановкой на позициях. Из предыдущей неофициальной информации мы уже знали, что армия занимает тридцатикилометровую полосу фронта вдоль Нейсе, от Белявы Дольной до Мужакова. Наша дивизия паходила на левом крыле, ближе к Згожельцу. На карте было видно, что прямо за рекой ложит Ротенбург, а позади нас, немного южнее — промышленный городок Пеньск.

Участок, который должен был занять наш батальон, доминировал над немецкими позициями, протянувшимися на другом берегу реки на широкой равнине. Наша передовая линия проходила по склону возвышенности в ста — ста пятидесяти метрах от Нейсе. В одном месте крутой склон этой возвышенности отступал полукругом глубоко в лес, оставляя котловину открытой в направлении реки. Такой рельеф местности создавал выгодные условия для действий противника, и котловина, несомненно, рассматривалась немцами как возможный плацдарм в случае их контрнаступления, ибо берег реки по всей ширине котловины находился в мертвом пространстве для наших огневых средств, расположенных на возвышенности. Вот почему на краю котловины у самой воды была выдвинута передовая позиция, которая охраняла этот наиболее уязвимый пункт на участке, занимаемом нашим батальоном.

Лейтенант сообщил последние сведения о противнике и ответил на ряд вопросов. После этого наш командир батальона капитан Езерский отдал свой боевой приказ. Роте Дросика, усиленной взводами тяжелых пулеметов и противотанковых ружей, было приказано занять окопы на фронтальном склоне котловины. Подробно ознакомив нас с приказом, капитан обвел взглядом всех присутствующих. Мы стояли с блокпотоками в руках, столпившись в тесном помещении, молчаливые и серьезные. Через открытые двери штабной землянки пропикали лучи заходящего солнца.

— Поручик Дросик, кого выделяете на передовую? — внезапно спросил командир батальона.

Дросик оглянулся и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул в ответ.

Взвод спустился по извилистому ходу сообщений, миновал луг на дне котловины и вошел в маленькую березовую рощицу на берегу реки. Вел взвод младший лейтенант Смирнов. Он командовал группой, занимавшей на этом участке передовую позицию. Нам предстояло сместить их. И остановился и оглянулся на наши позиции, расположенные на возвышенности. Весь ее склон блестел в лучах заходящего солнца. Золотились перьяны высоких сосен, отливали бронзой их могучие ветви, зеленела трава на изрытой траншеями и ходами сообщений земле, и, как клубочки белого огня, притаились между ними цветущие заросли терновника.

Край откоса дугой изгибался от реки по трем сторонам котловины. Это была первая линия наших траншей. Стояла почти абсолютная тишина. Не слышно было даже дуновения ветра. Лишь чирикали воробы на ближайшей березе, тихонько жужжал какой-то жук да шумел водопад на Нейсе. Все было в весенних пастельных красках, пропитано смолистым запахом леса, оваяло бодрящей прохладой реки. Хорошо бы сейчас там, на склоне, под соснами разжечь костер. Дым поднимается по вертикали в неподвижном воздухе, в огне потрескивает хворост. Потом спуститься бы к реке, забросить удочки...

Несколько я вздрогнул: с той стороны реки полоснула очередь немецкого пулемета. Из-под сосен тяжелым стуком ему ответил «максим». Мгновенно исчезла иллюзия мирной жизни, хотя склон возвышенности по-прежнему золотился на солнце и беззаботно порхали воробы. И отчетливо представил, что там, на склоне возвышенности, почти каждый метр земли оцетинился стволами замаскированного оружия, что весь склон изрыт невидимыми отсюда рвами и траншеями, исцарапан разрывами тысяч мин, что там, в землянках, полно вооруженных людей. В этот момент там, наверное, трещат полевые телефоны, летят во все стороны приказы и рапорты, посятся по лабиринтам ходов сообщения вестовые.

Солдаты шли рядом со мной. Они шли гуськом, пригнувшись, насторожившись. Вот они исчезли за поворотом окопа. Я шел в конце взвода. За рекой вновь застрекотал немецкий пулемет.

Взвод остановился в конце хода сообщения. Протиснувшись между бойцами, я вышел вперед. Смирнов ждал меня и разговаривал с сержантом Масловским. Жестом руки он приглашал осмотреть передаваемое «хозяйство». Позиция приятно удивляла: это был сплошной окоп полного профиля с удобными, слегка выдвинутыми вперед огневыми точками. Он тянулся между деревьями и кустами примерно на сто шестьдесят метров. Солидная маскировка полностью соответствовала условиям местности. Связь с первой линией траншей обеспечивалась двумя ходами сообщения, отрытыми на приличном расстоянии друг от друга. Командный пункт с глубокой нишей для отдыха, ячейки для боеприпасов, запасные позиции для пулеметов, умело сделанные углубления для сна...

Взглянув за бруствер окопа, я увидел воду. В нескольких шагах внизу быстрым течением шелестела Нейсе, плескаясь между корнями деревьев, обмытыми полыми весенними водами. Дальше, по ходу течения, гудел водопад на разрушенной плотине. За рекой, на расстоянии хорошего броска гранатой, находились немцы. На фоне зеленого берега четко выделялся серый бетон их бункеров. Черные амбразуры бойниц приковывали взгляд. Между бункерами торчали колья и едва просматривалась паутина колючей проволоки.

Стремясь лучше рассмотреть неприятельские позиции, я встал на земляной приступок и высунулся из окопа. Смирнов резко стянул меня вниз.

— Зачем выставляете голову?! Там снайперы только этого и ждут.

Смущенный, я вынул из футляра полевой перископ, но, очевидно, лучик почти угасшего солнца блеснул в линзе перископа, так как, едва я его высунул, из бункера полыхнул пулемет. Пули с треском вонзились в бруствер окопа. Я инстинктивно присел. Лейтенант же продолжал стоять во весь рост.

— Пся крив! — выругался я себе под нос: ведь двухметровую толщину прикрытия из щебня пуля не пробивает, а я, как заяц, прижал уши к макушке! Сразу видно, что не привык еще к окопным условиям. Это не в партизапах, где от огня неприятеля человека защищала преимущественно маскировка.

К нам подошел заместитель Смирнова — старый, уса-тый взводный. По всем требованиям советского устава он

доложил своему командиру обстановку на занимаемом участке, а затем представился мне и Масловскому. Про себя я сразу отметил царившую здесь кругом образцовую дисциплину, а также точное соблюдение уставных требований при общении подчиненных с начальством. У нас было не так. В тылу у нас воздавались преувеличенные почести командирам, строго соблюдались все правила пошения формы, а в боевых условиях все эти аксессуары дисциплины как-то автоматически отпадали. Поэтому я с удивлением смотрел, как здесь, на выдвинутом форпосте, советские бойцы по всем правилам становились по стойке «смирно» и отдавали честь. У всех у них были белые подворотнички, подшитые к вылинявшим и замасленным гимнастеркам.

Когда мы проходили мимо огневых позиций, солдаты Смирнова поворачивали головы и с любопытством рассматривали меня. Я порой даже смущался. А когда я по-польски обратился к одному из русских с каким-то вопросом, в ответ он начал по-русски калечить русские фразы, видимо, считая, что так мне будет понятнее. Смирнов, узнав, что я читаю по-русски, дал мне на своем командном пункте роман Островского «Как закалялась сталь».

Заместитель Смирнова важно шагал рядом с нами и добродушно, даже как-то по-отцовски, делился своими наблюдениями над противником, рассказывая о методах ведения боя немцами. Когда же мы остановились и закурили, он взмахом ладони развеял облачко дыма и шепотом объяснил:

— Немцы все время наблюдают за нашими позициями. Особенно их спайперы. А такой дымок над окопом свидетельствует о присутствии нескольких человек в одном месте. Немцам ничего не стоит махнуть грапатай. Зачем же без нужды погибать? То же самое и с разговорами. По воде звук далеко несется, а фриц не глуп: прислушивается к каждому шороху и сидит по тому месту, где что-то заподозрит. Главное — не раскрыть, где находятся люди, где расставлены пулеметы. Поэтому мы днем пулеметы держим впризу и лишь ночью выставляем для стрельбы. Днем фрицы сидят тихо, не шевелятся, а вот ночью пробуют разные штучки, чтобы прощупать наши силы и узнать размещение наших огневых точек. Не позволяйте им спровоцировать себя. Они только этого и ждут...

Когда мы направились к следующим огненным точкам, взводный пошел немного позади с Масловским и продолжал ему что-то певуче объяснять. Смирнов также приглушенным голосом, но четко и сжато рассказывал мне о применявшейся им системе огня, средствах связи и ориентирах на местности.

— Думаю, вам не понадобится что-либо менять. Мы попробовали все способы и, по-моему, сохранили самые лучшие. Времени для этого у нас было достаточно, пришли мы сюда еще зимой... — сказал он в заключение.

Действительно, все было мастерски размещено и предусмотрено. Сержант Масловский тоже с признанием кивнул головой, осмотрев позицию. Мы остались довольны. Достаточно было лишь заменить людей и вооружение, дать каждому индивидуальное задание. Не потребуется вмешательства ни одной лопаты. Мы сразу же имеем хорошо организованные и полностью готовые к обороне позиции.

Я спросил Смирнова о соседях с флангов. В ответ лейтенант отрицательно качнул головой.

— Их нет. Справа и слева от наших позиций до самой реки тянутся только наши минные поля. Ближайший ваш сосед — это первая линия траншей на возвышенности, зади вас...

— А здесь, перед нашими позициями, есть мины?

— Нет. От реки нас везде отделяют всего несколько шагов, а порой наша позиция проходит почти у самой воды. Здесь не было места для мин, поэтому мы установили только автоматические красные сигнальные ракеты. Если немцы, незамеченные, переберутся через реку и захотят захватить вас врасплох, они непременно зацепятся за какую-нибудь проволоку, укрытую в траве на берегу и соединенную с ракетами. Помните, — сказал он, обняв меня за плечи, — взрыв красной ракеты перед позицией будет означать, что неприятель держит вас за горло.

— Хм... ну что ж, если так случится, первый лишний сразу же придет мне на помощь, — пожал я плечами.

— Не придет! — Смирнов стал серьезнее и показал рукой на возвышенность. — Видите, идут вверх ходы сообщения? Несмотря на то, что на склоне горы их прорыли вкось, они не смогут обеспечить должного прикрытия. А ночью они постоянно находятся под огнем с той стороны. Пристрелялись гады! Ведь не один месяц здесь стоит фронт. Во время боя немцы ставят там заградительный

огонь. Так что никто с первой липни не придет к вам на помощь...

— Тогда они поддержат меня огнем?

— Каким образом? — Лейтенант развел руками и тихо продолжал: — Да, да... Здесь не до шуток. Ведь для первой липни вся ширина реки и скат противоположного берега на участке против котловины — мертвое поле... На первый взгляд этого не видно, но здесь скверный рельеф местности, понимаете?

— Понимаю... — кивнул я в ответ, и в горле у меня запершило. — Следовательно, первая липня может направить свой огонь только в глубину того берега, а перенести его сможет лишь на уровень нашей позиции или еще ближе, в котловину.

Я вспомнил, как крепко пожал мне руку Дросик, прощаясь со мной. Командир роты сказал тогда:

— Помни: красные ракеты — это сигнал, что немцы врываются на твою позицию. Ты можешь рассчитывать только на свои силы. Я не смогу дать огонь перед твоими окопами, так как в этом случае он обрушится вам на голову. Минометы тебе тоже не помогут: река узкая и мины могут попасть на твою траншею. Но, если немцы ее захватят, мы поставим заградительный огонь...

— Заградительный огонь? Где?! В котловине?!

Смирнов словно угадал мои мысли.

— Да... Если немцы захватят эту позицию, — сказал он, ударив ладонью по краю окопа и кивнув головой в сторону расположения нашего батальона, — то весь огонь пулеметов, артиллерии и минометов будет направлен в котловину, на вашу траншею — на немцев, которые здесь будут, и... на вас. Поэтому поручник... — Смирнов вновь обнял меня за плечи и внимательно посмотрел в глаза, — поэтому вы должны быть бдительными. Бдительными и днем и ночью. Достаточно на минуту ослабить бдительность, и будет уже поздно. Немцы, наверное, пропихают про смену наших войск. Заметят хотя бы ваши конфедератки... Они пойдут на все, чтобы только взять «языка». А здесь место для такой вылазки хорошее... Водопад глушит плеск весел, так что на слух не надейтесь. Помните, что десант может быть неожиданным и свалиться как снег на голову.

— **П**ан поручник, пан поручник... — возбужденно шептал вестовой, присев возле обложенной дерном амбразуры.

Отстранив парня, я стал внимательно вглядываться. Река блестела, как металл. Противоположный берег был черным. Очертания бункеров во мраке сливались с верхушками кустов и стволами деревьев, темные кроны которых виднелись на фоне вечернего неба. В тени деревьев осторожно сновали человеческие фигуры.

— Немцы! — задыхаясь от волнения, произнес вестовой и схватился за автомат.

— Немцы, — повторил я, пригибая к земле дуло его автомата.

— Пан поручник, вчера тоже так же лезли, как барапы. Эх, руки чешутся по ним вдарить!

— У меня тоже чешутся, ну и что из этого? Нам нельзя обнаруживать своих позиций. Кроме того, сам знаешь: каждый выстрел здесь, у нас — это тревога для всех.

Немцы возвращались после дневного отдыха. Я видел, как на рассвете они уходили куда-то в тыл. Днем в бункерах оставались только дежурные расчеты пулеметов и спайперы. По примеру и совету своего предшественника, я внимательно наблюдал за ними, но до сих пор ни разу не открывал огня, продолжая держать противника в пехоте относительно сил нашей выдвинутой вперед позиции. Неприятель, несомненно, различал общие контуры наших траншей и даже некоторые огневые точки, поскольку невозможно было полностью замаскировать кучи глины и щебня на бруствере окопа, по наверняка точно не знал, что скрывается за ними. За минувшие сутки мы успели, однако, убедиться, что более или менее громкий разговор, скрежет лопатки в щебне или слегка высунутая голова за уровень прикрытия нашей позиции тотчас же вызывали огонь противника. С той стороны, видать, хорошо наблюдали за нашими позициями.

Ребята моментально сориентировались, что можно получить пулю в лоб. Они стали говорить шепотом и выглядывали из окопов только через углубления в бойницах и оптические приборы. Проходя окопом, все пригибались в менее глубоких местах. Я сам удивлялся, как быстро мои люди приспособились к новым условиям. Удивляла меня

и их выдержка. Я знал, что каждому из солдат хочется пальнуть в немцев из своего оружия, чтобы в какой-то степени почувствовать себя фронтовиком и воспользоваться своеобразной свободой стрельбы. На гарнизонном стрельбище каждая стрельба боевыми патронами ограничивается определенной целью, временем, соответствующей позицией, командами и другими учебными требованиями, вплоть до подсчета гильз. Линия огня на фронте имеет то преимущество, что все, находящееся перед ней, то есть на неприятельской территории, от ничейной полосы и бог его знает куда, прямо, вправо и влево, представляет собой не только дозволенную, но и предписанную цель. Таким образом, можно стрелять, кто сколько хочет и как хочет, не боясь, что пуля попадет в кого-нибудь из своих. Никто не ругает стрелка, когда он мажет, а если он ранит или убьет противника или подожжет что-то транслирующей пулей — командир только похлопает солдата по плечу и поставит его другим в пример. Многие из солдат на гражданке мечтают иметь хотя бы духовой пистолет, чтобы вволю пострелять из него. На фронте в их распоряжении мощное дальнобойное оружие, неограниченное количество боеприпасов и неограниченная возможность использовать все это, пока не осточертеет. Только... те, на другой стороне, располагают таким же, а порой и лучшим, боевым снаряжением и более удобной позицией...

Многие наши солдаты еще ни разу не стреляли, хотя и прослужили уже несколько месяцев в армии и формально их курс обучения считался законченным. На гражданке не каждый имел такую возможность, а в армии в дни учебных стрельб случалось, что один был в наряде, другой болел, а третий сидел на гауптвахте. В тех условиях не было времени устраивать для них дополнительные занятия по стрельбе.

Мой вестовой принадлежал именно к такой категории солдат. Он вертел в руках автомат и прицеливался в воображаемого противника, стараясь как-то привыкнуть к оружию. Я всей душой сочувствовал ему, но на нашем передовом рубеже мы вынуждены были воздерживаться от стрельбы. Другое дело на позициях, расположенных на возвышенности.

Как и в предыдущую почь, без устали трещали пулеметы, громко и резко звучали противотанковые ружья. Каждую минуту грохотали минометы. Шум мин, похожий

на звук летящих уток, заглушал свист пуль. Каждый раз я невольно прятал голову в плечи. Казалось, будто мины падают на нас, поскольку шум парастал и переходил в характерный громкий шелест. Однако это фыркание быстро удалялось, затихало, а через минуту где-то там, за бункерами, вспыхивала земля и слышались взрывы пролетевших над нами мин. Траектория полета мин проходила прямо над нашей позицией, поэтому мы слышали выстрелы минометов и разрывы мин. В какой-то момент можно было даже увидеть, как на самой вершине траектории мины поворачиваются головкой вниз.

Немцы уже вчера вечером, видимо, почувствовали смелость на наших позициях, поскольку их артиллерия стала бить по дорогам заградительным огнем. Из бункеров немцы начали пускать пачки ракет, а серии трассирующих пуль первоначально ошупывали склоны возвышенности. И вдруг на той стороне прогремел залп минометов. Раздался рев над головой, и серия тяжелых мин приземлилась на склоне между окопами. Наши позиции на мгновение затихли, словно удивившись, а потом на немцев сразу же обрушился яростный гром канонады. Заговорили полковые минометы всей батареи, задрожала земля. Тысячи «уток» прошумели над нашей позицией.

Ночи начинались совсем весело. Тем более, что мы должны были сохранять парадоксальную в известной мере нейтральность. Немцы же хотя и направляли свой огонь главным образом на склоны котловины, однако не забывали и нас и раз за разом без всякого предлога прочесывали нашу позицию очередями из пулеметов. С другой стороны, с огневых позиций нашего батальона, расположенных на самой возвышенности и ее склонах, стреляли также через наши головы и, стремясь накрыть немецкие бункера, весьма рискованно снижали траектории. Я опасался, как бы у какого-нибудь пулеметчика не дрогнула рука. Тогда бы нам стало ой как жарко, поскольку тыловое прикрытие нашего рубежа было значительно ниже фронтального. Конечно, я верил, что Владек Жарчиньский хорошо подготовил своих пулеметчиков, а Дросик следил за тем, чтобы остальные стрелки строго придерживались правил стрельбы через голову своих войск.

Вот так мы и сидели, как беззащитные сироты, между двумя яростно перестреливавшимися сторонами под ажурным куполом из светящихся пуль и ракет. Ситуация была

не столько глупой, сколько раздражала нас. Однако нет худа без добра. В нашем положении было и преимущество: близость противника автоматически избавляла нас от огня его артиллерии и минометов. Видя, что выделяли мины тяжелых минометов на склонах котловины, мы благословляли свою вынужденную молчать под дулами неприятельских батарей позицию.

Всего пару десятков часов мы находились на передовой. Наступила только вторая фронтовая почь, однако люди уже приспособились и стали мыслить категориями «мы — они». Личная неприязнь, мелкие обиды сразу же поблекли и стали несущественными перед лицом действительного противника. На передовой глаза у бойца видят сразу на три стороны, вверх и вниз. Он мыслит быстро и точно, а постоянное первое напряжение придает энергии, подавляет физическую усталость. Сознание того, что за каждую свою ошибку, за малейшее упущение или несвоевременное решение придется платить собственной головой или жизнью товарищей, не позволяет быть пассивным наблюдателем.

Я знал, что тяжелее всего будет нам ночью, ибо почь создает противнику условия для действий, которые в принципе невозможно провести днем. Поэтому от сумерек до рассвета каждый из наших бойцов бодрствовал на своем месте. Каждый имел определенный сектор обстрела и должен был наблюдать за всей местностью в пределах видимости. На пологом берегу перед позицией росли деревья и кусты, которые значительно затрудняли нам наблюдение, так как фактически разделяли полосу местности перед окопами на ряд участков, видимых лишь с определенных пунктов. Вырубить заросли было нельзя, поскольку я не мог подвергать смертельной опасности своих бойцов. Кроме того, мы обнаружили бы тогда наши огневые точки. Так что, если бы ночью заснул кто из пулеметчиков или автоматчиков, это образовало бы брешь как в сплошной полосе наблюдения за противником, так и в нашей огневой системе. А если вдруг именно в эту брешь проникнут немецкие разведчики? Я объяснил ребятам ситуацию и предостерег: кто успеет на посту, застрелю на месте...

Командирам отделения разрешалось свободно передвигаться по траншее, по им вменялось в обязанность особенно внимательно следить за ее флангами и концами ходов сообщения, а также за тылами нашей позиции. В темную

ночь немцы легко могли переплыть реку где-нибудь сбоку, миновать минные поля и зайти к нам в тыл. Это было тем более вероятно, что наша позиция протянулась не по всей длине котловины и по флангам оставались промежутки, особенно с левой стороны, где местность была почти голой, без растительности. Вот почему я, сержант Масловский и Брачковский, обходя по очереди наши траншеи, подозрительно поглядывали на темное, заросшее березняком и густым кустарником дно котловины.

Ночи я, как правило, проводил на своем командном пункте. Выкопанный как раз посредине позиции под старой ветвистой ольхой, он имел прекрасное поле наблюдения. Днем я отсюда мог охватить взглядом все находившиеся напротив котловины немецкие бункера, левее, за рекой, увидеть между деревьями кирпичные строения, а правее, за поросшим терновником холмом — далекие макушки фабричных труб и колокольню костела. Строения слева — это какая-то деревня, куда, очевидно, и уходят на дневной отдых немцы с нашего участка, а город справа — Ротенбург.

Вечером с моего командного пункта лучше всего просматривается весь противоположный берег. Я пащупываю взглядом гнезда немецких минометов, сверкающих в темноте желтыми огоньками выстрелов. Результаты своих наблюдений я рисую утром на бумаге и отправляю в батальон. А уж дальше пусть действуют штаб и артиллерия. Толстым, зубчатым полукольцом, пересеченным черточкой с точками по бокам, я обозначаю деревоземляной бункер, который распластался почти над самой водой прямо напротив левого фланга нашей позиции. В нем находится скорострельное зенитное орудие. Оно дает о себе знать неприятным, острым звуком, словно кто-то режет стекло алмазом. Когда оно бьет по склону возвышенности, некоторые его снаряды цепляются за деревья и разрываются на нашей позиции. Не нравится мне этот бункер. Он дьявольски чувствителен на каждое наше движение или звук. Ему достаточно было слабого отблеска спички, когда я, прикрывшись плащ-палаткой, закуривал сигарку на дне окопа. Орудие сразу же пальнуло и попало в бруствер моего командного пункта. Снаряд перепачкал перекрытие из щобня, вдребезги разбил обшивку траншеи из досок и чуть было не снес мне голову.

Ночью мы курим. Ничего с этим не поделаешь. Табачок отгоняет сон и взбадривает. Мне не приходится напо-

минать ребятам об осторожности. Немцы это делают более убедительным образом. Солдаты курят осторожно, пряча сигарки под лапами расстегнутых шинелей. А когда зажимаются, прячут нос за пазуху. Прикуриваем от трута, сделанного из ваты или пакли. Он тлеет незаметно в ячейке на дне трапезы. Поскольку трут у меня погас, я позволил себе прикурить от спички и... завтра придется ремонтировать мой командный пункт. Счастье еще, что вестовой, ответственный за мой «домашний очаг», забрался в этот момент в ячейку, чтобы нащупать погасший трут.

Смирнов, когда делился со мной своими наблюдениями за неприятелем, говорил и об этом бункере, который влез в землю, словно клоп в щель. Я тогда подумал, что речь идет о снайперах, и не обратил на это особого внимания: ночью ведь снайперы никакой роли не играли. А между тем именно ночью этот «клоп» себя и показал. Ребята уже в первые сутки пребывания на позиции оценили его опасность. Скорострельное орудие, бьющее прямой наводкой гранатами, — это не пулемет.

«Как избавиться от этого пугала? — думал я, разглядывая при свете ракет свой разбитый командный пункт. — Батальон мне не поможет: пулеметы здесь бессильны. Наша артиллерия, расположенная за склоном возвышенности, прямой наводкой это орудие не достанет, так как наша трапеза лежит между ее огневых позициями и целью, а с боков бункер с этим орудием прикрыт складками местности. Навесной огонь артиллерии и тяжелых минометов также невозможен из-за близкого соседства этого пугала с нами. Достаточно наводчику немного опиниться — и шестнадцатикилограммовые снаряды трахнут прямо по моей позиции... Утром все же надо что-то предпринять...»

Однако до рассвета оставалось еще несколько часов. А это много, очень много, когда сидишь вот так, на выдвинутом далеко вперед от нашей передовой линии рубеже, когда порой приходится по пояс высываться из окопа, когда знаешь, насколько ненадежны укрытия, защищающие тебя от огня современного мощного оружия. Свистят пролетающие над головой снаряды. В их свисте что-то холодное, парализующее. Оно прижимает людей к земле, пропитывает потом рубашку, короткой спазмой сдавливает горло. Это «что-то» люди в тылу называют смертью. Здесь, на фронте, никто не произносит этого слова...

Река сверкала в блеске ракет. Транспортирующие пули цепочками светлячков мчались над водой и подрезали ветки деревьев. Влажный, пронизывающий холод тянулся от реки. Я присел в шине окопа, спял с шеп автомат, поправил сжимающий бедра тяжелый пояс с боеприпасами. Днем можно спать надоевшие ремни, сбросить шинель и даже мундир, умыться в какой-нибудь луже на дне поросшей кустами котловины, но самое главное — можно немного поспать в укрытии. От рассвета до сумерек на нашей позиции дежурили снайперы из батальона, охотясь на неосторожных немцев. Три раза в день к нам на позицию приносили горячую пищу в полевых термосах. Мы хлебали горячий суп, набивали желудки жирной кашей и, попивая кофе, приходили к выводу, что нам совсем неплохо живется, вот если бы только еще выспаться да достать табачку... При воспоминании о табаке хотелось курить. Табачку, правда, оставалось на пару закруток, но утром, может быть, выдадут какого-нибудь курава...

Наши минометы вновь загудели залпами, аж земля тряслась. И вновь это дьявольское орудие осыпало нашу позицию снарядами. Я на ощупь оторвал клочок газеты, вагробевшими пальцами насыпал табак. Остаток подал связному.

— Кури, Эдек! Человек живет один раз.

— Ну что ж я буду вас обкуривать? — смутился парень. — На завтрашнюю почку вам ничего не останется.

— Бери, бери, не беспокойся обо мне.

Солдат поспешно взял кисет, присел и, скрутив сигарку, прошептал:

— Что ж это такое, пап поручник? Чем больше стреляют, тем больше курить хочется. Я уж весь свой табак выкурил.

— Это естественно. Сам видишь! Как сажают по нашей позиции, а мы ответить не можем, вот и не знаешь, что с руками делать. А так, по крайней мере, сигаркой затынешься.

— Ой, правда, пап поручник. Как это «пугало» начнет в нас палить, то аж мурашки бегут по коже, а затынется человек дымком — сразу легче. А что касается этого бундкера, пап поручник, он нам еще много напакостит. Наверняка все перекрытия наших огневых точек разнесет.

— Или мы его вперед разнесем, — заметил я, и у меня в памяти возникла щуплая фигура командира полковых

семидесятишестимиллиметровых орудий. Этот поручник ничем особенным не выделялся ни в казармах, ни в походе, разве что только более богатым запасом браанных слов и остроумными кражами сена для своих лошадей. Однако о его боевых способностях рассказывали чудеса. Говорили, будто он в тридцать девятом году, тогда еще подхорунжий запаса, со взводом старых французских полевых пушек на деревянных колесах сдержал под Кутно атаку роты немецких танков, а позже, в партизанском отряде, из трофейных счетверенных пулеметов сбивал «юнкеры» и «рамы». Я слышал, что здесь, на передовой, он тоже отличился. Как спайпер, он попадал из пушки в отдельных фрицев, если только кого-нибудь из них замечал. Может, он заинтересуется этим приплюснутым бункером?

И я не ошибся в командире пашей «курносой» батарее. На следующий день я пошел его в лесу на склоне возвышенности и, спросив о здоровье артиллерийских лошадей, зашкварился о дьявольском расчете зенитного орудия в бункере. Поручник вежливо слушал, сочувственно кивал головой.

— Вот сукины сыны! Значит, говорите, от вашей позиции ни черта не останется? — И будто бы ради компании, как бы невзначай притопал со мной на наш рубеж. Бегло осмотрел окрестности, взглянул на приплюснутый бункер, даже удивился:

— Действительно, вцепился в землю, как клещ, хоть выдирай его оттуда...

Потом взял у меня кроки местности на нашем рубеже и пополз на левый фланг, вплоть до минных полей. Через несколько минут он возвратился, покусывая в зубах стебелек маргаритки. На мой вопросительный взгляд пробормотал:

— Люблю маргаритки, очень чистоплотные цветы. Только вот во время войны растут на дерьме. Война вообще... грязное дело! — И ушел.

Однако, когда на котловину опустилась ночь, на флаге нашего рубежа, у края минных полей, что-то задвигалось. Я не верил собственным глазам. Конечно, польская бравада не зря вошла в поговорку, но не такой же он идиот, чтобы устанавливать орудия на самом берегу реки!.. Я взял с собой вестового, и мы поползли в том направлении.

Артиллеристы, прижавшись к земле, лопатками сняли уже первые пласты дерна под два орудия. Поручник лежал

в неглубокой воронке от мины и шепотом руководил работой.

— Что вы делаете, с ума сошли?! — начал я, подползая к нему. — Ведь пемцы за две минуты разнесут вас в клочья, если вдруг что-то заподозрят.

— Пусть укусят себя в зад! — ответил поручник скучным голосом. — Укрытие сейчас будет готово, а заметить не заметят, так как я заказал у главнокомандующего погоду, какую надо.

Погода действительно благоприятствовала операции. После полудня тучи затянули чистое небо, и над рекой поднялся густой туман, так что все звуки проходили сквозь него, будто сквозь вату. Ракеты чертили тусклые траектории, но совсем не освещали местности.

— Как же вы, черт возьми, найдете цель в этом молоке? — спросил я.

— Посижу до утра. Надеюсь, радикулит не схвачу.

— До утра? Вы же не сумеете выкопать огневые позиции! Глубже пойдут корни, а дальше — глина...

— А мы что, ямы для отхожих мест копаем? Нам бы лишь слегка укрыться, чтобы пулеметы не поцарапали.

Я остолбенел. До этого я думал, что он попытается нащупать бункер постепенно, навесным огнем с позиции в лесу, или... Пожалуй, другого способа нет. А он между тем устлавливает под самым носом у немцев чуть ли не целую батарею и в ожидании подходящего момента собирается сидеть до утра за низким слабым укрытием между высоко торчавшими орудиями и ящиками с боеприпасами, первое случайное попадание в которые может превратить все окружающее в крошечный ад. Ведь буквально напротив нас, в каких-нибудь сорока метрах, притаилось в укрытии из земли и толстых бревен скорострельное зенитное орудие, готовое откликнуться на малейший звук с нашей стороны, на любое движение. Сбоку батарее угрожают пулеметы, минометы, а может, и немецкие ракетчики рискнут произвести огневой налет, так как в любую минуту внезапный порыв ветра может рассеять туман, а ракеты — превратить почву в дым. Вот будет тогда забава, упаси господи! Ничего не скажешь: парень с фантазией!

— Поручник, — спросил я, с признанием посмотрев на него. — Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Спасибо! Пока ничем, — ответил он, высунувшись из воронки, затем шепотом бросил несколько слов коман-

диру орудия и принял старую позу. Поймав мой взгляд, он спросил с иронией в голосе: — Что это, коллега, так на меня смотрите? Ага... — И он погладил ладонью заросшее щетиной лицо. — Да, не брился я, пожалуй, неделю. Вообще у меня нет времени заниматься чем-либо человеческим. Лошади с голоду уже дышла съели, ребята совсем забыли о песнях... А все потому, что пехота так за мной и ползает: этому разбей пулеметную точку противника, тому — какой-то наблюдательный пункт. А вот у коллеги бункер этот вопяет...

— Жизни нам не даст холера!

— Такой сильный сморчок? Посмотрим, кто сильнее... А что касается помощи, то вы, коллега, прикройте, пожалуйста, мой отход с позиции. Сколько у вас пулеметов?

— Четыре «дегтярева».

— Хо, хо! Этого достаточно, чтобы фрицев дважды задом ко мне перевернуть... Ну, а если у меня будут раненые, убедительно прошу принять их у себя. Днем их заберут мои санитары.

Лопатки артиллеристов быстро мелькали. Дыхание и шепот работающих людей были едва слышны даже вблизи. Река утонула в тумане, со всех сторон прерывисто стрекотали пулеметы. На склонах возвышенности едва заметно мерцали ракеты. Такая погода благоприятствовала артиллеристам и в то же время удовлетворяла и немецких разведчиков.

Я попрощался с поручником и быстро вернулся на свой командный пункт. Ребята бодрствовали. Предстоящая артиллерийская дуэль держала всех в напряжении. Немцы, видимо, уже услышали шум на фланге нашей позиции и одну за другой пизом стали пускать в том направлении ракеты, а приплюснутый бункер начал каждую минуту «скрежетать по стеклу». В ушах звенело. Шум лопаток стих, но немцы для уверенности пустили в котловину еще несколько небольших мин. Обеспокоенный, я вновь зашагал на левый фланг. В густом тумане едва различались тени передвигающихся артиллеристов. Они теперь копали землю голыми руками и в одеялах выносили ее на широкий край огневой позиции, которую сразу же маскировали ветками. Когда над ними шипела ракета, они падали плашмя и замирали, неподвижные, при ее тусклом свете. Через минуту, согнувшись, полулежа, под свистом пуль бойцы продолжали яростно работать. Осколок мины пропахал одному из них шею. Парень приполз к нам. Брачковский

сделал ему перевязку. Артиллерист надел потертую шинель, взял свой автомат и со стоном пошел к краю окопа.

— Ты куда? — остановил его Брачковский.

Тот ответил не сразу.

— К своим, пан капрал, — простонал он наконец и поставил ногу на выступ, чтобы вылезти из окопа. Брачковский придержал его за пояс и обратился ко мне:

— В лоб еще не получил, а совсем сдурел! — И, повернувшись к артиллеристу, спросил: — А здесь что, не свои? Там ведь пользы от тебя не будет.

— Я наводчик, пан капрал... Сейчас ребята пушки подтащат... Как только туман рассеется, долбанем по этому бункеру. Пустите меня, пан поручник! — сказал артиллерист, пытаясь встать передо мной по стойке «смирно». — Ведь я наводчик...

— Тебя заменит командир орудийного расчета. Ходить можешь? — спросил я, поскольку артиллерист, тяжело дыша, едва держался на ногах.

— Могу, пан поручник... Я присяду на корточки и наведу орудие...

Я оглянулся на ходы сообщения. Там было спокойно, свободно простреливались только склопы бункера. Держать раненого на нашем рубеже было опасно: с временной перевязкой он мог ослабнуть от потери крови. Кроме того, оставшаяся часть почти обещала быть беспокойной.

— Эдек, — обратился я к связному. — Отведи его сейчас же наверх к саптарам. Идите по первому окопу, это безопасней, и смотрите, чтобы вас свои же ребята сверху не подстрелили. Ну, вперед! Только тихо и осторожно. Понимаете?

— Да, — ответил связной, проникшись чувством ответственности за порученную ему миссию. Совершенно поникший артиллерист тяжело вздохнул и тронулся в путь со своим проводником. На прощанье он еще раз оглянулся.

Всего шагах в двадцати его измученные товарищи, прижимаясь к земле, маскировали последние пласты светлого грунта вокруг готовых уже огневых артиллерийских позиций. Вскоре они, как привидения, растворились в тумане.

Прошло еще часа два. Я уже перестал верить, что артиллеристы вернутся, но они появились, тихо волоча, а вернее, неся на руках орудия. Каким образом они сумели перетащить их с позиций в лесу, как под беспрестанным огнем немецких пулеметов установили у самого берега

реки — не знаю. Шли они по небольшой болотистой расщелине, которая пересекала котловину. Колеса шестисоткилограммовых орудий вязли в трясине. Орудия пришлось буквально переносить на руках. И вот они уже выстроились на огневых позициях, на обрывистом берегу, высунив черные стволы над водой. От пемцев их скрывал только туман да редкая полоска кустов. Они стояли отчаянно, буквально напротив грозного, уверенного в своей недосыгаемости немецкого бункера.

Стрельба постепенно затихала. Защобетали птицы в котловине. Наступало утро. Холодный ветерок с востока разгонял туман над рекой. Начали вырисовываться огневые позиции нашего рубежа, серые изнуренные лица солдат, листья деревьев. Сталью отливала вода внизу. Я побежал на левый фланг траншеи. Зайковский держал ручпой пулемет в зажиме для слепой стрельбы.

— Уже приготовились, пап поручик! — возбужденно прошептал он, показывая взглядом на артиллеристов.

Артиллеристы стояли на коленях, каждый на своем месте возле орудий. Они сняли пояса, подвернули рукава мундиров и застыли, как статуи. Заряжающе обними руками прижимали к груди поблескивающие снаряды. Наводчики прильнули к стеклам прицелов. Поручик стоял за высоким кустом тернопника, сдвинув кофедератку набекрень. За его внешне беззаботным видом угадывалось крайнее напряжение. Во всей фигуре офицера, как и в застывших фигурах артиллеристов, всматривающихся в туман, опытный глаз мог узнать специалистов, которые съели собаку в своем деле.

— Боже мой, как перед фотографом уселись! — восторженно прошептал Зайковский.

— Тсс... — толкнул его Сташек. Он примчался сюда вместе с Масловским. Им тоже передалось общее возбуждение.

Вот фигуры артиллеристов наклонились вперед, бесшумно закрутились рукоятки прицельных механизмов под пальцами наводчиков. Мы взглянули на реку. Из тумана вырастал немецкий берег, угрюмо вадымался бункер с его смертоносными бойницами...

Я увидел только взмах руки поручника и вспышки огня. Как удары грома, один за другим раздалось с десятков выстрелов. Будто и не было секунду назад оцепеневших расчетов орудий. Теперь они бешено двигались. Стволы не

успевали откатываться назад, а уже вновь щелкали замки затворов, снова и снова вспыхивал огонь, раздавались оглушительные выстрелы. На том месте, где находился бункер, поднимались белые взрывы, клубился дым, разлетались в разные стороны глыбы земли, бревна и щепки.

Все это продолжалось несколько секунд... И вот в ответ полыхнули огнем немецкие позиции на флангах, ударили минометы. Но было уже поздно. Артиллеристы уже прекратили огонь орудий и, схватившись за колеса, исчезли в расщелине, укрытой от противника.

Лишь поздно вечером под покровом темноты и дождя артиллеристы забрали орудия на старые позиции. Перед этим, до наступления сумерек, командир батареи заглянул ко мне. Мундир у него был вычищен, лицо выбритое, хотя и серое от бессонницы, в припухших глазах, как всегда, плясали насмешливые искорки.

— Пришли посмотреть свою работу?— приветствовал я его.— Поздравляю! Давно не видал такого мастерского исполнения...

— Нет... Сейчас будем перетаскивать орудия. Просто я, пользуясь случаем, решил навестить вас, коллега. Уютно здесь у вас, приятно, все происходит где-то там, сверху и сбоку...— И он задрал голову вверх, словно хотел увидеть свистящие над головой мины.— Ловко изолировались!

— Изоляция эта заминированная, а мы — в роли детонатора. И самое худшее: никто не знает, когда придется взорваться! — ответил я, задетый его насмешливым тоном.

Он искоса взглянул на меня, грустно улыбнулся, и с лица его моментально исчезло циничное выражение.

— Вы еще молоды, коллега. Зачем говорить о том, что ясно с первого взгляда? Я в жизни немало повидал разных позиций, одну от другой отличить могу. Шесть лет военный мундир на плечах таскаю, и уже пришлось пострелять из польских, французских, немецких, венгерских, чешских и, черт его знает, из каких еще пушек. Полевые, противотанковые, зепитные, минометы... Пуляли в немцев даже гвоздями для подков...

— И всегда с такими результатами, как сегодня утром?

— По-разному... Все это капли в море... — ответил он, доставая кисет.

— Но из капель образуются реки! Взгляните на одну из ваших капель! — сказал я и пододвинул к нему пери-

скоп. Он сделал жест, будто хотел отстранить его от себя, но я настаивал: — Взгляните, взгляните! Кишки на деревьях. А от бункера осталась куча мусора... Лучше смотреть через эту трубку, так как снайперы не дремлют...

Он не взял перископ, а поднес к глазам свой бинокль. И вдруг поручник отвернулся и скривился, сдерживая рвоту.

— Что случилось? — спросил я удивленно.

— Ничего... Меня всегда тошнит, когда вижу нечто подобное... Завернете? — И он протянул мне кисет. — Эти наши чертовы интенданты никак не могут понять, что табак так же важен, как и боеприпасы... Сыпьте, сыпьте, всем хватит.

— Большое спасибо. Охотно воспользуюсь, поскольку у меня табак уже кончился. А вы, значит, не можете привыкнуть к этому? Однако в деле вы — орел!

— Дорогой, коллега, — ответил он, спокойно усаживаясь в нише окопа и закуривая сигарку. — У нас нет иного пути. Если мы не убьем их, они убьют нас. Поэтому мы не можем не доводить дело до конца. Речь тут, впрочем, не о нас. Нам нельзя играть в сентиментальность и халтурно выполнять свою работу. Ставка слишком высокая. Когда-нибудь, если уцелеем, каждому из нас дадут «по заслугам», как говорят русские. Вот тогда этот полевой мундир и боевые награды вставлю в рамку и повешу на стену. Как доказательство, что мужскую силу, молодость, здоровье и нервы я израсходовал не в борделе, а оставил в лесу и окопах. Я смогу смотреть людям в глаза... А то, что я до сих пор не привык и меня тошнит, это — совсем другое дело.

— Какое?

— Чисто человеческое... Хоть что-то человеческое должно же в нас остаться! Тем более, когда человеку всего лишь тридцать лет... — грустно проговорил он. Поручник сидел сгорбившись, с искаженным гримасой лицом.

Шел дождь. Капли шелестели на листьях деревьев. Река шумела тысячами мелких всплесков, изменяя знакомые, ставшие привычными ночные звуки. Только водопад, как всегда, пел свою унылую бесконечную песню. С бруствера окопа стекали ручейки, образуя миниатюрные ущелья

в группе и размывая земляные стены огневых позиций. Ребята собирали землю лопатами, укрепляли размывшие края окопа досками из-под боеприпасов и ветками деревьев, перевязывая их телефонным кабелем. Вода хлюпала под ногами. Сверху беспрестанно лило. Было мокро, темно, неприятно. Я ходил по окопу как с завязанными глазами. В почпой хмари пельзя было рассмотреть даже кончик ствола собственного автомата.

Каждые десять — пятнадцать минут с разрых пунктов нашей позиции пускали белые осветительные ракеты. Магниевый блеск на несколько секунд освещал местность, вырывая из темноты очертания бункеров на другой стороне, водную гладь реки и деревья на нашей позиции, от которых тянулись длинные тени. Подходя к концу левого фланга нашей позиции, я услышал из глубины огневой пулеметной точки:

— Кто идет?!

— Свой. Это ты, Брачковский?

Предусмотрительно высунутые вперед дула автоматов лязгнули друг о друга.

— Я, пап поручик... Вот говорю тут Зайковскому, что немцы что-то сегодня подозрительно молчат. Каждую ночь устраивали концерты, а теперь вдруг тишина.

— Действительно... Сегодня еще до дождя, когда минометы рванули несколько раз со склона возвышенности, немцы ответили вяло и как-то издалека, а потом наступила тишина, будто обе стороны подписали соглашение о прекращении огня.

— Отбили им охоту воевать после утреннего урока. Они побоялись даже трупы собрать... А может, промокли и спят в бункерах? — успокаивающим тоном сказал я и едва сдержал зевоту.

— Лучшие им не верить! — прошептал Брачковский. — Наши артиллеристы заварили кашу. Фрицы наверняка до сих пор ломают голову над тем, откуда они вдруг появились. А что касается сна, то немцы выспались днем, в тылу, пап поручик.

Сверху короткой очередью резанул «максим». Откуда-то сбоку, как эхо, к нему присоединился «дегтярев». Видимо, дежурные пулеметчики таким образом боролись с навалившейся на них сонливостью. Немецкие позиции молчали.

— А вы, пап поручник, пошли бы лучше поспали. Вы же весь день не сомкнули глаз. А я тем временем обойду с Масловским позиции. Никто из ребят теперь не уснет. Палатки промокли, да и все мы промокли до пинточки. Холодно... — заботливо предложил Чеслав.

— Успеху... — буркнул я в ответ. Наступившая тишина тоже беспокоила меня. Немцы получили утром урок — это факт. Они потеряли один из лучших своих опорных пунктов, более десятка людей и автоматическое зенитное оружие. Вероятно, они не хотят обнаружить свои огневые точки, не хотят дразнить нас. В то же время, если они так настойчиво преследовали огнем покидающий свои окопы взвод нашей батареи, то знают, что он может отойти только под прикрытием темноты. Тогда почему вечером они не отрезали котловицу с нашими траншеями заградительным огнем? А если они думают, что орудия кочуют в районе нашего расположения, то почему не пащупают их минометами? Неужели пытаются вызвать нас на новую атаку на рассвете? По данным разведки, перед нами опытные солдаты, побывавшие в переделках на различных фронтах. А такие умеют дорожить своей шкурой. А может, они хотят перехитрить нас и... преспокойно спят, в то время как мы не отдыхаем и ждем реванша с их стороны?..

На передовой не приходилось нормально отдыхать. Днем ребята чистили оружие, приводили в порядок оборонительные сооружения, часть времени уходила на прием пищи, письма домой и стирку. Я же, кроме того, должен был составлять рапорты и дописания, чертить кроки. Приходилось также ходить на КП батальона, ругаться с начальством из-за консервов и табака. И тогда я подолгу сидел в окопах роты и болтал с Юреком, который, взяв у какого-нибудь снайпера винтовку с оптическим прицелом и скрывившись от злости, часами яростно стрелял в направлении немецких позиций. Когда же я наконец возвращался в расположение своего взвода и ложился прямо на траву, пытаясь заснуть, откуда-то сзади с шумом начинали пролетать над головой мины. В ответ из немецких бункеров открывали огонь пулеметы и орудия, срезая ветки деревьев и кустарников и перепахивая землю возле наших траншей. Я вскакивал как можно скорее и бежал в окоп, надевал на себя снаряжение и отдавал распоряжения на текущую ночь. Все мы едва держались на ногах,

как после изнурительного марш-броска. Вот почему перспектива немного подремать в укромном окопчике командного пункта была для меня чрезвычайно заманчивой. «А впрочем, если фрицы не пытались атаковать нас в течение трех ночей, то вряд ли они полезут на нас сегодня», — подумал я про себя. Я слишком устал, чтобы сделать из этой тишины разумные выводы.

Брачковский, обхватив руками приклад ручного пулемета, устался в непроглядную тьму. Наводчик Зайковский бормотал себе под нос какие-то ругательства и утрамбовывал руками размокшую глину на боковой стенке окопа. Под небольшим навесом из досок, сверху которого была насыпана земля, маячило в темноте лицо подносчика патронов. Я отступил в проход траншеи, раздумывая, идти спать или нет. Внизу монотонно шумела река, мирно шелестел в ветвях деревьев дождь. Ни единого выстрела...

А может, немцы действительно спят без задних ног? Я уже решил было пойти прилечь на часок, как вдруг мною овладел элементарный страх. А что если именно в эту минуту немецкие разведчики или моторизованная пехота уже плывут по реке или готовятся бросить гранаты? А что если они уже паводят свои пулеметы?.. Темные фигурки выскочат на берег, перебьют автоматами и кинжалами наш малочисленный отряд, часть обезоружат, чтобы взять «языка»... Взметнутся вверх красные ракеты, и, когда умолкнет наш последний автомат, а может и раньше, первая линия обороны обрушится на наше расположение заградительный огонь... Перед глазами вдруг возникли изуродованные пулями и осколками лица Брачковского и Побяжина, толстощекая смеющаяся морда Скверчиньского, искаженная гримасой смерти... Я машинально схватился за ракетницу. Ракета, шипя, очертила полукруг и упала за бункерами. Брачковский высунулся из окопа и осмотрелся.

— Тихо... Наверное, действительно спят, мерзавцы, — сказал он шепотом. — Пан поручник, идите отдыхать.

Я все еще колеблюсь. Сейчас ребята спокойны: знают, что и я вместе с ними не сплю...

По траншее кто-то пробирался в нашем направлении. Я узнал Масловского.

— А, вот вы где, пан поручник, — проговорил сержант, протискиваясь в окоп. — А я-то думал, куда вы исчезли?

Все траншеи обошел, был и на командном пункте, там только связной.

— Как дела на правом фланге, коллега?

— Все в порядке, пан поручник.

— А на нейтральной полосе? Спокойно?

— Тишина как на кладбище.

— Хм... Ну что ж, прекрасно. Чеслав, обойди за меня позиции, а я вздремну часок. Особенно следите за флангами. Я буду у себя.

— Слушаюсь, пан поручник, — ответил Брачковский.

Через некоторое время я уже был на своем командном пункте. Связной сидел у амбразуры.

— О чем задумался, Эдек?

— Отвратительная ночь, пан поручник. Курить нечего, промок до нитки...

— Ничего, браток! Утром выглянет солнышко и обсохнем, а если его не будет, то поднимаемся по очереди на высоту и обогреемся. У них там в землянках тепло.

— Э... — махнул рукой солдат. — Может, у них и теплее, но хуже, чем здесь. Днем фрицы лупят по ним из минометов, так что носа не высунешь. А то и снайпер какой моментально срежет пулей. Там все время сидят под огнем. Ребята из тех взводов горбатыми уже стали: все время в укрытии, согнувшись. Однако и это не помогает. Вчера из батальона четверых убили, а раненых — уйма.

— Ты прав. Здесь хоть минометы не досаждают, а днем и так никто носа не высовывает.

Я уселся в нише окопа. С бревенчатого потолка капало, по стенам тоже стекала вода. Сидеть было неприятно. Я встал, снял залубеневшую плащ-палатку, накрыл плечи одеялом и, опершись локтями на бруствер, начал вглядываться в темноту.

— Пан поручник, а может, у вас нечего курить? Я могу сбегать к Скверчиньскому, у того всегда есть табак... — зашептал сбоку связной.

— Верно, печего... Сбегай, если хочешь, разогрейся немного... — сказал я сонным и равнодушным голосом. Мне хотелось помолчать. Я даже не заметил, как он ушел. Дождь шумел монотонно, одеяло набухало от влаги, холодные капли забирались за воротник. Эх, сейчас бы снять сапоги, вымыться горячей водой, улечься в чистую прохладную постель на набитый свежим сеном матрац. Поймай-ка, сколько же лет я не спал на такой постели?..

Ну да, с сорок первого года... Нет, минуточку. Это было в Седльцах перед отправлением на фронт, когда я почевал у Али. Она постелила мне на диване в столовой. После казарменных пар моим костям, видимо, было чересчур мягко, и я долго не мог уснуть. Нет, скорее всего потому, что я ждал, когда она придет... Кто-то пробирался по трапезной, мурлыча себе что-то под нос. Это Масловский делал обход. Хорошо... Она появилась около полуполночи. Вошла бесшумно и присела на корточках на ковер. Аля!.. Мои руки не встретили сопротивления. Халат мягкий, в складку. Дергаю за узел пояса — поддается... Скользящий шелк ночной рубашки, кружева на вздымающейся теплой груди... Ведь через два дня я уйду под пули... Тапочки с белыми помпучиками мягко шлепнулись на ковер. Горячие руки крепко обнимают шею... Влажные губы закрывают глаза, что-то шепчут... И вдруг звонок. Телефон? Немцы? Чепуха! Пан поручник? Меня? Немцы?..

— Немцы! Немцы, пан поручник! — наконец услышал я хриплый голос Брачковского. На левом фланге трещали пулеметы. Вспыхнули заревом ракеты. Я мгновенно вскочил, высунулся за бруствер окопа и на середине реки увидел четыре понтона. Мелькали в темноте весла. Понтоны были усеяны грибами касок и оцетищившимися стволами...

Я отшвырнул одеяло, выхватил ракетницу и выстрелил.

— Немцы — слева! По понтонам — огонь! — крикнул я, повернувшись вправо, так как из расположенных слева от меня окопов уже вели огонь. Брачковский через амбразуру дал очередь из автомата.

— Брачковский! Давай белые ракеты! Освети их! — Я бросил капралу ракетницу. Тот моментально ее зарядил и выпустил одну за другой несколько белых ракет. Масловский выпустил красные ракеты — сигнал тревоги. Бело-красное зарево повисло над рекой. Понтоны лавировали, освещенные предательским светом, стремясь вырваться из-под обвалившегося на них огненного смерча, и вдруг сами открыли огонь по нашему расположению.

— Напролом идут... Это не разведчики! — хрипло, с беспокойством в голосе заметил Брачковский, разрывая новую пачку ракет.

«Десант!.. Десант!.. — мелькнуло у меня в голове. — Только бы не допустить их к берегу. Тогда мы пропали...»

— Огоны! Огонь, ребята! — крикнул я вдоль траншеи, оттягивая затвор автомата. Команду передали по цепи. Голоса тонули в грохоте автоматов. Бойцы внимательно слушали приказ. Я с удовлетворением отметил, что и сам стал хладнокровным, только сердце будто подкатилось к горлу, да знакомый мне еще по партизанским временам горьковатый привкус стиснутых челюстей заполнил рот.

Темные фигурки сраженных пулями немцев падали в воду, барахтались на дне лодок. Однако повые руки подхватывали весла, гребли даже прикладами винтовок, и понтоны неумолимо приближались к берегу. Один из них был уже совсем рядом. Я видел, как немцы начали приподниматься, готовясь спрыгнуть на берег. Я вскинул автомат и дал длинную очередь, пока не кончились патроны в диске. Гребцы, сидевшие в лодке, повалились на бок, а оставшиеся в живых немцы через тела мертвых попрыгали в бурлящую воду и судорожно цеплялись за раскачивавшийся на воде понтоп. Подхваченный течением, он поплыл мимо наших окопов. Брачковский, схватив автомат, вел огонь по барахтавшимся в воде немцам.

— Ракеты! — крикнул я, поскольку остальные лодки тоже приближались к берегу, и молниеносно выхватил новый диск. Пальцы паткнулись на холодный металл висевших у пояса гранат. Вырвал чеку и, размахнувшись, бросил... одну, другую, третью, пока не почувствовал боль в локте. К монотонной трескотне пулеметов и автоматов то и дело присоединялись заглушаемые водой одиночные взрывы или грохот нескольких одновременно разрывавшихся гранат. Вверх поднимались фонтаны воды, закрывая понтоны. Брызги долетали даже до бруствера.

Возле меня кряхтел Эдек. Это он и кто-то еще в центре бросал в реку тяжелые противотанковые гранаты. С танцующего возле самого берега понтона немцы спрыгнули в воду и полезли к берегу... Нет! Пулемет Воцяньца срезал их зеленой молнией трассирующих пуль. Вторая лодка увернулась из-под этой страшной бритвы и, подталкиваемая веслами, упорно двинулась вперед... Автоматы? Автоматы... Почему они не поддерживают пулеметы? Ведь те захлебываются от огня!..

— Свет! Свет, Брачковский! — Я высунул за бруствер и дал несколько коротких очередей. Крики заглушались выстрелами. Хорошо! Наконец-то ребята нащупали второй понтон. Я вдруг инстинктивно присел. Это

огрызнулись огнем немецкие бункеры. С бруствера в лицо посыпался гравий. Протерев глаза, я понял: замолчал средний пулемет.

— Боже мой! Они же полезут в эту брешь... Связаною, за мной! — И я бросился к их окопу. Наводчик Водянец, опершись спиной о стенку окопа, закрыл лицо руками. Между пальцами его рук сочилась кровь. Подносчик патронов Скверчипьский беспомощно склонился над пулеметом и что-то бормотал себе под нос.

— В чем дело?! Стреляй!

— Убьют меня... — простонал он жалобным голосом и присел вдруг на корточки. Разрывные пули, ударив в бруствер, щелкали, вадывая фонтанчики пыли.

— Стреляй! — рванул я Скверчипьского за воротник.

Оп, пошатываясь, поднялся, дрожащими руками навел пулемет на цель и нажал гашетку, однако после первой же очереди его отбросило назад. Ствол затанцевал. Трассирующие пули, разрезав тьму, сверкнули на берегу.

— Отойди, отойди, растяпа! — рявкнул вдруг наводчик. С окровавленным лицом, оскалив зубы, он резким движением отстранил своего помощника и схватился за рукоятки. Пулемет послушно застрочил.

Ракеты беспрестанно освещали местность. Когда я вернулся на командный пункт, с реки еще доносились пропитательные крики раненых и тонущих немцев. Первый понтон куда-то исчез, обломки двух других несло в сторону водопада, а четвертый понтон причаливал к противоположному берегу. Немцы, соскакивая с него, падали, раскинув руки, скопленные пулями. Я обернулся. Наша первая трапеза вела огонь по всей протяженности. Пули, пролетая над нашими головами, барабанили по бетону немецких бункеров, будто кто-то сыпал горох. Наперегонки грохотали минометы всех калибров и орудия. Воздух над нами выл и стоал, а за бункерами, куда ни кинь взор, образовалась сплошная полоса взрывов. У нас тоже не замолкали пулеметы, которые преследовали понтон у водопада и затопили один у левого берега. На понтонах уже не осталось людей. Автоматчики, однако, еще простреливали реку, напрасно привлекая к себе внимание немцев.

— Прекратить огонь! Передайте дальше! — крикнул я в ту и другую стороны. На душе было тепло и легко. Дождь приятно охлаждал лицо. Извилистые очертания

наших окопов казались мне самым прекрасным уголком земного шара. Повернувшись к Брачковскому, я сказал:

— Дай знать нашим в первую траншею, что атака отбита. Еще подумают, что фрицы нас задавили. А уж если наши ударят, то костей не соберешь.

Чеслав тотчас же выпустил три зеленые ракеты и заметил:

— Уф, черт возьми! Напролом лезли, прямо под пули. Видно, имели строгий приказ... А может, это были эсэсовцы? — И вдруг стукнул Эдека, который, наверное, забыл о том, что была команда прекратить огонь, так как кинулся с автоматом в руках на освободившееся место у амбразуры.

— Мне так и не удалось пострелять. Бросал гранаты и вывихнул себе немного руку. Мне всегда не везет, — пожаловался связной.

— Ну, ну, все еще впереди. Будет и у тебя возможность отличиться... А лезли, мерзавцы, действительно напролом. Я уж было решил, что первому понтону удастся высадить десант, и, если б не Эдек со своими противотанковыми гранатами... кто знает, может, и высадили бы! — Я похлопал связного по плечу.

— Да... — с восхищением проговорил связной. — И мощны же эти гранаты! Подумать только: камни со дна реки вырывали, понтоны поднимали в воздух и фрицы сыпались с них, как груши. Очутившись в воде, немцы квакали, как лягушки, а ребята давай их косить... Все вокруг так и закипело!

— Молодцы, ребята! Правда, пап поручник? Ведь фрицы так нас прижали, что диву даешься, как мы стояли. Если б им удалось пустить в ход гранаты, трудно сказать, чем бы все это кончилось. Хорошо еще, что понтоны сильно раскачивало и невозможно было замахнуться, — вступил в разговор Брачковский. — Вот, наверное, бесятся теперь от злости!

Поптопы уже исчезли из виду, и растревоженная взрывами гранат речная гладь начала постепенно успокаиваться. Из бункеров вылетали фонтаны ракет. Амбразуры огрызались огнем.

По проходу траншеи пробирался сержант Масловский.

— Пан поручник, докладываю: немецкий десант уничтожен!

— Благодарю за образцовое выполнение приказа! Какие потери во взводе?

— Двое легко ранены: Воцянец — рикошетом в лицо и один из третьего отделения — пулей в плечо.

— Можно сказать, нам повезло. Фрицев мы уложили, пожалуй, не меньше пятидесяти.

— Окопы у нас, как блиндажи, нап поручник. Хорошо, что мы вчера амбразуры переоборудовали. Ребята чувствовали себя, как у мамыши на печке. Не боялись, только... — запнулся он с веселой ухмылкой на лице.

— Только, что?

— Только Скверчинский наложил в штаны.

— А-а... — Я невольно рассмеялся. — Знаю, я был там. Воцянца ранило, пулемет молчит, фрицы лезут прямо на них, а Скверчинский сидит на корточках на дне окопа и охает!

— Ничего удивительного! — серьезно заметил Масловский, продувая затвор автомата. — Ведь половина из наших ребят, собственно говоря, впервые оказались под огнем или видели немцев на близком расстоянии.

— Да... это было заметно. Некоторые стреляли в белый свет. Честно говоря, надо было бы покончить с фрицами, когда они находились еще на середине реки... А вообще, как это... — И я прикусил язык, а потом спросил официальным тоном: — Кто же первым обнаружил немцев?

— Зайковский, нап поручник. Правда, Бронек? — обратился к сержанту Брачковский. — Я в это время был на левом фланге, а Масловский — в другом конце. Возвращаясь, он выпустил ракету, и тут Зайковский заметил, что левее нас с того берега будто бы что-то движется по реке. Сначала подумали, что это ему показалось. Подождали немного, прислушались. Вокруг — тишина, не слышно даже шороха. Сержант выпустил еще одну ракету. И тут-то увидели... Боже мой! Плынут! Я дал очередь, крикнул Масловскому: «Тревога!» — и бегом к вам. А Зайковский тем временем начал бить по фрицам из автомата. Потом Воцянец преградил им путь к берегу. Вначале они не отвечали, только гребли, как сумасшедшие, но, когда мы их осветили и стало видно как днем, когда пальбу вели уже все наши огневые точки, фрицы тоже открыли огонь.

— Хорошо! Зайковского я представляю к званию старшего стрелка, остальные получают благодарность, а Скверчиньского заставим стирать подштапки для всего взвода... — Присутствующие встретили мои слова громким хохотом. Сказывалось еще напряженнее боя.

Спустя час мы остыли от боевой горячки. Иссякли и шумные комментарии мпущего сражения. Дождь прекратился. Склопы высоты и блиндажи по-прежнему подвергались неослабевающему обстрелу. Обойдя позиции и поговорив с солдатами, мы остановились на командном пункте, наблюдая за пичейпой полосой и рекой.

— Ого, забежали, черти! — заметил Масловский, увидев зарево на той стороне, недалеко от берега, слева от наших позиций.

— От Зайковского лучше видно, — потянул я за собой Масловского на левый фланг.

— Осторожно, поручик, пригнитесь! — кричал сержант, когда мы бежали по траншее. — Разрывными бьют, сукины дети! Если попадет, вырвет дыру величиной с тарелку... Да и наши стреляют чуть ли не по головам... Не хватало еще от своих получить...

Небо посветлело. Приближался рассвет. Ребята на огневых позициях говорили приглушенными голосами, перебрасывались репликами и шутками. Чувствовалось, что вопреки уже улеглось, что они полны впечатлений и счастливы, что самое худшее уже позади. Зайковский занимал крайний окоп, прикрывавший фланг нашей траншеи. Он стоял возле пулемета, готовый в любую минуту открыть огонь. Его помощник, сидя на корточках, спаривал пустые диски. За рекой горело какое-то здание. На фоне пожара хорошо были видны мелькающие фигурки гитлеровских солдат. Они пытались загасить пожар. Видно было, как они тащили лестницы и образовали цепочку для подачи воды.

— Там наверняка находится их штаб, — заметил Зайковский. — Не мешало бы потрепать их слегка, пап поручик.

— Не выдавай зря свою огневую точку. Это работа для ребят на высоте, — ответил я.

И как бы в подтверждение моих слов от густого веера траассирующих пуль, промчавшихся с откоса в сторону бункеров, отделился зеленый шлейф и своим концом уда-

рил в горящее здание. Фигурки людей мгновенно исчезли, будто их ветром сдуло.

— Ну и аргист! На таком расстоянии как косой косят! — восторженно проговорил сержант.

Зайковский беспокойно заерзал на месте.

— Пан поручник... пулемет у меня что-то заедает. Может, попробовать?

— Я видел, как ты пробовал его на понтонах, только щепки летели. Поражать дальние цели не входит в наши обязанности, пан старший стрелок.

Наводчик резко повернулся ко мне. Я не мог видеть выражения его лица, но, судя по всему, оно выражало удивление.

— Это я вам, вам говорю, старший стрелок Зайковский. Как надо отвечать? — Я старался придать своему голосу торжественно-доброжелательный тон. Наконец он понял, что речь идет о повышении.

— Спасибо, пан поручник! — воскликнул он.

— Тсс.. Как надо отвечать?

— Служу Родине, пан поручник! — отчеканил Зайковский по уставу и щелкнул каблуками.

— Поздравляю! Постараюсь, чтобы присвоение вам нового звания было в вечернем приказе по полку! — И пожал ему руку. Я не сомневался, что это предложение пройдет. Командир полка в первые дни пребывания на фронте не скупился на поощрения солдат. Достаточно было рапорта непосредственного начальника и подписей «над ним стоящих».

— Пан поручник, разрешите по этому случаю... Он на самом деле что-то барахлит, — затараторил Зайковский, показывая на свой пулемет. — Заедает...

— Ну, давай!.. — кивнул я.

— Вот черт! Врет ведь, — прошептал Масловский, когда наводчик дал несколько очередей по суетившимся возле горящего здания темным фигуркам.

На рассвете пальба утихла. Только время от времени где-нибудь трещал автомат или глухо плепалась мина. Весь перепачканный в глине, запыхавшийся связной роты передал мне приказ — немедленно явиться к командиру батальона.

Паренек с любопытством все осматривал, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. По всему было видно, что он чему-то очень радуется.

— Ты что это такой довольный, будто войну выиграл? — спросил я.

— Да мы уж думали, что вам конец пришел. Поручник Дросик матерился и сам стрелял из «максима» по тому берегу. Командир батальона не отходил от телефона, интересуясь обстановкой. Ребята готовились уже к рукопашной, чтобы прийти на помощь, если немцы ворвутся на ваши позиции... Вот обрадуются, что все вы живы.

Я отправил раненых на перевязочный пункт и ходом сообщения поднялся на высоту. Когда проходил мимо позиций тяжелых ротных пулеметов, расположенных на откосе, ко мне подбежал один из наводчиков и воскликнул:

— Вы живы, пан поручник? — Лицо его расплылось в широкой улыбке. — А как остальные? Немцы что, за «языком» шли?

— Шли, но не дошли. А у нас все в порядке. Все здоровы, велели вам кланяться, поблагодарить за помощь, — ответил я, тоже улыбаясь.

— Э, толку от нашей помощи было мало. Зона обстрела отсюда довольно ограниченная, ниже не возьмешь. Вот и приходилось стрелять по бункерам... А это что такое? — показал он на мое плечо. Я покосился. Сорванный пулей пагон держался только на пуговице, сукно было порвано, а из дыры торчала вата.

— О, черт возьми! Испортили мне шинель, даже не заметил, — искренне огорчился я.

— Шинель — это ерунда, можно зашить... Главное — живы! Вы знаете, пан поручник, когда ударили ваши пулеметы, мы даже удивились. Вы ведь никогда не стреляли. А потом, когда увидели красные ракеты, услышали автоматы и грохот ручных гранат, сразу поняли, что идет бой не на жизнь, а на смерть.

— Они подобрались слишком близко, вот и пришлось пошуметь.

— Я, пан поручник, ребятам сразу заявил: пулеметы — это еще полбеды, а уж раз автоматы и ручные гранаты в ход пошли, значит, дела у них неважные. Верно, ребята? — И он окинул взглядом солдат, которые сбежались сюда, привлеченные разговором, и смотрели на меня во все глаза, будто видели впервые. Им уже было знакомо короткое попискивание пропосившихся над головой пуль. За эти несколько ночей они уже побывали под яростным обстрелом немцев, похоронили некоторых боевых товари-

щей. Однако человек с передовой, где наши бойцы чуть ли не врукопашную сражались ночью с немецким десантом, казался им каким-то особенным, хотя и знакомым по многим месяцам совместной жизни. Они детально интересовались ходом событий.

— Так они что, вплавь пытались? — спросил кто-то взволнованным голосом.

— Нет, подплыли на понтонах, по течению, и хотели, видимо, скрытно вдоль берега подойти к нам и застигнуть врасплох. Зайковский обнаружил их и дал очередь из пулемета, а Воцянец отрезал им путь вдоль берега. Часть гребцов удалось сразу же вывести из строя, а сильное течение понесло понтоны вниз, мимо наших позиций. Тут мы и остальных накрыли.

— И что, всех перебили? Да, здорово ребита поработали... Известно, первый взвод! — доброжелательно улыбнулся наводчик. — А я вел все время огонь по бункерам, а потом, когда артиллерия подожгла их штаб, переключился на тех, кто решил поиграть в пожарных. Ну так что, закурим по этому случаю, нам поручник?

— Закурим, только у меня табак кончился.

— У меня есть! — радостно воскликнул он и, вынув жестяную коробочку, разломил пополам единственную сигарету. Я с наслаждением затянулся.

Когда я уходил, наводчик крикнул мне вслед:

— Ну и задали мы им перцу, верно, нам поручник?

— Верно, браток, — согласился я.

В дверях землянки стоял Дросик. Его серьезное, изборозженное морщинками лицо озаряла улыбка. Юрек с радостным криком выскочил мне навстречу. Солнце поднималось все выше. На траве поблескивали капли дождя. Пахло хвоей. Кругом царила тишина, нарушаемая лишь звонкой песней жаворонков. Я широко раскинул руки и громко рассмеялся.

НАСТУПЛЕНИЕ

В этот день после обеда я получил приказ — подготовиться к передаче своих позиций. С некоторым сожалением смотрел я на траншеи, которые предстояло покинуть. Здесь мы столько пережили и получили первое

боевое крещение. Ребята хотя и радовались, что идут отдыхать, но добродушно ворчали:

— Столько времени просидели здесь, защищали их от пемцев, а теперь придет какой-нибудь взвод да еще и сдаст их...

Вместо взвода на смену нам пришла целая рота из другого полка. Незнакомые усатые бойцы понатыкали повсюду свои станковые пулеметы, так что места для ручных пулеметов практически не осталось. Новички сидели, тесно прижавшись друг к другу, и испуганно разглядывали блиндажи и моих молодцов. Вновь прибывшие заполопили все траншеи и сразу внесли какую-то атмосферу беспокойства. Мои ребята терялись в догадках, что бы означало это усиленное подкрепление. Скверчинский объяснял все по-своему:

— Наш взвод стоит целой роты, если не больше. Поэтому нечему удивляться!.. А они к тому же с третьей линии обороны, еще не нюхали пороху.

— Ты молчи! — ошетишил усы Побяжиц. — Мы из-за тебя не только пороху панюхались, но и еще кое-чего.

— Ну что вы, товарищ командир! Я просто в это время в сторонку на минутку отлучился. И вдруг слышу: пулемет Зайковского застрочил. Не успел я штаны застегнуть, как Воцяньца ранило и мне пришлось самому стрелять... Но какое это имеет отношение к делу? Раз прислали роту, значит, другого такого боевого взвода, как наш, во всей дивизии не нашлось.

Я тоже был удивлен решением штаба, а командир смеллившей нас роты не мог ничего толком объяснить. Лишь когда стало известно о том, что весь наш полк отводят в тыл, я понял: готовится наступление. Происходила, по-видимому, перегруппировка частей перед наступлением.

На рассвете мы были уже в лесу за третьей линией траншей, где разместился весь наш батальон. Приказ был коротким — отдыхать. В любой армии его не надо разъяснять. Четверо суток, проведенных на передовой, без сна, в постоянном нервном напряжении, давали о себе знать. Теперь бойцы ходили во весь рост и даже удивлялись, что пад их головами не свистят пули. Ребята навестили друзей из других взводов и драли во все горло, наверстывая дни, когда приходилось говорить шепотом. Однако радостное ощущение свободы после напряженной окопной жизни довольно быстро рассеялось. Только теперь мы во всей полноте ощутили, как устали. И хотя по утрам иней уже

покрывал землю, бойцы парубили еловых веток, положили вещмешки под головы, завернулись в шинели, накрылись с головой плащ-палаткой и уснули, как у себя дома на печи. Я тоже проспал всю ночь как убитый и встал вместе с другими лишь около полудня. Настроение во взводе было исключительное. Брачковский гадал ребятам по руке, болтая им невесть что, а весь взвод покатывался со смеху. Побяжин прервал даже бритье и вытирал мокрые от слез глаза. Скверчинский, увидев меня, лихо щелкнул каблуками.

— Ну и выспался же я, пап поручник, как у себя дома на пасху.

Этот двадцатидвухлетний паренек был родом из захолустной лесной деревушки и считал, что нет в мире ничего более прекрасного, чем его село, где остались дом и жена. Он не мог себе представить, что где-то существует более плодородная земля, чем его песчаные морги под Тарнувом. И теперь он мысленно возвращался домой, строя при этом всевозможные заманчивые планы.

— Как только, пап поручник, разобьем немцев и я вернусь домой, сразу же заколю поросенка, нагоню самогону, ну, скажем, литров десять... нет, двадцать, — добавил он, немного подумав, — и приглашу к себе весь взвод. Ешьте, пейте, ребята, сколько душе угодно!

— Прежде чем пригласишь нас на этот пир, возьми термос и сбегай за обедом для отделения, — предложил Побяжин. — А твоего поросенка мы можем съесть и после войны. Самогон, хоть это и барахло, тоже выпьем. Почему бы и нет? Так что не беспокойся, сынок!

Во время обеда поступил приказ — батальону собраться на лесной вырубке. Подразделения подходили в полном боевом спаржении. Первой, как всегда, прибыла наиболее вышколенная стрелковая рота поручника Магдзяка. Сразу же после нее появилась наша. Мы выстроились, оставив место для второй стрелковой роты. Пулеметчики поручника Александровича притащили свои «максимы» и, развернув их в ряд, высокомерно поглядывали на нас, чувствуя себя теми, кто «прикрывает и поддерживает пехоту, а одним пулеметом может отразить атаку целого неприятельского батальона». Минометчики притащились, навьюченные, как верблюды, стволами, треногами и плитами своих минометов, для которых не существовало мертвого пространства. Над ротой противотанковых ружей,

как двухметровые колья, торчали тонкие стволы, заканчивавшиеся сверху прямоугольниками глушителей. Позади короткой шеренги стоявших в два ряда артиллеристов виднелись добродушные лошадиные морды. Время от времени они исчезали: это избалованные лошадежки засовывали свои головы под мышки солдатам, чтобы вытащить у них хлеб из карманов. Построившиеся подразделения были развернуты фронтом к замаскированным в соснах танкам. Белые орлы на башнях машин просвечивались сквозь ветки маскировки. Танкисты в темно-синих комбинезонах и черных племах с наушниками суеились возле своих машин, делая вид, будто что-то мастерят, и отпускали недвусмысленные шутки в наш адрес, раздражаясь громким смехом. Один из них, забравшись на танк, скакал как заяц, показывая жестами отвислые уши и дергающийся хвост, то есть изображал пехотинца, что вызвало восторженный рев у остальных танкистов. Мы тоже смеялись, поскольку считали этот шутливый антагонизм неизбежным элементом совместной жизни представителей различных родов войск.

Только Юрек, сердито попыхивая сигаретой, грубо огрызнулся в ответ, а когда я многозначительно толкнул его в бок, он заметил, пожав плечами:

— И что эти катафальщики валяют дурака? В Люблине измывались над нами и теперь что-то из себя строят!

— Танки с фронта! Истребителям приготовить гранаты! — рассмеялся я, подав учебную команду.

— Им-то хорошо, а тут сидишь в окопе, как глиста, а гусеницы этого чудища ползут над твоей головой. Для четыре потом приходится песок из головы и бог знает еще откуда вытряхивать! А они, черт побери!..

— Меня всегда охватывает какое-то удивительное чувство, когда тридцать пять тонн железа наваливаются на твой окоп. Мы еще в Варшаве имели удовольствие испытать это на себе. А на этих не обращай внимания! Подожди, скоро им будет не до смеха. Как только их катафалки увязнут в болоте или песке, сразу же обратятся за помощью. Вот тогда на них и отыграешься...

— Да ну их! — махнул рукой Юрек. — Пропади они пропадом! Я думаю, куда нас теперь запихнут? Если опять в такие же вонючие окопы, как на откосе, то, вы меня извините, я вряд ли больше выдержу... И что это все хохочут? — окинул он взглядом веселые лица солдат.

— Смейся и ты! Люди радуются, что живы, что светит солнышко...

— Не валяй дурака! — раздавив ногой окурок, тихо проговорил Крепцкий. — Вгляни! Они смеются, а морды у всех перекошены и глаза, как у лунатиков... Хи-хи, а на душе?.. — Он не докончил фразы и, махнув рукой, обратился с каким-то вопросом к Жарчиньскому, стоявшему рядом с нами на правом флапге роты.

Испортит мне все настроение, черт возьми! Ясно, что у каждого нелегко на душе. Однако мы уже привыкли к этому. Говорят, бывают люди, которые любят все пересаливать. В партизанах за такую болтовню ребята устроили бы Юреку «темную».

Я и без Крепцкого понимал, что в веселом настроении бойцов, их смехе, беззаботных на первый взгляд разговорах офицеров чувствовалось какое-то напряжение, ожидание чего-то. Это был верный признак надвигающихся серьезных событий.

Стоявший справа от меня Дросик слегка толкнул меня локтем и сказал:

— У меня такое чувство, что сегодня ночью начнется наступление. Что-то у всех чересчур праздничное настроение.

— Ты так думаешь? — спросил я.

— А как, по-твоему? Ведь неспроста же во всей армии провели перегруппировку сил? Наш полк отвели на отдых. Наверное, нас перебросят на другой участок.

Я покосился на него. Он стоял, слегка наклонив голову, с озабоченным выражением лица. Седеющие пряди волос выбивались из-под глубоко надвинутой фуражки. Я вспомнил его жену, пожилую деревенскую женщину с тихим голосом. Накануне нашего выступления из Варшавы она приехала вечером попрощаться с мужем. Когда Дросик вышел на минутку из канцелярии, женщина обратилась ко мне:

— Когда он уходил в лес, я ему ничего не говорила. А теперь он идет на фронт... Что поделаешь? Надо. Иначе кто же будет защищать родной дом? Я не плачу, не жалуюсь, но у нас трое детей... Вы — его друг еще с партизанских времен. Присмотрите за Франеком там, на фронте. Ведь он — горячая голова...

Вспомнив ее слова, я смутился и еще раз мельком взглянул на своего командира.

— Франек, — сказал вдруг я, теребя ремешок бинокля, — если перейдем в наступление, не забывай, что ты командуешь ротой, и не лезь впереди всех.

— Что это вдруг пришло тебе в голову? — фыркнул он себе под нос.

— Не сердись, но, видишь ли, ты частенько любишь палить из «максима» или охотиться па фрицев с автоматом. Никак не можешь еще избавиться от партизанских методов, любишь делать все сам. А здесь — фронт, у тебя — рота, и ты отвечаешь за многих людей.

— Тоже мне, яйца курицу учат. Значит, если я — командир роты, то мне самому и стрелять нельзя?

— Можно, можно, только помни: для подобного рода штучек у тебя есть прежде всего я.

— Хорошо, хорошо... Смотри-ка, собственной грудью готов закрыть меня, герой! Знаю. Это жепа тебе всяких глупостей в Варшаве наговорила. — Он искоса взглянул на меня и дружески улыбнулся.

В это время подошли командир батальона и советский капитан. Комбат выслушал рапорт о численном составе роты и внимательным взглядом окинул построившиеся подразделения. Советский капитан рассказал нам о принципах взаимодействия танков с пехотой, о современной тактике гитлеровских танковых соединений. Мы слушали его с должным уважением. Но он явно чего-то не договаривал. Все знали, что будет наступление, но когда? Над этим вопросом каждый ломал себе голову. Когда капитан закончил, появился поручник-сапер, который начал разъяснять нам порядок переправы на понтонах. Я сразу узнал его. Это был командир одной из отдельных саперных рот нашей армии. Я видел его до этого в лесу, где он организовал из подручных средств настоящую фабрику по изготовлению лодок и плотов. Саперы рубили деревья, распиливали бревна на доски, стучали с утра до вечера. Располагавшиеся поблизости подразделения проклинали их на чем свет стоит. Только какой-нибудь стрелковый взвод выкопает себе землянки или оборудует блиндажи, замаскирует их дерном и ветками, а то и посеет даже травку в раскопанную землю, как вдруг появляются саперы, вырубают растущие рядом сосны, расставляют свои «козлы», сорят везде белыми стружками, и вся маскировка расположения пехоты летит ко всем чертям. А на эти стружки, как ночные бабочки на свет, слетались «мессершмитты».

Вынырнут неожиданно из какого-нибудь облачка и со страшным воем пикируют вниз. Прошитые пулями, стружки разлетаются во все стороны. Саперы с криком удирают в близлежащий лес, а пехотинцы, бросив свои пожитки, хватают противотанковые ружья и ручные пулеметы — все, что оказывается под рукой, — и, крича еще громче, отражают воздушный налет противника. После налета пехотинцы заставляют саперов убирать территорию от мусора. Вечером, когда начинала свой «концерт» первая линия обороны, между пехотой и саперами наступало примирение. Поручник садился тогда с гармошкой в руках на какой-нибудь пенек и наигрывал грустные сибирские мелодии или задорные краковяки. Возвращаясь однажды вечером из расположения батальона, я увидел его в окружении пехотинцев, которые выделяли под сложную музыку какие-то выкрутасы.

Помню, один из офицеров назвал поручника Людвиком. И вот этот Людвик стоял сейчас перед построившимся батальоном и рассказывал о порядке предстоящей переправы через Нейсе.

— Вот видишь, — прошептал с удовлетворением Дросик. — Что я говорил? Последние напутствия. Если ничего не произойдет, ночью двинемся...

Его слова вскоре подтвердились. Час спустя мы получили приказ о наступлении. В соответствии с установкой командования мой первый взвод был выделен из состава роты в отдельный разведывательный дозор и усилен пулеметным отделением под командованием Жарчиньского, отделениями противотанковых ружей и гранатометов и отделением саперов с миноискателем. Я ознакомил ребят с поставленной перед нами задачей — форсировать на рассвете реку и прорвать гитлеровскую оборону. Бойцы внимательно выслушали меня, то и дело поглядывая на мощные туши бронемашин, которые должны были поддерживать нас в ходе наступления, и начали спокойно приводить в порядок оружие и снаряжение.

В сумерках ко мне пришел поручник Ришард Шудравский — заместитель командира нашего батальона. Он был невысокого роста, худощавый, с детским выражением лица. Для меня это явилось некоторой неожиданностью, а он как ни в чем не бывало угостил меня сигаретой и завел разговор об актуальных делах батальона. Надо сказать, что после женитьбы поручника Тымицкого Ришард

всячески избегал меня. Дело в том, что от имени офицеров батальона он одолжил тогда у меня девятьсот золотых па свадебный букет цветов для пачальника. Девятьсот золотых — это среднее месячное жалование младших офицеров. Практически его хватало только на пару обедов в ресторане или на несколько пачек сигарет, поэтому уже через несколько дней после получения денежного содержания ни у кого из офицеров в кармане не было ни гроша. И я стал жертвой, поскольку перед самым отправлением на фронт предусмотрительно продал доставшиеся мне от отца часы. Итак, я одолжил Шудравскому деньги, считая, что с пачальством падо жить в согласии. Офицеры обещали в ближайшую же зарплату сложиться и вернуть мне его долг, однако, получив жалование, никто из них, разумеется, об этом даже и не подумал. С тех пор я имел все основания обижаться на Ришарда. Однако он смотрел на меня невинным взглядом, пуская колечки дыма из сигареты, и дружески болтал о предстоящем форсировании Нейсе. В бою под Лепино он узнал, что такое наступление в сочетании с форсированием реки. Я тоже немного разбирался в этом. До пачала наступления оставалось несколько часов... Девятьсот золотых! Боже мой, как только я мог думать тогда о таких глупостях?..

Поздним вечером мы заняли исходный рубеж. Тесными трапшеями второй линии обороны пробирались влево: Толчея невообразимая! Окопы были забиты солдатами. Двое с трудом могли разминуться в узком проходе. В довершение всего каждый из нас был навьючен сверху до низу всевозможным снаряжением. Автоматные диски, полевая сумка, пистолет, ракетницы, бипокль, противогаз и, наконец, автомат в руке и гранаты в кармане. Все это давило своей тяжестью и, самое неприятное, сковывало движения. Рядовым было еще хуже, ибо, помимо оружия, им приходилось таскать с собой вещмешки, нагруженные запасными боеприпасами и противотанковыми гранатами. Некоторые бойцы ворчали: мол, боеприпасы нам всегда подбросят. Однако я придерживался другого мнения. Я знал, что, прорвав немецкую оборону, взвод, являясь отдельным разведывательным дозором, будет стремиться самостоятельно продвигаться как можно дальше. А что нас там ожидает, трудно сказать. В такой ситуации боеприпасы — это жизнь.

Немцы уже заметили движение па наших позициях.

Тяжелые мины оглушительно рвались вблизи наших окопов. Пришлось поторопить бойцов. Наконец мы достигли леса и по временному мосточку, перекинутому через заливчик, перебежали на полуостров, с которого нам предстояло идти в атаку. За мостом при свете ракет я увидел Людвика. Его саперы волокли из лесу длинные узкие лодки. Укрываясь за деревьями и кустами, они тащили их к берегу реки. На этих лодках нам предстояло форсировать Нейсе. А тем временем по неглубокому ходу сообщения мы пробрались на опушку редкого лесочка к передовым окопам, вырытым для нас. Мне достался неглубокий, тесный, не обшитый досками окоп, который стал еще мельче от взрывов грапат, обрушивших его стенки. Видимо, саперы работали здесь в спешке, под огнем. Я наметил секторы для своих отделений и поддерживавших нас подразделений. Владек Жарчипьский сразу же взялся углублять пулеметные гнезда. Автоматчикам этого не требовалось. Ребята улеглись на дне траншеи, оставив место для саперов, которые вскоре, уставшие и исцарапанные, прыгнули в окоп. Остальные взводы разместились в глубине лесочка. Здесь сосредоточилось, по-видимому, очень много людей и техпнки, поскольку весь полуостров будто пришел в движение. Несмотря на приказ соблюдать тишину, слышались обрывки команд и позвякивание снаряжения. К счастью, наши минометы открыли огонь по первой линии обороны противника, приглушив тем самым проводившееся под посом у немцев сосредоточение войск.

Я выбрал себе наблюдательный пункт и с интересом рассматривал противоположащую местность. Окопы находились на краю леса. Перед нами — несколько десятков метров пологого открытого берега и вода. Нейсе в этом месте казалась более узкой, чем в районе котловины, но течение здесь, видимо, было более сильным, поскольку река пенилась, бурлила и с шумом неслась по прибрежным камням. Огонь минометов стих. Только на той стороне вспыхивали ракеты, бледные на фоне яркой луны. Я отчетливо видел очертания немецких окопов и облегченно вздохнул, не обнаружив бетонных бункеров. Вскоре откуда-то из глубины полуострова появился Дросик. Он расспросил о чем-то бойцов, а через минуту спустился ко мне в окоп и без лишних слов начал еще раз излагать порядок форсирования реки:

— Итак, на рассвете начнется артподготовка. Как только огонь прекратится, бегите к берегу. Там вас уже будут ждать саперы с лодками. Помни, ты идешь в авангарде первого эшелона...

— Ну что ж, немалая честь, — усмехнулся я. — А если немцы разобьют лодки, что делать?

— Переправитесь, держась за трос. Доставить вас на тот берег — это дело саперов. За это отвечает поручик, который выступал сегодня перед вами. Он должен быть где-то здесь.

— Да вы сидит и о чем-то размышляет.

— Пусть себе размышляет! — Дросик поднялся и показал рукой в сторону противника. — Отсюда до реки каких-нибудь сорок метров, видишь? Будь осторожен, потому что местность здесь открытая, песочек, черт побери, как на пляже. Ты должен одним махом проскочить это пространство, а когда окажешься на том берегу, сразу же залезай в их окопы. Не успеешь — пропал!

— Хорошо, только сразу же двинь вслед за вами остальные взводы. Мы побежим дальше, а они пусть очищают захваченные позиции от немцев, чтобы те не ударили нам в спину.

— Ясно. Следи, чтобы они не отрезали вас, ну и не меняй направления атаки. У них окопы — это настоящий лабиринт.

— Не бойся, не пропаду. Да, скажи мне, что там слева, за этими кустами? — кивнул я в сторону перелеска возле реки.

— Там?.. — Дросик высунулся из окопа, всматриваясь в озаряемые редкими ракетами, прозрачные от лунного света ночные сумерки. — Небольшая лужайка, а скорее, болото. Никем не занятый участок.

— Это хорошо. Если мне поставят здесь заградительный огонь, я переправлюсь под прикрытием этих кустов.

— Это уж твое дело и дело саперов. Договорись с ними. У тебя есть еще ко мне вопросы? Нет? Ну, тогда держись, старик! — протянул он мне на прощание руку. — Ребята могут еще немного поспать.

— Пока!

Только ушел Дросик, как я увидел, что ко мне направляется, перешагивая спящих в окопе солдат, Людвик. Он был чем-то взволнован.

— У тебя найдется огонек? — спросил он, неожиданно обращаясь ко мне на «ты».

Я молча подал ему спички. Он присел, накрыл голову плащ-палаткой и закурил, пробормотав себе что-то под нос.

— Ты что там ворчишь? — спросил я непринужденным тоном. Хотя Людвик был старше меня по званию, он воспринял это как нормальное явление и уже членораздельно ответил:

— Я все думаю о лодках. Как бы эти сволочи не пащупали их и не накрыли. Тогда придется переправляться на животах.

— А где ты их спрятал? Твои саперы подтащили их, паверное, к самой Шпрее.

— Не смейся!.. Это отличные ребята. А лодки — вон там! — Людвик встал и показал рукой на перелесок возле болотистой лужайки.

Я посмотрел в том же направлении, но ничего подозрительного в кустах не заметил.

— Хорошо замаскировали. Сам черт не догадается. А где ты собираешься спустить на воду эти лоханы?

— Вон там, — Людвик показал прямо перед собой. — Берег здесь твердый, да и подходы хорошие...

— Для тебя хорошие, а для меня, пожалуй, не очень. Здесь мы у немцев как на ладони.

— Нас прикроет дымовая завеса. Должны успеть, пока немцы не опомнятся и не обнаружат нас.

— А если не успеем? Может, стоит подумать на всякий случай о другом месте? — показал я на перелесок.

— Там, где спрятаны лодки? Хм... Подступы здесь как будто бы лучше, да и течение слабее, но на берегу болото, можно утопуть, прежде чем доберешься до реки... Впрочем, посмотрим, как будут развиваться события.

Он умолк, уселся и, казалось, задремал. Только вспыхивающий время от времени огонек зажатой в руке сигареты говорил о том, что он не спит.

Связной выкопал небольшую нишу. Я уселся в нее, потянул на голову капюшон плащ-палатки и, прикрыв затвор автомата, чтобы в него не попал песок, попытался вздремнуть. Однако уснуть никак не смог. Ночь стояла тихая, не очень холодная. Но сон не приходил... Нервы были напряжены до предела, тревожное ожидание будоражило мысли. До чего же неприятна почва перед боем! Вроде бы все вокруг спокойно, тишина и нет особых при-

чип для волнений, поскольку до утра еще долго. Однако мысли о предстоящем бое уже сейчас заглушают все остальные... Неужели все ночи перед боем такие же тихие, лунные, с таким закатом? О таких ночах писали Сенкевич и Струг. Такой она была, говорят, накануне битвы под Ленино, и такой, черт побери, будто ее перенесли из какого-то военного рассказа, она стоит теперь.

Солдаты тоже не спали и разговаривали приглушенными голосами. Они вспоминали мирную жизнь, женитьбу. Смеялись первыми, коротким смехом. О наступлении никто не говорил ни слова. Высупувшийся из окопа наблюдатель взвода то и дело поворачивал к ним голову и шикал, будто шепот товарищей мешал ему следить за возможными передвижениями противника.

Время тянулось мучительно долго. Начало холодать. Бойцы постепенно умолкли, задремали. Кто-то из саперов громко храпел. Людвик продолжал дымить сигаретой. Я сосчитал до ста, пытаюсь уснуть.

Первый залп разорвал тишину, подобно грохоту надвигающейся бури. Я сразу же очнулся и машинально взглянул на часы. Голубые стрелки показывали шесть пятнадцать. Началось. Туман окутывал окопы. От утреннего холода и от мысли, что уже «началось», у меня по спине забегали мурашки. Залпы гремели все чаще, сливаясь в один протяжный грохот. Снаряды выли и стопали. Казалось, будто не меньше десятка трамваев затормозили одновременно.

Солдаты проснулись, подталкивая друг друга.

— Началось! Артиллерия заговорила! — пробежал шепот по оживившейся траншее. Бойцы свертывали плащ-палатки, улыбались друг другу нервной кривой усмешкой, обменивались какими-то репликами. Немецкие позиции потонули в дыму и огне. Темные столбы земли взметались ввысь. Серая тяжелая гарь сгоревшего тола потянулась на нашу сторону. Стало трудно дышать. Многие закашлялись. У некоторых началась рвота. Кое-кто вытащил противогазы, но, взглянув на остальных, засунул их обратно в сумку.

Орудия били не умолкая. От непрерывного грохота раскалывалась голова. Спустя час я увидел, что разрывы снарядов на неприятельском берегу переместились в тыл, и подал условный сигнал Жарчиньскому. Тот жестами показывал своим пулеметчикам цели. «Максимы» тотчас же

открыли огонь. Потрепанные нашей артиллерией передовые немецкие позиции неожиданно ответили сильным пулеметным и минометным огнем. Мины одна за другой падали в лесочек позади нас. И вдруг пронзительный скрежет разрезал воздух. Ракетные снаряды вырвали неподалеку от нас деревья. Между разрывами, будто выброшенный взрывной волной, неожиданно появился командир семидесятишестимиллиметровых полковых пушек. Он был без шинели, с биноклем в руке. Оборачиваясь, он кричал что-то, показывая рукой на наш окоп. Сквозь черные клубы пыли, огибая деревья и воронки от снарядов, быстро катили орудия запыхавшиеся, все в грязи артиллеристы. Они перетаскивали их на руках через траншею и устанавливали на бруствере. Подносчики с пылающими от волнения лицами тут же подбегали с ящиками снарядов. Общий грохот заглушал слова команды. Слышался лишь крик поручника:

— За Варшаву! Огоны!

Стволы орудий рывком откатывались назад, сошники рыли землю.

— Огопы! Огопы! — раз за разом взмахнул рукой командир батареи. Пулеметы противника умолкли. Ветер медленно рассеивал дым. Становилось светлее. Немцы теперь заметили наши орудия, стоявшие на бруствере траншеи. Трассирующие пули сбоку указали минометам цель. Мины, нащупывая батарею, шлепались в перелеске на болотистой лужайке, срывали с саперного снаряжения зеленую листву маскировки. В иссеченных осколками кустах белели лодки. После каждого взрыва Людвик нервно сжимал челюсти. Он стоял, высунувшись из окопа, с неизменной сигаретой во рту.

Орудия на бруствере непрерывно звонко грохотали. Перепрыгивая через головы находившихся в траншее автоматчиков, взад и вперед сновали подносчики снарядов. Один из них, молодой паренек, только выбежал из-за деревьев, словно дрова, неся на согнутых руках снаряды, как его поразил какой-то осколок. Паренек упал вниз лицом, широко раскинув руки, будто пытаясь собрать рассыпавшиеся блестящие «поленья».

Снаряды один за другим обрушивались на фланг траншеи. Свистели осколки, чад сгоревшего тола щекотал ноздри. В окопе закричал какой-то раненый. К нему побежал ротный санитар Липка. Обернувшись, я увидел широко

раскрытые глаза Скверчиньского. Побяжили, пощипывая усы, махнул мне рукой: мол, все в порядке. Снова донесся пронзительный скрежет и свист. От непрерывного грохота раскалывалась голова. Неожиданно взрывной волной меня бросило к противоположной стене окопа. На минуту у меня перехватило дыхание. Оттолкнувшись руками, одним махом возвращаюсь на прежнее место. Людвик, стряхнув с головы песок, прокричал что-то, указывая на бруствер. Я бросил взгляд в сторону батареи. Там — тишина. Артиллеристы лежали в самых разных позах. Один из них стоял на коленях, опершись рукой на раскрытый замок. Находившиеся на бруствере орудия отчетливо вырисовывались на фоне сверкающего зарницами неба. Молчаливые, черные и страшные, а вокруг — тела погибших артиллеристов. Дым окутал окопы, откуда доносились стоны раненых. Пулеметы патруженно хрипели и выплевывали из глушителей языки пламени. Снова догосся рев и вой немецких ракетных минометов. Воздух наполнился скрежетом, в траншее хлопали взрывы. Разместившиеся поблизости от меня пулеметы неожиданно умолкли. Перепрыгивая через раненых и убитых, я побежал туда. За первым же изгибом траншеи увидел бледного, как полотно, Масловского. Он опирался о степку окопа и что-то с усилием шептал.

— Сержант, что с вами?

— Ранен, поручник... в грудь, осколком... Ой, задыхаюсь, черт возьми, помогите... — И он попытался снять вещмешок.

— Сапитар! Сапитар! — крикнул я, расстегивая ему шинель. Тотчас же появился Липка. Руки его до самых локтей были перепачканы кровью.

— Водеянец убит... Шестеро ранены, но все время поступают новые. Немцы нащупали наши пулеметы! — выпалил он одним духом и, обрезав ножом лямки у вещмешка Масловского, распахнул ему шинель на груди.

Я побежал дальше. Когда влетел в окоп Зайковского, то сразу увидел подносчика с разможепной головой. Поджав колени к подбородку, он будто спал, опершись локтем на сумку с запасными дисками. Зайковский лежал на разрушенном бруствере окопа. Одно плечо у него было раздроблено, а грудь разорвана осколками. Зубами и здоровой рукой он пытался вставить новый диск в пулемет. Я схватил его за пояс.

— Зайковский! Ты ранен! Отправляйся на перевязочный пункт!

Зайковский бросил на меня взгляд обезумевшего от боли человека. Кровь струилась у него изо рта и капала па затвор. Он с трудом пробормотал:

— Идут... Сдохну, но не пропущу!

Я взглянул на тот берег. Темные фигурки немцев вылезали из окопов и бежали куда-то в сторону. Я остолбенел. Контратака? Нет, они покидали разрушенные траншеи. Очередь, выпущенная Зайковским, привела меня в чувство. Справа в двух шагах от меня стоял, уткнувшись стволом в песок бруствера, «максим». Я подбежал к нему, но услышал чей-то стон. Когда наклонился, увидел Жарчиньского. Оглушенный, с отсутствующим выражением лица, он тряс головой и что-то бессвязно кричал. Возле пулемета лежали мертвые бойцы. Сбоку стрекотали автоматы, доносились громкие команды Побяжина и Середы. Их отделения непрерывно стреляли через реку. На том берегу все больше появлялось бегущих в панике фигурок. Я быстро оттащил труп наводчика и, схватившись за ручки «максима», проверил, вставлена ли лента, а затем навел ствол на разбитую нашей артиллерией липию обороны гитлеровцев. Отброшенная взрывом земля закрыла цель. Я вошел из стороны в сторону ствол пулемета.

— Пап поручник, подождите! — прошептал связной и выскочил па бруствер.

— Вернись, идиот! Подстрелят! — крикнул я.

— Сейчас, сейчас, только отгребу... — Он отбросил саперной лопаткой землю от ствола и спрыгнул в окоп. Целясь, я задел локтем лицо мертвого наводчика и почувствовал липкую, еще не застывшую кровь на ручках пулемета. А там, в ста метрах, были те, кто убил его... Убегают, уходят от нас безнаказанно!.. В этот момент я вдруг понял Зайковского. Меня охватила какая-то дикая жажда мести. Я ловил на мушку прыгающие фигурки и нажимал на гашетку. «Максим» строчил ровно, реагируя на малейшее движение руки, и плотной лентой пуль накрывал цель.

— Вот это да! Валятся как подкошенные! Еще, пап поручник, еще! — подбадривал меня связной и подпрыгивал от радости.

Я стиснул зубы. Пулемет в моих руках дрожал, как живое, разумное существо. Бил быстро, ровно, даже весело.

Артиллерийская канонада продолжалась изнурительно долго. Четыреста двадцать орудий без устали грохотали на двухкилометровой полосе нашей дивизии. Взрывы на той стороне вновь переместились немного в тыл противника.

— Приготовиться! Спускаю лодки! — крикнул мне Людвик, высунувшись из окопа и подняв вверх руку. — Саперы! К лодкам... бегом марш!..

И сразу несколько десятков бойцов побежали, пригнувшись, к спрятавшимся в перелеске на болотистой лужайке лодкам, моментально сбросили маскировку, завалили их на плечи и устремились к реке. Берег маячил в лавине разрывов. Людвик, обогнав бойцов, крикнул, махнув пистолетом в руке:

— Вперед! Вперед!

Саперы, ускорив бег, исчезли в огне... Мы видели, как взлетели во все стороны обломки лодок и на их бортах повисли изуродованные тела бойцов. Кровь, как смола, стекала по кускам светлого дерева. Оставшиеся в живых саперы уткнулись в землю, спасаясь от смертоносного града осколков. Только Людвик в распахнутой шинели и с непокрытой головой продолжал бежать среди взрывов. Вот он схватил за плечо капрала, припавшего в воронке от спряда к прикрывавшему переправу пулемету, и что-то крикнул ему в ухо. Тот потащил пулемет вперед. В это время ему в помощь подполз второй сапер. Третий боец мчался вдоль берега с мотком стального троса в руке. Вот поднялись еще несколько бойцов и под прикрытием перелеска побежали к берегу.

Наша артиллерия неожиданно смолкла. От наступившей тишины зазвенело в ушах. Потом послышалось тахтение пулеметов. Немецкие снаряды вновь один за другим начали рыть землю перед нами.

Сзади донесся раздраженный голос Дросника:

— Вальдемар, вперед! Вперед!.. Не давай им опомниться!

Бойцы с нервно напряженными и бледными лицами смотрели на меня, ожидая приказа. А впереди гудел огневой заслон из цепи взрывов, загораживая от нас реку и весь мир. Но мы должны, обязаны были форсировать Нейсе! Где? Вон там, под прикрытием кустарника на болотистой лужайке...

— Внимание! — Я поднял вверх автомат. — Первое отделение — направляющее! Побяжин! В те кусты и оттуда на берег! Отделения, перебежками марш!

В пескольных шагах от берега нас прижал к земле огонь минометов и пулеметов. Мы залегли на краю болотца. Мины падали сверху, как град, обдавая нас грязью. Мы сгребали ее руками перед собой, пряча головы за эти смехотворные укрытия, переползали в свежие, еще дышавшие огнем воронки от снарядов, которые быстро наполнялись водой. Сквозь грохот взрывов и свист осколков прорывался душераздирающий стон:

— Братцы, спасите!.. Братцы!..

На лужайке между нами и рекой лежал молоденький сапер. Шинель была порвана, брюки стали бордовыми от крови, култышки ног вывернуты...

— Братцы!.. О боже мой, братцы... Спасите... — протягивал он к нам свои мертвенно-бледные, выпачканные в грязь руки. Кто-то из ребят вскочил, побежал к нему, но вдруг споткнулся, упал и застыл неподвижно...

— Подожди, потерпи еще немного, сынок. Скоро тебя заберут санитары! — крикнул я ему.

Мы громко клянем фашистов, стараюсь не смотреть на умирающего сапера. Скверчинский вслух молился.

Сзади неожиданно близко и отчетливо раздался крик Дросика:

— Вальдемар! Ты почему залег, черт тебя побери? Проскочи через заградительный огонь и форсируй вплавь! Вперед! Вперед! Иначе получишь пулю в лоб! — отчаянно умолял он.

Я обернулся... Дросика не увидел, но в кустах позади нас едва различил распластавшиеся на земле фигурки притаившихся бойцов роты. Значит, Дросик успел уже подтянуть остальные взводы... Если через десять—пятнадцать минут мы не сумеем форсировать реку и подавить ближайшие пулеметы и минометы, то немцы всех нас перебьют.

«Форсируй вплавь!» Автоматчики, возможно, и сумеют, но поддерживающие нас подразделения со своим тяжелым снаряжением вряд ли... Не очень-то веселая перспектива для моих ребят! Здесь их всех до одного перебьют, там унесет течение, могут утонуть. Не закрою же я их собой от этих чертовых снарядов, не перенесу же через реку на руках! Перед нами — Нейсе. Быстрая, бурлящая от взрывов, неприступная... Но что это? Я увидел, как в брызгах

воды мелькнуло несколько конфедераток. Чьи-то руки дергали поблескивавший стальной трос. Это Людвик с саперами строили временную переправу. Я увидел и капрала с пулеметом. И тут огромный фонтан воды заслопил их от меня. Мелькнул подбитый гвоздями сапог, течение понесло с собой сапера. Вдруг где-то совсем рядом со мной раздался короткий свист и сильный грохот. Что-то ударило меня в спину чуть выше ремня. На минуту я оцепенел... Осколок, черт возьми! Почувствовал, как рубашка пропитывается кровью. Стряхнул с себя грязь и услышал голос связаного:

— В полевую сумку попал... Вои такая дыра, бумаги порвало.

Протяжный крик заглушает его слова:

— Ноги оторвало!.. О боже мой, мои ноги...— Это был Скверчинский. Он приподнялся на локтях, открыл рот и смотрел обезумевшими от страха или боли глазами. При этом то и дело дергал «оторванными» ногами. Он лежал в соседней воронке головой вниз, зад его торчал вверх. Видимо, осколок попал ему в ягодицу, поскольку шинель была порвана именно в этом месте, и Скверчинский на минуту перестал ощущать свои ноги.

— Передай пулемет командиру отделения и ползи на перевязочный пункт! — громко крикнул я ему.

Скверчинский сбросил с себя сумки с дисками, вскочил и побежал пискось по простреливаемой пулями лужайке. Где-то неподалеку от него разорвался снаряд, но Скверчинский поднялся и помчался дальше, к траншее.

Стоявший возле прибрежной ольхи сапер махнул нетерпеливо рукой. На той стороне, прямо из воды, загрохотал пулемет капрала. Людвик забил сваю и закрепил трос.

— Внимание! — крикнул он вдоль цепи. — Пулеметы, огонь! Первое отделение, начинай форсирование!

Побяжин мгновенно поднял своих бойцов. Они побежали перебежками. Падали, залегали. Перед ними вздымались фонтаны грязи, степа огня... Грохот... Свист... Истинный ад! Бойцы прижимались к земле, пряча головы за кочками травы...

— Второе отделение... вперед! — крикнул я.

Капрал Середа схватил ручной пулемет Скверчинского и щелкнул затвором.

— Второе отделение, вперед!

Ребята неуверенно подползли к нему, по несколько человек втиснулись в одну воронку. Боялись подняться.

Связной дрожал, прижавшись к моим ногам. Бойцы из первого отделения пятились назад как раки. Побяжип прохрипел у меня над ухом:

— Перебьют всех, папаша!.. Не пройдем!..

От жалобного стога умирающего сапера таяла солдатская отвага:

— Братцы... пристрелите меня... О боже мой!.. Братцы, пристрелите!..

Лица моих бойцов позеленели. Полные отчаяния, умоляющие глаза смотрели на меня будто с упреком: «Так делай же что-нибудь, спасай нас!..»

О боже мой! Полжизни не жалко, лишь бы не быть сейчас командиром. Но ведь ребята сами не пойдут вперед. Они сбились в небольшие кучки, словно искали себе товарищей по смерти. Некоторые жались ко мне, а связной даже засунул голову под мою плащ-палатку. Я вспомнил партизанскую поговорку: «Эх, раз родыла маты, раз треба помираты...» И вдруг сбросил с плеч плащ-палатку, вскочил и не узнал собственного голоса:

— За мной, ребята!

— За мной!.. За мной!.. — как эхо, раздались крики командиров отделений, потонув в грохоте гранат.

Я бежал, перепрыгивая воронки, по кочкам, проваливаясь в болото, и наугад стрелял в дымовую завесу на противоположном берегу. Услышал голос Жарчиньского, подававшего какие-то команды, тарахтение его «максимов» и грохот поддерживавших нас минометов. До берега оставалось рукой подать. Сапер, прижавшийся к земле под ольхой, кричал что-то, показывая па трос... Я наконец обернулся. Молодцы, ребята! Поднялись! Мы надвигались па врага, как ураган, изрыгая огонь автоматов. Позади меня бежали Середа с ручным пулеметом и связной с гранатой. Вот мы в воде. Хватаем руками трос. Сильное течение валит с ног, обвивает вокруг тела шинель. Холодная вода, вся в пузырьках от пуль, доходит до самых плеч. Тяжелая, ледяная волна накрыла меня с головой. Вода проникла за воротник. Ребята передвигались гуськом. Только головы и руки торчали над тросом...

— Быстрее, быстрее! — помахал я им автоматом. Немецкий берег, едва видный в дымовой завесе, то и дело озарялся взрывами. Это расположенные на склоне высоты танки вели огонь прямой наводкой, поддерживая пехоту. Осталось двадцать метров, десять... Сзади кто-то вскрик-

пул. Дрогнул трос. Еще раз. Снова слышался чей-то топ. Потом бульканье... Раненых уносило течением. «Быстрее, быстрее!..» Под ногами скользили камни. Плывающие трупы тех, кто форсировал реку выше, будто хватают тебя за ноги. Тина тоже мешает двигаться, тащит назад...

На берегу наполовину в воде лежал Людвик и тяжестью своего тела придавливал сваю с закрепленным тросом. В окровавленной, вытянутой вперед руке он держал пистолет. Рядом на пустых пулеметных лентах лежал каирал. Лицо его было перекошено в смертельной гримасе. Возле него валялся пулемет. Его раскаленный кожух еще дымился.

Тяжело дыша и выплевывая изо рта воду, бойцы вылезали на берег и прятались за малейшим укрытием. Я взглядом пересчитал их... Боже мой, как мало!

— В цепь! Гранаты к бою! Вперед! Вперед! — Мы побожали широким шагом. С шипелей стекала вода. Они давили на плечи, будто свипцовые, сковывая движения. Колючая проволока цеплялась за полы, путалась в ногах, в глазах мелькал огонь пулеметов.

— Гранатами их, ребята! Вперед! На штурм!

Грохот взрывов заглушил трескотню пулеметов. Протяжное «ура!» глухо отдалось в ушах. Бесперывно стучали автоматы. С криком, не слыша собственных голосов, мы ворвались в немецкие окопы.

Повсюду валялись изуродованные трупы гитлеровцев. Спрятавшиеся в нишах раненые неуклюже поднимали руки, умоляя взглядом пощадить их. Нам преградили дорогу «козлы» из колючей проволоки. Мы подняли их стволами автоматов и выбросили паверх. Расчистили себе путь гранатами и сразу же кинулись в дым, стараясь добежать до следующего изгиба траншеи. Куда ни взглянешь — всюду сильно разветвленные и уходящие далеко в глубину траншеи высотой в человеческий рост. Пулеметные гнезда с внутренней обшивкой из ивняка были оборудованы как бомбоньерки-блиндажи. Некоторые лишь слегка пострадали от огня нашей артиллерии. А где же остальные фрицы? Ага, убежали от нас лабиринтом траншей, заваливая проходы «козлами», прячась в окопах, как крысы.

— Выкуривайте их гранатами, ребята!.. И вперед, вперед! Побяжн, возьми влево. Направление — на деревню! — крикнул я.

Несколько бойцов попытались выбраться на поверхность, но тут же прыгнули назад в окопы. Немецкие пулеметы вели огонь с флангов и фронта.

— Не вылезать, убьют! — предостерег Брачковский и бросился в боковой коридор, откуда доносились выстрелы, крики и возня. Впереди тоже слышались взрывы гранат и грохот автоматов, возбужденные голоса. Это наши ребята доколачивали фрицев...

— Ну и драпают же, сукипы дети! Все бросают... Сколько оставили консервов, сигарет, даже одеяла... Пан поручник, там ребята нашли радиоприемник! — крикнул бегущий следом за мной связной и прыгнул в какую-то землянку.

— Не разбредаться, черт побери! Вперед, вперед!

Однако в лабиринте извилистых траншей, в окопах, блиндажах и землянках наш взвод расплылся. Справа слышалось мощное «ура!». Это соседние подразделения перешли в атаку на своих участках. Я осторожно выглянул наружу. Прямо перед нами уже виднелась деревня, а правее поблескивали на утреннем солнце крыши и колокольни костелов Ротенбурга. Сзади нас, за рекой, бежали цепью пехотинцы. Они тащили за собой плоты для переправы. Лошади с развевающимися гривами волокли бревна к строящемуся мосту. А по реке уже плыли лодки. На берегу, уткнувшись носом в воду, торчал тапк. Другие машины направлялись к переправе.

«Скорее бы захватить эту деревню, там и отдохнем, — подумал я. — Надо поторопить ребят... Но где же они, черт побери?..» Отовсюду доносились крики, взрывы ручных гранат. С изготовленным к бою автоматом я продвигался дальше. В обе стороны убегали ходы сообщения. «Здесь, паверпое, наши ребята уже прошли. Тогда почему этот «козел» из колючей проволоки преграждает дорогу?» — подумал я, и мною овладело тревожное одиночество.

Одному его не выбросить. Придется перепрыгивать. Закидывая автомат на спину, я вскрикнул от боли. Осколок мины, который попал в меня перед форсированием реки, немилосердно колот. Я ухватился руками за край окна, подтянулся и прыгнул. Полы шинели остались на витках колючей проволоки. Чертыхаясь, я начал отцеплять их. Рядом был узкий проход, но я не обратил на него внимания. Вдруг из глубины прохода грохнула автоматная очередь, и кто-то крикнул: «Hände hoch!». Я повер-

пулся, подтянув к себе автомат, и лицом к лицу столкнулся с гитлеровцем. Растопыренные, словно когти, пальцы схватили меня за горло. Я рванулся, хотел было отскочить назад, но «козел» из колючей проволоки больно уколол меня в спину. Траншея была узкой. Немец придавил меня всем телом, стараясь задушить, но я успел оттянуться назад подбородок. У меня за поясом торчал пистолет без кобуры. Я нащупал его рукой, однако пряжка ремня гитлеровца уперлась в мою руку, мешая высвободить ее. Гитлеровец был выше меня ростом на целую голову и сильный, как медведь. Мы боролись несколько долгих, будто вечность, минут. Перед глазами у меня замелькали черные петлицы и серебряные молнии на воротнике моего противника. Я еще раз судорожно рванулся и почувствовал, как туман застилает мне глаза. Вдруг объятия эсэсовца стали вялыми, а сам он повис на мне. В глазах у меня посветлело. Я оттолкнул его руками. Он упал на колени и безжизненно стукнулся головой о стенку окопа.

— Батюшки, пан поручник! Ребята, ко мне! Поручник ранен...

Эдек, мой связной, стоял напротив меня с окровавленным ножом в руке, разинув рот от испуга.

Дергающиеся в конвульсиях руки эсэсовца хватали меня за ноги. Меня передернуло от отвращения. Я отпрянул назад, выхватил из-за пояса пистолет и, не глядя, нажал на спусковой крючок.

— Пан поручник, жаль патронов. Он уже готов,— проговорил Брачковский. Он появился сразу же за связным. Позади него виднелись конфедератки нескольких автоматчиков.

— Откуда он здесь взялся? — показал я на труп эсэсовца.

— Так вы же свернули в боковой проход! — шумно радуясь, сказал возбужденный связной. — А я заглянул в землянку, а оттуда через другой вход пробрался к окопу. Гляжу, а в нем сидят двое эсэсовцев и строчат из пулемета по реке. Дал по ним очередь. Один упал, а другой — бежать. Кричу ему вдогонку: «Hände hoch!», но он, сукин сын, успел удрать. Крадусь потихоньку следом за ним и вдруг вижу: стоит спиной ко мне и душит кого-то из наших. Чтобы не ранить своего, пырнул его финкой в ребра... — Взглянув на меня, он вдруг крикнул: — Ребята, у кого есть вода?!

— Ничего, ничего, придушил меня слегка, мерзавец. Видно, успел наловчиться... — прошептал я, с трудом глотая слюну, и прислонился к стенке окопа. — Чеслав, собери взвод... Скомандуй, чтобы выходили наружу. Пора наступать на деревню.

Со стороны реки донеслось мощное «ура!». Захлопали выстрелы. Эдек был уже на бруствере.

— Пан поручник, посмотрите! — Он сорвал с головы фуражку. Я с трудом поднялся и выглянул из окопа. Позади нас, на берегу Нейсе, десятки солдатских рук устремлялись высококую мачту с бело-красным флагом. Первый после многих веков пограничный столб на берегу Нейсе! Мы подняли вверх автоматы и залпами приветствовали возвращение Нижней Силезии в лоно матери-родины.

САНИТАРКА

— **Л**евый фланг... подтянись! Держать интервалы...
Передай дальше!

Шагавшие слева от меня бойцы подхватили команду и передали ее из уст в уста. Растянувшись в широкую цепь, мы шли по лесу. Поддерживающие нас подразделения двигались в одном ряду с автоматчиками, пулеметчики тащили установленные на колесах «максимы», минометчики сутулились под тяжестью собранных, готовых к бою минометов. Им особенно трудно было пробираться сквозь сросшиеся колючие ветви дикой ежевики и орешника, под низко свисавшими лапами елей. Но ничего не поделаешь! Все просеки и тропинки были завалены толстыми бревнами срубленных деревьев. Немцы уже давно предвидели вероятность нашего успешного наступления, поэтому примерно через каждые пять километров мы наткнулись на заранее подготовленные укрепления. Не забыли фашисты и о просеках даже в таких заболоченных лесах, через которые мы сейчас пробирались.

В просветы между редкими деревьями я заметил, что левый фланг нашей группы опять отстал. Бойцы увязли в каком-то болоте и, оглядая его, неосторожно сбились в кучу.

— Левый фланг! Подтянись! Держать интервалы! — повторил я вполголоса команду.

Автоматчики бегом рассредоточились друг от друга на положенные шесть шагов. Запыхавшиеся пулеметчики, ругаясь, побежали вслед за ними.

— Реже шаг, черт побери! Это же не соревнования в беге! — во все горло закричал Жарчинский. Бойцы удивленно обернулись, бросив напряженные взгляды.

— Тише... — вырвалось у кого-то из сержантов.

За каждым кустом, за каждой засекой нас мог подстеречь в засаде неприятельский пулемет. Ведь мы же преследовали по пятам отступавших немцев. Услышав шум, они догадались бы о нашем появлении и обрушили бы на нас убийственный огонь.

Владек, успокоившись, быстрым шагом проследовал вдоль цепи и подошел ко мне.

— Дай мне несколько человек. Ведь у меня осталось всего семь бойцов на два пулемета... Пусть помогут хотя бы нести ящики с патронами, — сказал он приглушенным голосом.

— Хорошо... Возьми по два человека из второго и третьего отделения. Хватит четверых?

— Хватит. Для боеприпасов только... И не гони так, люди отстают...

— Не гони! А если фрицы оторвутся и устроят засаду, на кой черт мне сдались тогда твои пулеметы? Надо гнать и гнать, пока возможно. Не слезать с их шеи.

Жарчинский молча махнул рукой, на секунду замаялся и протянул мне выкуренную до половины еще горящую немецкую сигару.

— Ребята напили несколько штук в той разбитой машине... Хочешь докурить?

— Спрашиваешь!

Я глубоко затянулся, так что даже круги пошли перед глазами. Давно я не курил такого крепкого и ароматного табаку. Самочувствие сразу улучшилось. Неожиданно появился Побыжин и попросил:

— Когда докурите, не бросайте чинарик. Он еще пригодится для трубки...

Я быстро затянулся несколько раз и отдал капралу еще довольно большой окурочек.

— О-о... Дай бог вам здоровья, пан поручник! Зачем же столько оставили, дорогой? Хватило бы и чинарика...

— Бери, бери. У меня уже голова закружилась.

Побяжин на радостях пробормотал еще что-то и вернулся на свое место в середине первого отделения. Шагали быстро, но осторожно, держа автоматы наготове. Минуя завалы на просеках, держали палец на спусковом крючке, внимательно ощупывая взглядом каждый куст и дерево. Автоматчики, не дожидаясь приказа, обходили полянки, не рискуя выходить на открытую местность. Тогда цепь сжималась, как гармошка, а спустя минуту вновь растягивалась с равными интервалами между бойцами.

Немцы от нас удирали. Временами слышался треск веток или хриплый оклик. Однако мы их не видели. Это нервировало нас, держало в изнуряющем напряжении, не позволяло идти более или менее спокойно.

В нескольких шагах позади цепи шагали подпосылки из расчетов минометов, обвешанные ящиками с минами к нашим пятидесятимиллиметровым минометам. Рядом с подносчиками шла молоденькая худенькая санитарка в подогнанной по ее росту короткой шинели с нашивками капрала на погонах. Ее стройную фигуру несколько портили сапоги с кирзовыми голенищами, которые к тому же абсолютно не гармонировали с шелковыми чулками на стройных икрах. Опрятная фигурка девушки в пилотке набекрень выделялась на фоне заросших, грязных, обвешанных снаряжением бойцов. Она шла легко, придерживая рукой санитарную сумку. Это была санитарка танковой бригады, один из взводов которой поддерживал наступление моего дозора. Она делала перевязку раненому пулеметчику и отстала. Завалы на просеках заставили танки ехать окольным путем. Договорившись со мной о месте встречи, они свернули в сторону и, подняв облака пыли, двинулись на полном ходу к проходившему неподалеку шоссе. Девушка догнала нас в лесу и, бесцеремонно тронув меня за плечо, спросила на ломаном польском языке:

— Вы здесь, поручик, старший? Я отстала от танков. Скажите, где мне их теперь найти?

— Не скоро вы их отыщете. Они пошли по шоссе в сторону Писки...

— А вы тоже идете в том направлении?

— Да.

— И встретитесь с танками?

— Как выйдем из лесу, так встретимся. Вместе должны штурмовать город, — сказал я и ускорил шаг.

Она снова догнала меня и, смахивая с лица паутину, спросила:

— Так, значит, вы — танковый десант? — Ее черные глаза сияли радостью.

— Десант.

— Тогда я пойду с вами. — В ее сжатых губах чувствовалась решимость.

— С вами? Да что вы? Возвращайтесь в свою бригаду. Опа, кажется, стоит еще в овраге, где сожженная автомашина...

— Мое место — на передовой... — Густые брови упрямо сдвинулись.

— Тише... Убирайтесь отсюда! Черт знает, на кого можем наткнуться, а пули не разбирают, санитарка — не сапитарка... — проговорил я резким тоном, раздраженный ее пастойчивостью.

— Ну и что?.. Пули тоже для людей... — спокойно сказала она по-русски. Я искоса взглянул на нее. «Смелая девушка. Как она теперь вернется одна? У нее даже оружия нет...»

— Хорошо. Идите позади цепи, — согласился я.

В это время впереди мелькнули чьи-то тени, заколыхались кусты. Поближи дал очередь из автомата. Все инстинктивно пригнулись, перекладывая в руках поудобнее оружие. Лязгнули оттягиваемые затворы ручных пулеметов. Девушка послушно отступила назад. Теперь она шла рядом с подносчиками мин. Ребята не обращали на нее никакого внимания. Голодные, усталые и злые, они следили лишь за тем, чтобы непароком не парваться на немецкий пулемет или не получить пулю от притаившегося на дереве снайпера. Только шедший неподалеку от меня Чеслав Брачковский подмигнул мне, сооротив при этом смешную рожу:

— Отличная девушка, пап поручник. Армянка, наверное, или грузинка... Как раз для вас... — и обернулся назад. — Ножки стройные. Правда, не мешало бы шинелишку подтянуть...

— Подтяни лучше свои пулеметы, охальник, а то еще они затеряются где-нибудь в этой чаще! — добродушно ответил я.

Брачковский в любой обстановке оставался невозмутимым. И теперь, направляясь к пулеметам, он вздыхал,

закатывал глаза и отпускал какие-то шуточки, обещая посвятить себя делу народной демократии.

Лес становился все гуще. Бойцы сокращали интервалы в цепи, раздвигали руками преграждавшие дорогу ветки. Видимость снизилась до нескольких метров. Я поставил на боевой взвод автомат, замедлил шаг. Кто знает, сколько впереди фрицев и что они замышляют? Лишь бы не разбрелись ребята, как вчера в немецких окопах после форсирования реки. Собрать всех в кучу тоже нельзя: парвемся на пулемет, половину уничтожат. Да еще черт принес эту девушку! Действительно, красивая. Хороша шельма. Наверное, армянка. Армянка или полька, все равно женщина. А женщина в моем дозоре — это уже скандал! Еще несчастье навлечет на нас. Женщины всегда приносят несчастье. Так, по крайней мере, утверждал мой отец... Наконец-то кончилась чаща.

Я поставил на предохранитель автомат, осмотрелся по сторонам. Высокие, безлистые стволы деревьев позволяли видеть все вокруг. Цепь бойцов растянулась пошире. Пулеметчики, которым помогали автоматчики, не нарушали боевого порядка. С достоинством шагали расчеты противотанковых ружей, и только минометчики немного отставали. Девушка, видимо, уже устала. Расстегнула верхние пуговицы шипели, и концы яркой косынки затрепетали возле ее бледного лица. Она спjala пилотку, резким движением головы стряхнула с волос хвою и сухие листья. Волосы у нее черные, слегка волнистые, подстрижены «под мальчика», и она лениво, как-то по-кошачьи, приглаживала их своей худенькой изящной ладонью... Кокетка, черт побери! Ишь ты, сощурила свои черные глазки, сверкающие из-под загнутых ресниц. На кой черт ее сюда принесло?.. Чуть не расшиб себе лоб об сосну, даже Побяжиш рассмеялся. Больше не обернусь... От танков отстала... Могла вернуться в бригаду, но нет, хочет быть на передовой. К нам примкнула, тоже мне боец, черт побери...

Ага, какая-то полянка впереди. Можно пересечь ее напрямик, под прикрытием кустов, а дальше, наверное, другая, там, где видны просветы между деревьями... За лесом должен быть канал. Надо придерживаться условленного с танкистами направления и загнать под их гусеницы тени, которые удирают от нас...

Пулеметные очереди ударили по нас, когда мы вышли на опушку узкой, поросшей густым кустарником небольшой поляны. Мы инстинктивно припали к земле, мигу лежали неподвижно, и вот уже в ответ затявкали наши автоматы и пулеметы, полетели низкой дугой ручные гранаты. Лесное эхо в десятки раз усилило бешеную стрельбу. На той стороне поляны были видны убегающие фигурки...

— Вперед, ребята!

Мы продвигались перебежками, используя кусты как прикрытие, а позади нас, через просветы в цепи, грохотали оба пулемета Жарчицкого. Под деревьями, откуда секунду назад еще стреляли немцы, лежали два трупа в пятнистых накидках и резиновых сапогах. Откуда-то спереди доносился чей-то хриплый крик: «Halt, halt!.. Zurück, Hundel»¹, но немцы, не останавливаясь, бежали дальше, через другую, совершенно лысую полянку, исчезали между деревьями. Некоторое время слышались только крики и треск ветвей, затем все стихло. Наверное, залегли в чаще. Только метался еще на открытом пространстве немец в седлообразной фуражке, отстреливаясь из пистолета. Чеслав, опустившись на колени, дал по нему короткую очередь, и тот, завертевшись вдруг на одном месте как волчок, выронил пистолет и рухнул в траву посреди поляны. Из чащи затарахтел пулемет, звонко захлопали выстрелы маузеров, пули чирикали над нами, впивались в стволы сосен... Цепь, крадучись, заняла опушку следующей поляны. Владек, подтягивая «максимы», срывающимся голосом подавал команды.

«Надо обойти их с флангов. Очевидно, их немного, поэтому, может, удастся захватить всех живьем», — быстро прикинул я в уме, лежа за толстой елью. Выстрелы из чащи постепенно смолкли, и только хрип, доносящийся с поляны, прерывал наступившую тишину. Сраженный очередью Брачковского немец пытался встать, приподнимался на руках. Светлая копна волос закрывала ему глаза, из шеи тонкой струей била кровь.

— Kameraden, nicht schiessen. Hilfe, kameraden...² — хрипел он.

¹ Стой, стой!.. Назад, собаки! (нем.)

² — Товарищи, не стреляйте... Помогите, товарищи... (нем.)

— Прикончить, что ли, сукина сына... — Брачковский прищурил один глаз, прицелился.

— Не надо, сам подойдет, — прошептал я ему, окидывая взглядом дрожащие кусты. Под каждым из них, вероятно, немец. Притаились, мерзавцы. Мы тоже притихли, ребята сновали между деревьями, выискивая удобные позиции. Вот-вот должны были заговорить наши пулеметы, и мне предстояло бросить флажковые отделения, чтобы замкнуть кольцо. Всыпем им тогда как следует.

— Hilfe, mein Gott! ¹ — хрипел немец посреди поляны, все еще пытаюсь подняться, но силы явно покидали его. Видимо, ранение смертельное.

Рядом со мной слышались чьи-то шаги. Лицо обдало ветром от полы шипели, мелькнули шелковые чулки.

— Ложись! Ты что, с ума сошла?! — Но задержать ее я не успел. Она уже бежала напрямик по поляне к лежащему немцу. Полы ее шинели развевались на бегу. Обеими руками она держала перед собой санитарную сумку.

— Убьют! Ложись, идиотка! — кричал я, пытаюсь предупредить выстрелы. Но выстрелов не последовало. Немцы молчали. Видимо, красный крест на санитарной сумке девушки сдерживал их.

— Не стрелять, ребята! Не стрелять! — орал я во всю глотку.

— Что она?.. Что она? — бормотал Брачковский. Он даже позелепел от страха.

А санитарка уже опустилась на корточки возле раненого. Он рванулся, оттолкнул ее.

— Soldaten, nicht schiessen! Hier ist euer Offizier! ² — закричал я в сторону противоположных кустов, хотя прекрасно понимал, что немцы и сами великолепно видят, что происходит на поляне.

Раненый подозрительно размахивал руками, звал своих.

«Еще пырнет ее ножом, — подумал я. — А что, если немцы выскочат из кустов и захватят ее в плен? Тогда ребятам придется открыть по ним огонь... и ее могут убить». Какая-то неведомая сила подняла меня на ноги и бросила вперед. Опустив висевший на ремне автомат стволом вниз и раскинув руки в стороны, я вышел на поляну. «Откроют огонь или не откроют, откроют или не

¹ — Помогите... боже мой! (нем.)

² — Солдаты, не стреляйте! Здесь ваш офицер! (нем.)

откроют», — гадал я, отмеряя шаги. Отвратительное чувство, как будто бы идешь голым перед выстроившимся полком своих подчиненных... Сзади донеслись чьи-то шаги. Обернулся: Чеслав Брачковский. Лицо бледное, как у трупа. Настороженные глаза внимательно ощупывают кусты напротив, руки судорожно сжимают готовый к бою автомат.

— Опустит автомат! — прошипел я.

Девушка обернулась и бросила только одно слово:

— Помогите.

— Ты что, с ума сошла? — начал я, опускаясь на колесо. — Прячься за него, когда начнется стрельба. Из-за немца голову под пули подставлять!

— Это прежде всего раненый... Он просил о помощи. Поддержите его, говорю.

Раненый машинально шарил рукой вокруг себя. Никелированный «вис»¹ лежал далеко от его руки. Я прижал плечо немца к земле. Автомат качнулся на ремне и уткнулся стволом в его грудь. Немец замер. Его голубые глаза с животным страхом впилсь в мое лицо. Кровь, не переставая, хлестала из небольшой раны на шее.

— Keine Angst, keine Angst... Hier ist ein Arzt...², — тараторил я, а сам думал: «Боже мой! Как ударят залпом из кустов, только перья от нас полетят. И Чеслав погибнет». Я боялся поднять глаза на противоположную опушку поляны. Чеслав стоял во весь рост, бледный, с опущенным вниз автоматом, окидывая взглядом кусты, откуда доносились приглушенный шепот и треск ветвей. Я физически ощущал направленные на нас стволы. «Только не стреляйте, хамы, мерзавцы! Видите, мы спасаем вашего раненого... Вы же признаете Женевскую конвенцию, вы же солдаты?!» — готово было сорваться у меня с уст.

— Обрежьте ему пуговицы... я не могу расстегнуть... — прошептала девушка. Я чувствовал рядом со мной дыхание, видел пульсирующую жилку на ее виске, почти слившиеся в одну линию брови, закусенную нижнюю губу. Держа в одной руке распакованный бинт, она другой безуспешно пыталась расстегнуть верхние пуговицы мундира немца. Я выхватил нож и приставил его острие к пуговице под воротником.

¹ Марка польского пистолета.

² — Не бойтесь, не бойтесь... здесь врач... (нем.)

— Nein! ¹ — взвыл пемец и рванулся из рук девушки.

— Keine Angst! ² Дурепь, я же собираюсь резать не тебя, а пуговицы... Вот как дам тебе по морде...— начал я и вдруг понял, почему он боится. На черной петлице воротника хищно поблескивали буквы СС. Я заколебался... Эх, если бы не эта девушка, мой нож уже торчал бы у него под ребрами, а затем мы с Чеславом спрятались бы за труп, как за укрытие, и швырнули бы песколько грапат в кусты, ребята успели бы подняться... Но нет, раненого... лежа-чего... Нет! Вдруг эсэсовец судорожно схватил меня за кисть руки и умоляюще взглянул на меня вылезшими из орбит глазами, которых уже коспулась смерть. Тогда другой рукой я растегнул ему мундир. Девушка быстро стала накладывать повязку. Хватка эсэсовца вдруг ослабела, тело как-то сразу обмякло. Перевязка была окопчена, но толстые белые бинты быстро пропитались кровью. Глаза раненого ввалились, потускнели. По мере того как краснела повязка, жизнь покидала его. Он шевельнул еще раз головой, взглянул на меня отсутствующим взглядом, затем перевел глаза на санитарку, на Брачковского. Что-то папоподобие удивления мелькнуло в них, потом веки опустились, в уголках глаз появились слезы. Он вздохнул и затих.

— Конец...— услышал я шепот девушки.

Мы с Чеславом встали, не замечая перекрестных взглядов с обеих сторон поляны. Казалось, наступила полная тишина. Мы постояли минуту неподвижно, всматриваясь в лицо умершего. Девушка кусочком ваты машинально вытирала кровь со своих пальцев.

— Отходят... поручник,— прошептал Брачковский.

Я очнулся. Кусты напротив еще дрожали, какие-то фигурки осторожно отступали в глубь леса, поблескивал в лучах солнца металл оружия.

— Ну что, стрелять? — Брачковский поднял автомат, положил палец на спусковой крючок.

— Не надо...

Чеслав удивленно взглянул на меня и с облегчением вздохнул:

— Да-а, ты прав... Уф, ну и вспотел же я, черт по-бери...

¹ — Нет! (нем.)

² — Не бойся! (нем.)

Взмахом руки я послал цепь вперед. Автоматчики, удивленно тараща глаза и ничего не понимая, без единого выстрела пересекли поляну. Я наклонился и поднял с земли пистолет эсасовца. На никелированной стали виднелась марка Радомского оружейного завода...

— Эй, механик, прикрой чем-нибудь фару, а то блестит, как черт! — кричал Дросик, идя по двору, как всегда, слегка сгорбившись, склонив пабок голову и жмуря глаза. Заходящее солнце отражалось в плохо замаскированной фаре танка, и его яркий отблеск был виден на многие километры, представляя собой прекрасную цель для немецких минометов и самолетов. Высокий худой танкист в темно-синем комбинезоне перестал копаться в открытом, еще не остывшем моторе, зашел спереди и критически осмотрел танк.

— Вот так-то, сам недосмотришь, дураков насмешишь... Эй, ты, сапожник, разве так надо маскировать? Чему только тебя учили?! — закричал он на одного из членов экипажа, который, свесив ноги в люк, сидел на башне и, напевая что-то, снаряжал толстые диски для танковых пулеметов.

— Сейчас поправим, пап сержант! — Заряжающий высыпал из пригоршни патроны, ловко спрыгнул на землю и, прикрыв веткой фару, обратился к командиру танка: — Так как, пап сержант, двинемся, когда моторы остынут? Попытаемся захватить сегодня канал или нет?

— Двинемся... ракам на закуску, — заворчал сержант. — Мост перед самым носом взорвали, гады, придется ждать саперов.

— А так не проскочим? Канал-то узкий. Задраил люки, стволы вверх — и поехали! А городок, видать, неплохой, была бы только жратва...

— Ну и чудак же ты! Видел того, кто хотел перескочить на танке через Нейсе? Его, паверное, до сих пор не вытащили... — Сержант пожал плечами и, вернувшись на прежнее место, о чем-то расспросил озабоченного водителя.

Дросик подошел к нам, качая головой.

— Они будут ждать саперов, а немцы тем временем успеют сосредоточиться и заминировать все вокруг. Мне почему-то кажется, что на рассвете нам снова предстоит

пелегкая работа. Как бы не пришлось купаться одним, без поддержки танков.

— Что, снова форсировать? Канал? Не буду! — Юрек подтянул колени к подбородку, обхватил их руками. — Есть не дают, пить не дают, курить не дают, — заворчал он не то шутливо, не то серьезно. — Только гонят от речки к речке. В гробу я видал такую войну!

— Ну, ну, сейчас подъедет кухня... Я и сам с удовольствием чего-нибудь перехватил бы. Шеф, нет ли у тебя чего в машине? — Дросик уселся рядом с нами у стены лесной сторожки, снял с шеи автомат и бинокль, выжидающе посмотрел на Койтыха.

— Только хлеб и сахар, пап поручник, — ответил тот, продолжая выдавать боеприпасы взводам.

Все дружно вздохнули. Юрек прав. Как тут воевать без еды и курева? Вот уже два дня после форсирования Нейсо мы непрерывно наступаем. Минувшую ночь провели в лесу, лежа в промокших шинелях на временных огневых позициях и стуча от холода зубами, а утром, не задерживаясь, проскочили через какую-то деревню, не успев даже в рот чего-нибудь положить. Потом подошли танки, надо было прочесывать лес. Остальные подразделения роты отстали и наступали по полю правее леса, по им тоже не везло с провиантом. Нам предстояло провести эту ночь во дворе очищенной дочиства лесной сторожки, притаившейся в ельнике, протянувшемся до самого канала. Эх, золотое то было времечко там, на Балтийском побережье: хаты с кроватями, застеленными пуховыми перипами; набитые всякой снедью погреба; свинарники, полные поросят, радовавших своим хрюканьем солдатские сердца; дворы, по которым важно прогуливались пидюки, сами подставлявшие свои шеи под нож... Жаль, что оно так быстро миновало, то время...

Сержанты тащили ящики с боеприпасами для своих взводов, несли хлеб в плащ-палатках и сахар в котелках.

— Соблюдайте осторожность, когда будете выходить из леса! — закричал Дросик вслед бойцам из третьего взвода, направлявшимся к разрушенным воротам. Третий взвод вместе со взводами ротных пулеметов и минометов занял рубеж у канала в районе разрушенного моста. Танки не успели захватить плацдарм. Когда я со своей группой прибыл в назначенное место, они маневрировали вдоль ка-

нала, обстреливая из орудий немецкие позиции и расположенный неподалеку городок. Вскоре появился Дросик с остальными взводами, подошли и другие подразделения батальона. Они сбились в кучу, сильно поредевшие, не знающие толком своих задач, поскольку наши маломощные полевые радиостанции не могли уже поймать радиостанции далеко отставших штабов. Каждое подразделение действовало самостоятельно, придерживаясь обозначенного в общих чертах направления, и стремилось продвинуться вперед как можно дальше. Капал задержал всех, кемпого выровнял линию фронта, позволил нам в какой-то степени сориентироваться в обстановке, установить связь с соседними подразделениями.

Юрек долго сидел задумавшись, подтянув колени к подбородку. Наконец он обратился ко мне:

— Знаешь что, тактик из меня неважный, да и боевого опыта маловато... Всего семь дней, включая оборону на Нейсе, но у меня есть глаза, и я смотрю...

— Ну, смотришь, смотришь, и что? Может, курицу где высмотрел?

— Нет... смотрю, как мы наступаем, и пытаюсь понять. Как нам говорили, будет лавина танков с развевающимися знаменами, будут горы немецких трупов, будут хладнокровные штабисты, передвигающиеся части, как пешки на шахматной доске, и гордые, преисполненные долга бойцы с застывшей в глазах ненавистью к врагу...

— Перестань молоть чепуху!

— Ничего подобного! Это не бред... Я и в кино видел, и читал, и на курсах говорили...

— Болван!

— Постой, постой...— с умным видом проговорил Юрек.— Здесь этого нет, согласен. Представь себе, что три танка оторвались от своей бригады, а с ними — горстка таких вот измученных и изголодавшихся вояк...— Он показал на расположившихся под деревьями солдат.— Я тебе голову на отсечение могу дать, что штаб полка и понятия не будет иметь, где в этот момент находится доблестная рота поручика Дросика, так же как и сам поручик Дросик не сможет представить себе, каким образом поддерживать связь хотя бы со штабом батальона.

— Ну и что? Главное, что мы наступаем,— разозлился Дросик.

— Вот-вот, именно.— Юрек обхватил руками колени.— Ответьте-ка мне на такой вопрос: благодаря какому чуду мы наступаем?

— А ты сколиких людей во взводе потерял? — спросил я.

— За время наступления — двоих...

— Так вот: когда двадцать потеряешь, тогда сам поймешь. Люди жизни не жалеют для достижения победы.

Юрек протяжно свистнул сквозь зубы и сказал, нарочито выделяя каждое слово:

— Это точно... людей у нас много.

В этот момент возле нас опустился на корточки Кой-тых, расстилая плащ-палатку.

— А лу-ка, друзья, берите хлеб. А вот и сахар, пожалуйста... — пододвинул он котелок.

Черствый, посыпанный сахарным песком ржаной хлеб аппетитно хрустел во рту. На фоне светлеющей на западном горизонте полосы неба, проступающей сквозь деревья, показалась длинная, худая, прихрамывающая фигура в надетой набекрень конфедератке. Рядом ковыляла бурая, тоже припадающая на одну лапу псина. Тут и слепой за три километра узнал бы поручика Витковского с его перазлучным Фаготом.

С Генеком Витковским мы подружились в первые дни формирования нашей дивизии, когда в ее состав входили одни только недавние партизаны. Во время оккупации Генек был подпоручником в отряде Шаруги, а теперь он — командир стрелковой роты в соседнем полку. Последний раз я видел его, когда наши войска разворачивались на Нейсе. Он стоял тогда на песчаном холме у опушки леса, совершенно не прячась, и, упершись руками в бедра, наблюдал за своими солдатами, которые длинной цепочкой растянулись по всему ходу сообщения. Он смотрел и громко спрашивал: «Черт побери, и кто же это так распустил роту? Фагот, может, ты знаешь?» — наклонился он к собаке. Но Фагот только лениво раскрывал пасть, стараясь поймать большую белокрылую бабочку, выказывая тем самым полное равнодушие к состоянию дисциплины в роте и одновременно солидаризируясь со своим хозяином в презрении к немецким снайперам.

От души радуясь неожиданной встрече со старым другом, я закричал:

— Генка! Откуда ты здесь, чертушка косолапый?!

Витковский без малейшего удивления остановился и подбоченился.

— А-а-а... жив, значит? — В его голосе слышалось шутовское разочарование. — Видишь, Фагот, этот субъект все еще живой, хотя столько людей утопло. Я всегда говорил: кому суждено висеть, тот не утонет...

Юрек разразился слегка наигранным смехом. Дросик прищурился, видимо собираясь подхватить шутку. Лишь один Койтых, задрав голову, внимательно посмотрел на незнакомого офицера: серьезно тот или шутит?

— Ну что ж, настроенные, как вижу, у тебя ничего. Присаживайся и рассказывай, что еще, — пригласил я.

— А что еще? Нормально... — Генек зажмурил черные веселые глаза. — Пищеварение в порядке, желудок не беспокоит... Чего еще желать?

— Да садись ты! Хочешь хлеба с песочком?

Смешно побряхтывая, Генек уселся рядом, осторожно распрямив раненную еще в партизапах ногу, поправил пояс с пристегнутым к нему огромным кольцом, ссутуленный, со склоненной пабок головой. Такой уж он есть: нескладный, со смуглой симпатичной физиономией, с вечными сверкающими белыми зубами. Устроившись поудобнее, он улыбнулся:

— День добрый! Так поздоровайся же с приятелем.

Мы обменялись рукопожатием, я тут же представил ему присутствующих. Как-никак среди нас он был самый старший по званию. Субординация остается даже на передовой. Протягивая всем по очереди руку, Генек почти лег ко мне на колени и вдруг отшатнулся.

— В чем дело? — удивился я.

— Да ничего... блохи у тебя! Фагот, ищи здесь! — Он распахнул полы моей шинели. — Ищи, ищи у него блошек, хороших, толстенных...

Пес угрожающе приблизился ко мне, осерил зубы и начал, как машина, прохаживаться ими по моей ноге. При этом он предостерегающе рычал, если я пытался оттолкнуть его от себя.

— Генка, заberi свою скотину, иначе она сожрет меня! — с назревающим раздражением воскликнул я. Уж кого-кого, а Фагота я знал: он часами может так искать несуществующих насекомых, не давая шевельнуться. Как бы не слыша моих слов, Генек смотрел на черствый хлеб, заглядывая в котелок с песком, лукаво щурился:

— Что ж это такое, никак консервы вам приелись? А может, пост соблюдаете, поскольку питаетесь лишь черствым хлебушком вместо настоящего ужина?..

— Да перестань ты, Генка, дурака валять, лучше дал бы закурить...

— Закурить? Найдется, да не знаю, пойдет ли курево после этого.— Он показал на панну еду.— Вот если бы у вас какую-нибудь котлетку получить, да с горяченькой картошечкой, да с огурчиком, да все это слегка залить бы маслом...

— С лучком, с лучком, пан поручник,— загорелись у Койтыха глаза.

— А что, и с лучком,— согласился Витковский.— Самое главное, чтобы не подгорела... А как вы смотрите на шницелек по-венгерски?

— Это который подается с яйцом?— серьезно осведомился Дросик.

— Вот именно.

— И с огурчиком? — Дросик, наморщив лоб, вопросительно глядел на Витковского.

— Э, нет! — падул губы Гепек.— С зеленым горошком, с хрустящим картофелем...

— И с шампиньонами в масле... эх, черт!— скрипнул зубами Койтых.

— С зеленым горошком и с шампиньонами... м-да...— Дросик не сразу решился высказать свое мнение по поводу лакомых, но не знакомых ему блюд. Потом он хлопнул ладонью по своему колену.— Главное, чтобы не в сухую! Под сто грамм сойдет и с теми, как их, шампен... шампан...

— С шам-пинь-опа-ми...— поморщившись, поправил его Юрек.— Тьфу, черт!— Он с отвращением выплюнул хлебно-сахарную массу.

— Хорошо бы хоть кусок мяса с отварной картошкой,— окончательно сформулировал свои желания Дросик, запихивая в рот очередную порцию черняшки. Никакие миражи самых вкусных, тающих во рту котлет не в состоянии заглушить в нем чувство реальности. Крестьянская натура и пережитые голодные дни партизанщины выработали у него твердые правила: ешь то, что дают, так как и того может не быть. Посему он с удивлением посмотрел на отплевывающегося Юрека и спросил:

— Что с вами?

— Ничего, наелся. Благодарствую... — Юрек аккуратно вытер рот платочком. Со стороны казалось, что он вот-вот расплатится. Генек смотрел на него с явной издевкой, скаля зубы.

— Ну, если вы уже наелись, могу предложить сигаретку.

— Пан поручник! Шутки шуткам, по вы, как мне кажется, из тыловигов... а мы — с передовой. Вам хорошо смеяться! — взорвался Юрек и с гордым видом, вызывающе вздернул подбородок.

— А-а... прошу прощения. Я, правда, не совсем тыловик, но в последнее время действительно нахожусь в составе художественно-цирковой группы, — не переставая, хохотал Генек. — Я и не знал, что тем, кто на передовой, и хорошее питание, и курево, да и девушки тоже ни к чему! А вы, видать, особенно себя истязаете. За какие такие грехи, можно поинтересоваться? — При этих словах он вытащил из кармана пачку пемецких сигарет «Юпо» и протянул мне. — Закуришь? Фагот, отстань, фу! Обыскал уже папа поручника, — потрепал он собаку по шее.

Юрек молчал, видно раздумывая о чем-то. Койтых с симпатией наблюдал за Витковским.

— Скажите, пожалуйста, пап поручник, вам не приходилось служить в кавалерии? — вежливо спросил он.

— Нет, не приходилось, — ответил я за Генека и, обращаясь к нему, поинтересовался: — Где это ты достал? — Я внимательно рассматривал толстую, набитую желтым табаком сигарету. В партизанском отряде мы курили только такие. Слабые и приторные, они были начинены бумажным месивом, пропитанным каким-то суррогатом никотина. Достаточно бросить одну такую сигарету в котелок с горячей водой, чтобы убедиться в этом. Но на безрыбье и рак рыба, поэтому я с радостью закурил. Крепкий искоса поглядывал на пас, смущенно улыбаясь. Койтых громко крикнул.

— Пожалуйста, товарищи, берите. У меня есть еще одна пачка. — Генек хлопнул себя по карману. — Несколько часов назад на пас пемцы наскочили, а ребята, сами понимаете... на близком расстоянии автоматы безотказны...

— Так вы тоже с передовой! — реабилитирует его Юрек, скорее, для того, чтобы иметь моральное право угоститься сигаретой из его пачки.

— Да нет же, из оркестра,— говорю я и обращаюсь к Генеку: — Так где же оказались те немцы?

— Недалеко отсюда, левее, на краю леса, бежали вдоль капала. Мост уже был взорван, так они, видно, искали...

— Постой, постой,— прервал я его,— ведь это же наверняка была та самая группа, которую я преследовал. Отрезали их от танков, они и кинулись в сторону и навались на твою роту.

— Если ты прочесывал лес в том направлении, то, вероятно, так и было. Я, значит, находился недалеко от тебя, потому что слышал пулеметные очереди и взрывы ручных гранат, а плешные из той группы говорили, что в лесу они «оставили» своего рапцеого «опекуна», прикрепленного к ним от СС...

— Ну да, все правильно...— И я вкратце рассказал ему о случившемся на поляне, об эсэсовце и санитарке. Генек слушал, кивал головой и наконец заметил:

— Знаешь, еще когда мы стояли на Нейсе, в одну роту не подвезли кофе. Солдаты сокрушались, жажда замучила. А один сержант говорит так, для смеху: «У воды находитесь, а пить просите». Ребята разошлись на него: «Сам попробуй напейся». А тому то ли в герои захотелось, то ли жена дома страшнее войны... да только отложил он винтовку, снял мундир и фуражку, взял котелок и полез из окопа. И так, помахивая котелочком, перебрался через луг, где были наши минные поля, зачерпнул воды из Нейсе, напился, умылся и стал сапоги стягивать. Портянки захотелось ему выстирать, такой уж аккуратист был. И тут видит он, из дзота на том берегу выходит фриц в мундире нараспашку и тоже с котелком. Ну, помахали они друг другу рукой, улыбками обменялись, а у самих, наверное, поджилки тряслись от страха, но ничего, вернулись невредимыми.

— Ну, а дальше?

— И все. Наши снайперы все время того фрица на мушке держали, но обошлось без выстрелов. Математика простая: одного за одного.

— Да, но когда разведка боем началась, то наших почти семьсот человек полегло. Мне кажется, из вашего полка третий батальон в то утро форсировал реку? — спросил Дросик у Витковского, но тот, внезапно нахмурившись, только отмахнулся рукой, молча дымя сигаретой.

Невеселые это воспоминания. За два дня до пачала форсирования Нейсе наши войска провели разведку сил противника боем. Солнечным утром 14 апреля специально выделенный батальон пехоты поднялся из окопов, отрытых метров в трехстах от реки. Бойцы сбегали вниз, к берегу, и падали, скошенные огнем пулеметов и минометов. Ксендз-капитан с епитрахилью на шее долго еще крестил бегущие шереги и молился за отпущение грехов погибшим. Противник выдал местонахождение своих огневых точек, но из пескольких сотен участников этой разведки только десяткам удалось вернуться в свои окопы, и то под прикрытием ночи. Мне запомнилось, как днем позже, направляясь на пазпаченный для форсирования участок, мы встретили пожилого усатого сержанта. Он стоял под сосной на краю леса, у склона, держа фуражку под мышкой, и смотрел невидящими глазами вниз, на зазеленевший уже луг, на реку. Отсюда открывались такие широкие, притягивающие глаз просторы, залитые солнцем, что я, забыв о немецких спайперах, вышел из леса. Сержант, увидев меня, очнулся от забытья, перекрестился быстро и размашисто и хотел было идти, но я остановил его, спросив о чем-то. Мы разговорились. Он оказался единственным уцелевшим из всего подофицерского состава того несчастного батальона. У него дрожали губы и слезы катились по усам, когда, прощаясь, он сказал: «Места здесь чудесные, леса, как у нас на Вилеппине... но что вчера пришлось увидеть этим соснам, сколько крови унесла эта река, не сказать ни словами, ни в песне... Хоть бы эта земля нашей осталась, хоть бы память об этом сохрaпить...»

Да, невеселые воспоминания... Они омрачают мысли, болят, как незажившие раны, вызывают апатию, сверлят мозг отчаянным стремлением уйти от всего этого. И начинаешь ощущать боль в плечах, в которые врезаются лямки тяжелого солдатского рюкзака, нестерпимо горят мозоли, потертые давно не стиранными портянками. В такие минуты с особой остротой чувствуешь голодное посасывание в желудке, страшно хочется курить. И еще вспоминаешь, что в это время где-то далеко-далеко вспыхивают огни на улицах городов...

Поэтому Витковский внезапно замолкает, нахмурившись, а Юрек опять упирается подбородком в колени, которые он обхватил руками, и бормочет себе под нос:

— Да, да, людей у нас много...

Вот он поднял на меня глаза и со злостью бросил:

— А тебя что понесло за этой санитаркой? Ведь могли бы и укокошты!

— Пап поручник...— Койтых хитро прищурился,— да за такой санитаркой хоть под пулю, чтоб я сдох! Вы ее видели? Нет?

— Нет,— оживился Юрек, глядя на командира.

— Гм... куколка, говорю вам. Брюнеточка, стройшенькая. Как говорится: то, что надо. Ну, может, поги чуть-чуть не того, но в сапогах ведь не рассмотришь. Девочка, повторяю, класс. Помнится, ротмистр из одиннадцатого полка уланов тоже был знаком с такой же...

— Ладно, ладно, а когда это вы ее успели разглядеть? — Юрек не мог скрыть своего любопытства.

— Так здесь же, крутилась тут у нас, возле тапков,— кивнул Койтых в сторону трех замаскированных машин, стоящих под деревьями.

Юрек расцепил руки и потянулся так, что в суставах хрустнуло. Выпрямившись, он, словно продолжая слова Койтых, сказал:

— Интересные машины. Я вообще люблю технику. Считаю, что каждая армия должна быть максимально механизирована. Тогда и человек ипаче бы себя чувствовал... Гм... симпатичные машинки, падо бы поближе их осмотреть. Их что, вероятно, пасовсем к нам прикрепили? — Он сделал движение, как бы памереваясь встать.

— Погоди, погоди, Юрусь,— остановил я его.— Во-первых, пасколько помню, у тебя было несколько иное мнение о танках и танкистах, а во-вторых, если их и придали нам, то непосредственно моей группе. А если придали, то вместе с экипажем и представительницей полевой санитарной службы. Так что пусть твоя голова о ней не болит, положиись на других и вспомни старое солдатское «правило»: отбить симпатию или жену у своего подчиненного или младшего по званию — это позор, у пачальника — доблесть, а у своего товарища — свипство. В столовой никто руки тебе не подаст.

— Ты чего? Чего ты привязался? — ошестинился Юрек.— Танки нельзя посмотреть, что ли? Смотри-ка, у того, среднего, на башне какое-то углубление, дыра какая-то, что ли?

Увидев его озабоченное лицо, все рассмеялись, а Кой-тых, высыпав в рот из котелка остатки сахарного песка, пробормотал словно сам себе:

— Может, и пробоина, но самому убедиться не мешает...

Витковский уже стряхнул с себя минутную задумчивость, и спова сверкнули его белые зубы.

— Ну, Фагот,— похлопал он собаку,— погостили мы с тобой у боевых друзей, пора и к себе. Чего доброго, ребята решат без нас на Берлин выступить. Мое почтение дорогим коллегам,— подпился он, охая.

— Ты где располагаешься? — спросил я, пожимая ему руку.

— Да здесь, недалеко, налево от вас. Захотелось посмотреть, что за соседи, да что-нибудь пожрать пайти. У всякого мало-мальски порядочного водоема должны быть гуси или утки какие-нибудь, а тут — ни черта... Ну, прощайте, темпо уже совсем! — И он пошел, прихрамывая. Псица поплелась следом, опутив морду к ногам хозяина.

Юрек исподлобья поглядел ему вслед.

— Вот бы свести их с нашим командиром семидесятишестимиллиметровок. Два сапога — пара. Только бы, черти, и насмехались над людьми.

— А-а! — вспомнил я.— Слушайте, а что случилось с нашим артиллеристом? Я сам видел, как у реки ему всю батарею разбили, а возле одного орудия весь расчет полег.

— Да жив он! — махнул рукой Юрек.— После всего этого санитары тащат его, вся голова у него перевязана, а он на чем свет стоит костит одного из своих пушкарей за то, что тот лошадь кнутом огрел. В это время как раз оттаскивали уцелевшие орудия.

— Хорошо, что жив... — обрадовался я.

— Жив,— повторил за мной Юрек и вытянулся во весь рост, заложив руки за голову.— Попадет в госпиталь... горячее молочко, санитарочки, потом отпуск для поправки... Все на тебя смотрят как на героя. А за это время Берлин капут, и война закончится...

— Но только не для нас,— решительно заявил Дросик, глядя на расположившихся под деревьями солдат.— А ну-ка, Кренцкий, сходи распорядись, чтобы ребята в лес отошли. Пусть окопаются, почистят оружие, и на сегодня — все. Только чтобы никому в голову не пришло

сапоги па почь снимать!.. Иди, иди, присмотри... А где у нас Ключ и Сташек? Кто знает? — обвел он всех глазами.

— Хоружий Ключ занимался с пулеметчиками, пан поручник, — доложил Койтых, — по, кажется, сейчас он как раз пошел искать Сташека, потому что парень опять к разведчикам подался. Ему там автомат посулили...

Юрек с неохотой подпнулся, в карманах его шипели и на ремне побрякивали граматы. Он вытащил из-за пояса пистолет, подул в ствол, спрятал пистолет и, не торопясь, отошел.

— Сколько раз повторять: не носите гранаты вместе с пистолетом. Чека задепет за что-нибудь, и будут неприятности. Да и получите же накопец автомат! — закричал Дросник вслед уходящему и добавил: — Как па гулянку, так бегом, а как по службе, так еле ползет.

— Скажете тоже: па гулянку... — ответил я, сбрасывая часть снаряжения. — Разве теперь кто об этом думает?

Я знал, что интерес Юрека к хорошенькой медсестре был лишь теоретическим. Четырнадцать часов марша в полном боевом снаряжении, с короткими остановками для ориентировки па местности и вдобавок на пустой желудок у кого хочешь из головы выбьют всякие посторонние мысли.

Солнце уже зашло, над землей стлался легкий туман, опустилась темнота. Лязгая гусеницами, из-за деревьев выползли три наших танка. Они получили по радио приказ присоединиться к своей бригаде, разместившейся па почь где-то в соседнем лесу. В домишко, рядом с которым паходились мы, перебрался штаб батальона. Через разбитое окно было видно, как адъютант, поручник Охальский, корпит над картой, то и дело ругает кого-то, протирает очки и по телефону отдает распоряжения «Березе»: направить «Ольху» за сведениями к «Голубым» и подослать ему обещающую «Рябипу». Он во все горло вспоминает чью-то там мать и требует разговора с самим хозяином «Березы». Радиотелеграфист, как надтреснутая патефонная пластинка, повторяет:

— «Сосна», «Сосна», здесь «Елка», здесь «Елка». Слышишь меня? Слышишь меня? «Сосна», отвечай, здесь «Елка»... прием!

Вкопец загнанные связные беспомощно снуют вокруг. Бормоча себе под нос пугливые проклятия, они неуверенно расходятся в незнакомые и негостеприимные сто-

роны, только бы исчезнуть из поля зрения рьяного адъютанта. Поручник Охальский, хотя парень он и молодой, из последнего довоенного выпуска школы подхоружих, отличается твердым, почти старорежимным взглядом на дисциплину. А связные, искушенные в штабных порядках, знают, что лучше постоять где-нибудь в сторонке, чем показывать начальству свою неосведомленность и уже от порога искать дорогу. Адъютант зол, аж искры сыплются: сведений о противнике, располагающемся за капалом, нет; поддерживающая батарея куда-то пропала; командира батальона вызвали к командиру полка, а с тем нельзя связаться, и вообще неизвестно, где находится штаб полка.

«Черт знает, что за кавардак! Утешает только то, что фронт все же движется к Берлину!» — ругает Койтых штабную организацию связи.

В чем-то он прав. Когда преследуешь противника, наступаешь ему на пятки, весь ход войны, несмотря на собственные потери, окрыляет. И каждая отбитая у противника полоса его обороны вдохновляет все больше. Мы рвемся дальше и дальше в вырубленный грабатами коридор, слепые ко всему, что делается вокруг. Каждый очередной успех возбуждает азарт, зовет к новым: вот еще отобьем ту рожицу, ту высотку, вот бы еще догнать ту группку противника, которая удирает буквально из-под наших стволов... И только когда остановишься, чтобы перевести дыхание, осмотришься по сторонам и оглянешься назад, а еще, не дай бог, взглянешь сам на себя со стороны, вот тогда только тебя охватит ужас. Мама родная, что же будет в случае внезапного вражеского контр наступления?

Из-за деревьев появляется группа разведчиков, наискось пересекая двор. Во главе шествует командир взвода, тот самый, который под Вроцлавом знакомил меня с неприступной украинкой. На нем тесноватый для него немецкий мундир, на голове — полевая немецкая фуражка. За ним шагают его ребята в пятнистых маскировочных куртках, палегке, без лишнего снаряжения, а за ними, в самом конце, бодро вышагивает своими худыми ногами... не кто иной, как Сташек — сын нашей роты. У него на шее автомат, к поясу прикреплены две гранаты и запасной диск в холщовой сумке, на лице застыла мина Наполеона после победы под Аустерлицем.

— Пап поручник Дросик,— проговорил Койтых,— ведь они идут брать «языка», и этот молокосос с ними. Прикажите его задержать!

Дросик заморгал глазами, крикнул в раздумье, однако, прежде чем он принял решение, нас заметил командир разведчиков и весело замахал нам рукой в знак приветствия.

— Пошел? — громко спросил я, кивнув головой в сторону канала.

— Пошел! — Не замедляя шага, разведчик сделал рукой характерный жест отчаянной отваги и многоэтажно выругался при этом.

— А зачем парня нашего тащишь с собой?!

Сташек, который еще раньше заметил нас, но сделал вид, что не видит, засеменял теперь быстрее, прячась за идущего перед ним солдата, а командир разведчиков только отмахнулся:

— Да не прогнать его! Пусть идет, немецкий он знает, расплох сукиных сынов застанем...

— Сташек, стой! Говорят тебе, стой, сопляк! — внезапно взорвался Дросик.

Мальчишка вздрогнул, огляделся и в нерешительности остановился, повернувшись к нам лицом. Потом, быстро щелкнув каблуками, отдал честь и, едва оторвав пальцы от козырька, в испуге поднес их к носу своим типичным жестом. Из большой плащ-палатки торчат лишь его голова на тощей голой шее и топечки, в обмотках, погы. У него вид неоперившегося испуганного цыпленка.

— Ты куда дел Ключа? — спросил Дросик.

Вопрос не меньше, чем нас, застал Сташека расплох, но он, и глазом не моргнув, быстро ответил:

— Он у минометчиков задержался. Туда как раз кухня приехала, и он сказал, что ее в роту привезет.

— А ты куда, в разведку? — Едва заметная улыбка на лице Дросика стянула морщинки вокруг глаз. По всему видно, он доволен храбростью парня.

— В разведку... — И Сташек точь-в-точь повторил ругательство командира разведчиков.

— Ну что ж, вижу, кое-чему ты научился... — покачал головой Дросик и так же спокойно продолжал: — Если я еще раз услышу от тебя что-либо подобное, то так ремнем отхожу, что месяц не присядешь. Понял, пегодник? А теперь — марш!

Сташек завертелся юлой и помчался за уходящей группой. Большой автомат тяжело колотил его по спине. Дросик посмотрел ему вслед, хлопнул ладонью по прикладу одного из лежавших у стены наших облегченных автоматов и проворчал по адресу разведчиков:

— Вот черти, не могли дать мальчишке настоящего оружия. Старый автомат несмышлепышу подсунули...

СНАЙПЕР

Со стороны капала доносились звуки одиночных выстрелов. Вспыхнула ракета, низко над краем леса потянулись на ночную бомбежку самолеты. В нашем домишке окна уже завесили одеялами, кто-то то и дело входил и выходил, радист опять монотонно упрашивал псевдиму «Калину» ответить ему. Не дождавшись приезда кухни и даже не сняв сапог и гимнастеров, мы завалились на расстеленные на полу плащ-палатки и, накрывшись с головой шинелями, тотчас же погрузились в чуткий фронтальной сон. Только Юрек все вертелся с боку на бок.

— Вальдемар, ты спишь? — услышал я его шепот и еще глубже пятачул на голову шинель. — Ты что, спишь? Ответь, бычина... — В голосе Юрека зазвучало отчаяние.

— Сплю! — ответил я в конце концов, не высовывая, однако, головы из-под шинели.

— Эх, немного ж тебе надо, — вздохнул Юрек. — Только бы чуть фрицев отогнать, живот пабить, чем попало, я на боковую.

— А тебе что не спится? — Я отбросил шинель с лица.

— Не могу заснуть! — Юрек перевернулся на живот, улегся щекой на скрещенные ладони и снова тяжело вздохнул.

— Почему не можешь? Есть хочется?

— Ладно, ладно, издевайся. Выть хочется, понимаешь?

— Выть?

— Выть! По-собачьи, черт побери!

— Ну, вой. Только отойди подальше, потому что здесь тебе Охальский помешает, да я людей разбудишь.

— Эх, если бы вообще можно было уйти... Ушел бы, пешком бы ушел! — Скорбь и тоска, звучащие в голосе Юрека, окончательно пробудили меня. Я не люблю таких

разговоров, но ночь полна звезд, а душистый табак на клумбе перед домом пахнет, совсем как в родных краях. И, успокаиваясь, я говорю мягко, с легкой иронией:

— Товарищ поручник мечтает, да? О своих, о доме... Мне в партизанах тоже мечталось. Я это знаю. Поначалу всегда все ново, интересно, тогда и мечтать некогда, а потом найдет такая тоска, что хоть ложись и помирай. Глаза ни на что не смотрят. Тогда или этакое разочарованного салонного льва разыгрывай, или, если в одиночестве, то садись и... портянки перематывай. А потом душа только ноет, ноет, но не болит. Привыкнешь, Юресь. А теперь спи и не тревожь других.

Юрек, однако, поднял голову, оперся на локоть и тихо проговорил:

— Как подумаю, что с ней теперь... Эх! — И он с силой ударил кулаком по лежащему рядом патронташу.

Мерное дыхание Дросика затихло, часовой, шагающий взад-вперед вдоль изгороди, остановился, прислушался, потом кончик его штыка вновь задвигался за окошком по краю неба над неровными верхушками деревьев. Франек вахрапел. Заинтересованный, я спросил:

— Кто она? Медсестра?

— Какая там медсестра! — Юрек повернулся ко мне. — Неужели не знаешь? Она...

— Ну, кто? Может быть, эта... ну та, твоя немка?

— Эх, если бы ты ее видел! — ответил Юрек, растягивая слова. — Ты знаешь, у нее такие огромные зеленые глаза, но с разным оттенком, в зависимости от настроения или погоды. Волосы вьющиеся, скручиваются колечками возле ушей. Веришь ли, как-то зарылся я лицом в эти кудри, так обо всем на свете забыл. А фигура какая! — Он заговорил быстрее, как бы опасаясь, что я его прерву. — Как падепет туфли на высоком каблуке, то с меня ростом — метр семьдесят восемь, во! Талия — двумя пальцами обхватишь, а уж грудь, ноги — первый класс, как говорят Койтых. Когда задумается, губки так смешно-смешно падувает. Нос, пожалуй, чуть-чуть длинен да зубы такие... два верхних — эти чуть кривые, поэтому, когда засмеется, становится похожей на кошку. Видел, как они смеются? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Одена-лась она всегда скромно, но со вкусом. Я тоже фасон держал: знай нашего брата, поляка! Иногда такими сапогами форсил, что в них, как в зеркало, смотришь. Галифе —

габардиновые, куртка — английского покроя. Люди на улице на нас оглядывались... Вальдемар, спишь?

— Нет, продолжай.

— Знаешь, что?

— Ну?

— Закурил бы, а?

— Спрашиваешь!

— А есть?

— Идиот!

— У меня тоже нет. — Юрек вздохнул, опять перевернулся на живот. — Нужно было взять несколько штук пемекных у того... как его... Витковского. Хороший парень. Из художественно-цирковой группы, говорит. Гм... мы все здесь акробатикой занимаемся... А знаешь, она тоже курила...

— Юрек, ты все еще в нее влюблен?

— Я? Видишь ли, она самая хорошая девушка из всех, кого я знал.

— А что у нее другие были, что немка она, тебя не смущает?

— Да... ты прав. Она сама мне рассказывала о своих прежних знакомых... А знаешь, когда она поняла, что будет ребенок, то лишь с удивлением заметила: «Я еще никогда не беременела, вот ужас». Так и сказала. Вообще у нее каждое второе слово «ужас», так, знаешь, с придыханием, как кот фыркает. А кожа у нее, слушай, такая гладкая, как бархат. За два дня, бывало, загорит — вся брозавая, а всю зиму на плечах — белые полосы от купальника... — Юрек гладил ладонью футляр перископа. — Если три дня с ней не увижусь, хожу сам не свой... А что другие были, так теперь святых нет, а Люблин ты ведь знаешь: стоит в одном конце города чихнуть, как в другом говорят «на здоровье». Это мои так называемые друзья сделали из нее и немку, и все остальное... Я верю, что она настоящей женой будет.

— Так какого же черта ты от нее убежал?

— Эх, брат... говорят, что мужик задним умом силен. Теперь мне пачкать на все эти разговоры...

— Да, заяц хватился, когда хвоста лишился. Ничего, Юресь, утешайся: нет худа без добра.

— Или наоборот... — с обидой ответил Юрек. — Пока она была уверена в том, что я живой, она знала, что я к ней вернусь. А теперь, после этого дурацкого извещения о моей

смерти, или сделала аборт, или... хуже того. Надо ведь как-то жизнь свою устроить.

— Юрек, а если начистоту: ты женишься на ней, когда вернешься?

— Да, конечно, да! — Он как-то по-особому тепло выговорил это и снова спрятал лицо, уткнувшись в плащ-палатку.

— Юрек, дурачок, послушай-ка, на ком же ты хочешь жениться? На дочери фольксдойче? И это ты, офицер? Ведь между нами и ими — пропасть на всю жизнь. Понимаешь? Я, видишь ли, когда еще работал в подполье, познакомился с одной... Галиной ее звали. Молоденькая, двадцать два года, так что эта твоя... Как ее зовут?..

— Рената...

— ...эта твоя Рената, говорю я тебе, и в подметки ей бы не годилась. А к тому же еще и умница была, пачитанная, стихи любила. Ну и я русскую и немецкую поэзию неплохо знал. И вот так, потихоньку, с помощью стихов, прибрал ее к рукам... А потом эта девчоночка предложила мне работать в гестапо. А я-то уж в нее втюрился по уши. И тоже — морду в ее волосы, словно в небо возносился. Но через месяц после того ее предложения штаб нашей организации вынес ей смертный приговор. Мне хотелось это сделать самому, без шума и наверняка, у нее дома. Мое начальство, однако, испугалось, не дрогну ли я в последний момент...

— Ну и что дальше? — Юрек подпер бороду руками.

— Исполнить это поручили одному моему товарищу по организации. К этому времени Галина уже переехала в Седльце и открыла там свое кафе. Именно в этом заведении Зигмунд, тот самый товарищ, и решил все осуществить. Но то ли она и его околдовала своими глазами, то ли еще что, только две его пули попали ей в шляпу. Такой, знаешь, роскошный цветник был у нее на голове. После, когда она укрылась за буфетной стойкой, он еще раз шесть резанул вслепую по этим стеклянным полкам с пирожными. Отштукатурил кремом всю стену, попал в буфетчицу, в этакую мымру, а Галину даже не задело. Ну, позже от начальства ему досталось крепко, и только тогда мне разрешили самому ею заняться. Однако эта стерва не стала меня дожидаться, выиг исчезла. До сегодняшнего дня не могу себе этого простить... Как видишь, с такими целями цацкаться.

— Постой... — Юрек тяжело дышал. — Не будь ты большим католиком, чем папа римский. Я тоже считаю, что все предатели заслуживают виселицы. Но ведь Репата — только дочь фольксдойче, она не только никому ничего плохого не сделала, а, наоборот, помогала кому могла. Впрочем, сам посуди: после освобождения были арестованы все, кто добровольно подписал фолькслист¹, а ее ведь не тронули. Не хотелось бы только, чтобы ее отец возвратился после войны... тут уж действительно были бы неприятности.

— А где он теперь обитает, не знаешь?

— Я слышал, что на западном фронте. Репата неохотно говорит на эту тему... Правда, в эти дни немцы оттуда много сил перебрасывают на наш фронт.

— Ну вот, может, и встретитесь.

— Не издевайся... Для него было бы лучше не встречать меня на своем пути. Ты ведь знаешь, как я стреляю... А что касается Репаты, то...

Серия сильных взрывов, потрясая воздух, прервала его слова. Мы подняли головы, прислушались.

— Это за капалом,— определил Юрек.— Смотри-ка, ракеты, а то были, видно, граматы.

— Нет, скорее, мины... — Я замолчал, потому что на немецкой стороне всю растахтелись ручные пулеметы и наши огневые точки открыли бешеный огонь.

— Что за черт, или это контрнаступление?.. — беспокойно проговорил Крепцкий, поглядывая на окна домика лесника, где разместился штаб батальона. Дросик заворочался и откинул полы шинели, мгновенно пробудившись.

— В чем дело? — спросил он, заметив, что мы не спим.

— Черт его знает,— ответил я.— Видно, разведчики напоролись на мины или их обнаружили немцы.

— О, холера, а ведь с ними Сташек. Зря я его пустил! — Дросик сел, почесываясь.

Мы прислушивались долго. Огонь немного затих, где-то далеко бухнула еще ручная грамата, в нашей хибаре приглушенно зазвенел телефон. Телефонист отозвался условным паролем, и заспанный голос Охальского приказал, чтобы Александрович прикрыл «Ольху».

¹ Ф о л ь к с л и с т — документ, подтверждающий принадлежность к немецкой национальности. Лица, подписавшие фолькслист, практически давали согласие сотрудничать с оккупантами.—
Прим. ред.

— Точно, разведка возвращается,— забормотал Дросик, укладываясь опять.— Если что будет нового, разбудите,— донеслось из-под шинели. Койтых во сне перевернулся на другой бок. Юрек продолжал прерванный рассказ. Хорошо так лежать в безопасности, вдали от огневого рубежа, под надежной крышей...

Я невольно поежился от одной мысли, что я мог бы быть на месте разведчиков, ползти в свете ракет, под разрывами мин или переправляться вплавь через капал под огнем вражеских пулеметов.

— Мы бы с ней на побережье выехали или еще куда, где ее никто не знает,— доносились до моего сознания слова Юрека.— Я бы работал и учился, она тоже могла бы найти себе работу. А кроме того, нам, фронтовикам, ведь помогут, наверное, после войны. Так что, думаю, и без ее отца обойдемся. А вообще Нижняя Силезия мне нравится. Горы, замки... столько живности всякой в лесах, а дороги... Меня так и подмывает написать ей.

— Ты что, ошалел?

— Вот возьму и напишу. Что то извещение — липа!.. Да пойми ты! — наклонился ко мне Юрек.— Ведь это так, как если бы надо мной висел смертный приговор и... не могу я без нее!

— Ничего, другую пайдешь.

— В том-то и дело, что другую... совсем другую...

— Чудак. Почему совсем? И у этой будут и поги, и волосы, и глаза, ну и все остальное. Ну, если чуточку и не такие, то не страшно... — У меня уже не было сил продолжать разговор серьезно.

Однако Юрек, не заметив моей пропни, продолжал, медленно выговаривая слова:

— Слушай, а я ей уже написал...

— Написал? Да ты что, снятил?

— Не шуми! Я еще не отправил. Написал, что был в одном деле, так, общими словами, чтобы полевая цензура пропустила, ну и что всякие приключения пережил, но в итоге — жив, здоров и еще, понимаешь...

— Что был в деле, это ты хорошо. А когда же на тебя такое просветление нашло?

— В окопах, когда вдоль Нейсе стояли...

— Так почему же, черт тебя побери, ты не отправил этого письма?

— Я написал его в день форсирования реки, буквально перед тем, как получил боевой приказ, а потом и началось столпотворение. Не было минутки, чтобы отправить его на почту, а с начальством послать тоже не решился, да и с тобой хотел посоветоваться.

— Ну ладно-ладно, утром отдай командиру, а он перешлет дальше.

— Гм... а что подумает Койтых, когда увидит адрес?

— А что ему думать? Скажешь, что захотелось еще раз повидаться. Он ведь человек, должен понять.

— Так ты считаешь, что я правильно поступаю? — В голосе Юрека слышалась едва скрываемая надежда.

— Возможно, и правильно. Как говорится, от любви и глупости нет лекарства, а эти две вещи всегда соседствуют. Спи, Юресь, скоро светает, а утром — паступление. Нужно темного сил набраться. — И я натянул шинель на голову. Нам предстояло форсировать канал, и вся эта история с Юреком сразу же отошла на второй план.

Но заснуть в ту ночь мне не пришлось. Едва я задремал, как на дворе затопали и паша компата наполнилась людьми: это вернулись разведчики. Проснулся и Дросник. Интерес к исходу операции разведчиков оказался сильнее сна.

В компате, ярко освещенной аккумуляторной лампой, молодой командир взвода, с ног до головы покрытый грязью, докладывал Охальскому о результатах поиска. Из его слов мы узнали, что разведчики вплавь пересекли канал левее разрушенного моста, где берега были заболочены и немецкие оборонительные линии отходили далеко в глубь территории. Разведчики долго ползли между кочками, проваливаясь в какие-то ямы, а когда они были уже рядом с вражескими окопами, вокруг них разверзся настоящий ад: кто-то ненароком задел проволоку минного заграждения, и тотчас же на них обрушился пулеметный огонь. Двое идущих впереди подорвались на минах, один был убит пулей, прежде чем командир умелым маневром — отходом назад и во фланг сумел вывести группу из-под обстрела. Разведчики, демаскированные разрывами мин и освещенные ракетами, преследуемые пулеметным огнем противника, уже не рассчитывали на успешный исход операции. Они притаились, выжидая лишь удобного момента для отхода, и только тогда заметили, что Сташека среди них нет. Решено было его искать. Первым поднялся

командир, но тотчас же был ранен в живот трассирующей пулей. Разведчики выпуждены были отказаться от поисков. Они выждали, пока приутихнет огонь, и, забрав раненого командира, возвратились. Раненым занялись санитары, тела убитых остались на том берегу, а что стряслось со Сташеком, никто не знал. Паренек пропал.

Операция провалилась. Единственная польза от нее была в том, что мы убедились в относительной легкости переправы через канал. Наши танки разбили шлюз где-то неподалеку, и уровень воды заметно снизился. Но что из себя представляет система немецкой обороны, выяснить до конца не удалось. Судя по огневым точкам, вражеские позиции, размещавшиеся напротив болота, не слишком оснащены огневыми средствами, но, как обстояло дело в населенном пункте, было неясно.

Когда взводный заканчивал свой доклад о неудачном поиске, певец откуда появился Клюм. От остальных разведчиков, ожидавших во дворе, он уже узнал обо всей истории и потому, ворвавшись в дом как ошалелый, подскочил к сержанту с пагапом в руке. Он топал ногами, кричал, что пристрелит сержанта на месте, а остальных загонит в питрафную роту, если Сташек не пойдет. Сержант не мог и рта раскрыть, чтобы хоть что-нибудь сказать в свое оправдание. Мне никогда еще не приходилось видеть Клюда таким рассерженным. Охальский попробовал его успокоить, а когда уговоры не действовали, он повысил голос, призвав хорунжего к порядку. И тогда этот тихий, всегда спокойный Клюм, тот самый хорунжий Клюм с перебитой переносицей, который не всегда доверял солдатам и боялся начальства, подбежал к адъютанту начальника штаба батальона и стал грозить жалобой на имя заместителя командира полка, созывом специальной комиссии, стал требовать, повсюду при этом на чем свет стоит раненого командира разведвзвода, чтобы немедленно отправляли людей на поиски Сташека. Казалось, что он готов всю армию отправить искать сына роты.

И неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы вдруг не распахнулись двери, а в них не появился... Сташек. Он был с ног до головы в грязи, только глаза блестели. Промокшая насквозь маскировочная куртка свисала фантастическими складками. За поясом у него торчал огромный парабеллум, поперек груди висел автомат. Сташек

стоял в дверях и часто-часто моргал глазами, как будто готов был сию минуту расплакаться.

В комнате стало тихо. На мгновение все словно остолбенело. Первым очнулся Ключ. Он тяжело опустился на край стола и, свесив между расставленными ногами руку с наганом, проговорил сокрушенно:

— Где же ты был? Куда ты, черт тебя побери, подевался? Ну, я с тобой поговорю... — И неожиданно обратился к Охальскому: — Очепь извинаясь, пан поручник, по я так расстроился...

Тем временем Сташек вопросительно взглянул на Ключа и затем, поправив автомат, шагнул навстречу Охальскому. Остановился перед ним, щелкнув каблуками.

— Пан поручник, докладываю о возвращении из разведки... — он прервался, чтобы набрать воздуха, — и докладываю, что не смог выполнить задание до конца, потому что... потому... — Он не закончил фразы, на лице его, измазанном грязью, появилось жалобное выражение, как перед плачем.

— Какое задание? Что с тобой стряслось, малец? — Охальский говорил обычным, не служебным тоном.

— Да говори же, где был? — кричал Ключ. — Слышишь! И что за вид? Откуда у тебя этот пистолет? — Он соскочил со стола и вырвал у парня пистолет из-за пояса.

— Это того немца...

— Какого немца? А пу-ка пальцы из носа!.. — орал Ключ.

Охальский вдруг посерьезнел, рукой отстранил хорунжего и знаком приказал Сташеку говорить.

Тот, заикаясь, начал рассказывать. Сначала по его рассказу трудно было проследить очередность происходившего, но постепенно он успокоился, разошелся, и картина его приключения стала понятной.

Когда разведчики перед самыми окопами немцев направились на мины и попали под пулеметный обстрел, они, беспорядочно отстреливаясь, отпрянули назад, в темноту, а Сташек, окруженный со всех сторон разрывами мин и выстрелами, впервые попав в такой переплет, инстинктивно забился в болото между кочками и лежал чуть живой от страха. Когда немцы перепесли свой огонь вслед за отходившей группой, мальчишка пришел в себя, по лишь спустя некоторое время понял, что остался один. Несмотря на охвативший его ужас, он сообразил, что оста-

ваться на одном месте пельзя. Едва забрезжит рассвет, немцы выловят его из этого болота, как пескаря. Еще перед выходом на задание командир разведчиков втолковывал ему, что самое страшное — задержаться на ничейной полосе. В ярком свете ракет Сташек отчетливо разливал вражеские окопы. Казалось, до них рукой подать. Они начинались на склоне ближайшего холма, поросшего кустарником. Сухая почва и густая темнота, окутавшая эти заросли, представлялись ему более безопасным местом, чем болото, простреливавшееся вдоль и поперек. Он выждал, пока погаснут ракеты, и бегом юркнул в спасительные кусты. И тут неизвестно каким образом оказался во вражеском окопе. Следы трассирующих пуль гасли в том самом месте, где он только что лежал, и парец понял, что возвратиться назад прежним путем ему не удастся. Он начал осторожно красться траншеей вдоль болота в поисках удобного места для перехода. И вдруг душа у него ушла в пятки, когда неожиданно, казалось из-под самых его ног, застрочил пулемет. Он бил из расположенного чуть пониже окопчика, находившегося буквально в пескольных шагах от мальчика. Сташеку как на ладони было видно все гнездо, он даже различал спины пулеметчиков. Он не решался идти дальше по ходу сообщения, а возвращаться прежним путем через болото означало лезть под пули или подорваться на минах. Он вспомнил, как разведчики любили повторять, что гранаты могут всюду проложить дорогу... Высвободил руки — автомат теперь болтался на ремне у груди — и вырвал чеку «лимонки». Затем, широко размахнувшись, как когда-то бросал камни в черные отверстия заброшенных шахт, швырнул гранату в окоп. Пригнулся в траншею и еще долго оставался в таком положении. Когда все стихло и сквозь прутья, которыми крепились стенки рва, перестал осыпаться песок, он хотел выскочить наверх и удрать без оглядки подальше от этого места, но его задержал шум приближавшихся шагов. Прямо на него по траншее бежали два пемца. В свете далекой ракеты Сташек заметил автомат в руках первого и тонкоствольный пистолет у второго. Сам не ожидая, он крикнул: «Hände hoch!» — и также непроизвольно нажал на спусковой крючок автомата, направленного в их сторону. Первый немец схватился руками за живот и уткнулся лицом в дно траншеи; второй выстрелил навскидку, отпрянул назад и снова промахнулся... «Hände hoch!» — повторил Сташек, не опуская своего

автомата и не высовывался из-под козырька, прикрывающего ров. Немец выкрикнул что-то, бросил пистолет под ноги и поднял над головой руки.

— Сразу же бросил пистолет? — прервал его в этом месте Ключ.— Ох и хороший немец тебе попался, с одного слова послушался и не стрелял, а ведь он запросто тебя мог убить, особенно в трапшее это нетрудно, да и патронов у него — полный магазин! — показывал он вытянутую из парабеллума обойму.

— Нет, почему же, он стрелял, только один раз и не попал, а потом уж бросил,— повторил Сташек свое сообщение.

Дросик подошел ближе, взял у Ключа пистолет немца и попробовал потянуть за затвор. Тот не поддавался. Дросик рванул изо всех сил, и затвор открылся, выбросив гильзу стального цвета. Дросик поднял ее и поднес к свету.

— Раздулась... заел выбрасыватель. Вот вам и объяснение, почему он его бросил,— сказал он спокойным тоном.— Они уже давно делают гильзы из железа, по цвету видно. Твое счастье, пацан! Ну, выкладывай, что произошло дальше,— повернулся он к Сташеку.

Переминаясь с ноги на ногу и взглядывая поочередно на всех своими испуганными, уставшими от пережитого глазами, Сташек продолжал рассказывать о том, как, угрожая автоматом, он заставил немца вылезти из трапшеи, как тот талдычил, что не пойдет через болото, потому что там мины, и предпочитает, чтобы его застрелили тут же, на месте. Однако спорить с автоматом Сташека оказалось для него делом безнадежным. Они ползком спустились по склону, и немец сам пошел проход в минном поле. Далее на четвереньках по илистому рву, под редким обстрелом они пробирались вниз к каналу. Сташек подгонял немца стволом автомата и непрерывными: «Шнеллер, гнида, шнеллер...»

«Гнида» была довольно высокой, упитанной и, видно, не глупой, так как, сообразив, что имеет дело лишь с одним мальчишкой, который к тому же сам перепуган, она вдруг взбунтовалась. Поначалу немец сделал попытку неожиданно побольнее лягнуть своего юного конвоира по зубам, но тот предусмотрительно держался на почтительном расстоянии и молниеносно отреагировал, выпустив поверх головы своего пленника автоматную очередь. В ответ на это немец плюхнулся в тину и заявил, что дальше никуда не пойдет,

пи на шаг не тропется с этого места, и точка. Напрасно Сташек громко клацал затвором автомата, напрасно клялся, что непременно осиротит детей этого немца, напрасно уговаривал его, как мог «нежнее», и по-русски, и на силезском диалекте — ничто не помогало. Тогда он дал поверх головы пленного короткую очередь, а когда тот почти потерял сознание от страха, втянул его в воду и, сам едва не утонув, переправил на нашу сторону. Самое неприятное случилось потом. Об этом Сташек рассказывал срывающимся голосом.

— ...А на нашей стороне он ногами зацепился за дерево — и пи с места. Я уж и упрасивал его, и грозил — ничего. Фыркает только и зубами скрипит, ну чисто собака. Уперся. Видно, ему стыдно сделалось, что такой большой и здоровый, а я его, как ребепка...

— Ну, а дальше что? — спросил Охальский, не очень-то доверяя, видно, рассказчику.

— А к дереву его привязал... наши окопы уже были недалеко. Ну, я как только дошел к своим и доложил об этом поручику Александровичу, он направил туда ребят, а мне приказал идти в штаб. Немца должны привести сейчас, а я сам уже не мог...

— Пристукнул бы его там, в окопе, да и деру! — горячился Ключ.

— Да, пристукнул!.. А разведчикам еще раз пришлось бы идти за «языком» и через мины лезть, — отвечал Сташек. Он стоял, согнувшись под тяжестью автомата.

В сенах раздались шаги, заскрипели двери. Двое солдат прикладами карабинов втокнули в комнату дрожащего от страха обер-лейтенанта вермахта.

— Справа, короткими перебежками... марш! — Пригнувшись за песчаным холмиком и повернув назад голову, Юрек спокойно выкрикивал команду. Ему нужно подтянуть свой взвод на одну липию с моим. Солдаты вскакивали один за другим, пробегали несколько шагов под беспорядочным огнем вражеского пулемета, снова падали и привычно маскировались за каким-нибудь ближайшим укрытием.

Поблескивают штыки, матово отливают на солнце конусообразные глушители ручных пулеметов. Оба наших взво-

да выдвигаются на исходные позиции для форсирования канала. Я лежу на животе рядом с Юреком и наблюдаю за своими ребятами, растянувшимися длинной цепью, успевших уже окопаться. В бинокль я еще и еще раз оглядываю вражескую сторону.

Взятый Штаеком почью в плен командир немецкой роты, видимо, не врал. На нашем участке нам противостоят недоукомплектованный батальон фольксштурма¹ и остатки отдельных разбитых фронтовых подразделений. Они располагают даже самоходными установками типа «фердинанд», которые, однако, из-за отсутствия горючего зарыты в землю на западной окраине городка, где твердая почва и пологие берега канала создают возможность для танковой атаки с нашей стороны. Там же немцы сосредоточили свои основные силы, а участок по болоту и напротив разрушенного моста защищается лишь несколькими пулеметами и отдельными фольксштурмовцами.

Пока что все соответствует информации обер-лейтенанта. С самого рассвета справа от нас не умолкает интенсивная перестрелка, грохочут танковые орудия, и на том берегу поднимаются к небу черные столбы дыма. По всему видно, что наши танки изрядно потрепали неподвижных «фердинандов». На нашем участке лишь изредка прогремит короткая пулеметная очередь, а над окопами противника висит сторожкая тишина.

Обер-лейтенант, правда, пытался еще молоть какую-то чушь о существовании бронетанковых резервов, которые вот-вот должны-де подойти из Чехословакии, о поддержке авиации и некоем «секретном оружии», о вводе в бой которого заявил Гитлер и которое сметет-де с земли все войска союзников и заложит фундамент победы «тысячелетнего рейха». В ответ на это он получил от Клюда обещание заработать пулю в лоб. Такая перспектива помогла немцу сразу же прийти в себя, и он тут же стал уверять всех, что «наци» — это свиньи, а он — всего лишь офицер запаса, до войны работавший скромным бухгалтером в банке, и что население ближайшего городка не успело эвакуироваться...

— Вот здорово! — развил эту тему Юрек. — Как войдем в городок, сразу же велю какой-нибудь немке приго-

¹ Фольксштурм — ополчение, куда в последний период войны гитлеровцы мобилизовали стариков и подростков. — *Прим. ред.*

готовить яичницу из десяти яиц, помоюсь в ванне и переоденусь в чистое белье, а потом пойду искать табачную лавку. Уж и накурюсь я, за все дни! Ведь дадут же нам отдохнуть там, как ты думаешь? — Он поднес к глазам бинокль и с удовольствием разглядывал черепичные крыши домов. Утром к нам приезжала полевая кухня с кофе и вчерашней подгоревшей кашей на свиных шкварках, однако, как бывает всегда после плохого сна и перед боем, есть никому не хотелось. Теперь же, когда и солнышко поднялось, пригрело и цель нашей атаки вполне досягаема, у всех разыгрался аппетит. Черт побери, сейчас хоть бы той каши! У Юрека же гастрономические запросы куда больше, поэтому он никак не мог успокоиться и возбужденно водил окулярами бинокля из стороны в сторону.

— Тапки, по всему видно, уже перебрались на ту сторону. Первыми, черти, войдут в город и все полопают. Им ведь с набитыми животами не ходить, они ездят, им — трескай хоть за двоих, за троих, про запас... О, кажется, первая и вторая рота тоже за танками пошли. Слышишь, автоматы затрещали... Ого, и слева, видать, твой дружок Витковский тоже переправляется. Видишь, что-то там сверкает, да и крик какой-то. Ну как, двигаем?

— Подожди... Пусть другие немного поразомнутся... а мне хочется полежать еще на сухом песочке, в укрытии. Да и вода в канале, наверно, холоднющая, и еще этот пулемет на нервы действует.

Если говорить начистоту, то я чувствовал какую-то неуверенность. Вместо хорошо укомплектованной штурмовой группы я имел в своем распоряжении только мой взвод, лишенный к тому же лучших стрелков и одного ручного пулемета, да столь же слабо вооруженный автоматическим оружием взвод Юрека. При форсировании Нейсе у меня были и ручные пулеметы, и гранатометы, и противотанковые ружья, да еще четыре собственных «дегтярева». Вот это поддержка! А теперь поддерживающие средства и третий взвод помогут нам лишь огнем со второй линии и поднимутся только тогда, когда мы займем плацдарм на том берегу. Ну, разумеется, эту сегодняшнюю оборону и сравнивать нельзя с той, на Нейсе, но тем не менее мы движемся... Вот только обождем, пусть наши танки вклинятся поглубже, пусть соседние роты подожмут немцев на флапгах. В одной линии двумя взводами преодолеем несколько десятков метров песчаного ската, отделяющих нас от воды,

затем — через канал и сразу вправо, в направлении разбитого моста. Там расположился немецкий пулемет. Наши противотанковые ружья заставили немцев спуститься вниз и укрыться между покореженными сваями и бетонными плитами под последним, торчащим из развалин мостовым быком. Оттуда пулемет и строчит почти без перерыва. На самом же быке, видимо, нет никого. Вершина у него довольно острая, зазубренная, там с пулеметом не засядешь.

— Слушай, Дросик рвет и мечет из-за того, что мы не двигаемся, — сказал Юрек, обернувшись назад. И действительно, командир роты грозил нам кулаком из-за куста можжевельника, растущего на краю леса, что-то кричал и, хотя его слова заглушались нашими минометами, их смысл был мне понятен.

— Что это ему вдруг приспичило? — удивился я. — Ну, добро! Юрек, слушай меня внимательно. Одним броском надо добраться воп до той баржи у берега. Она нас прикроет от пулемета, который бьет из-под развалин моста. Видишь, как его обрабатывают минометчики? Сюда бы, холера, какую-нибудь пушечку, одного снаряда для него хватило бы... Ага, замолк! Теперь бояться нечего. Когда выберемся на тот берег, то и ручными пулеметами его придушим, а если Дросик переправит минометы — амиш фрицу...

— Отлично. Ну, командуй, — ответил Юрек, пристегивая бинокль, чтобы не болтался, и вынимая пистолет. Я быстренько откинул приклад автомата, подоткнул под поясной ремень полы шинели, поднял руку:

— Вперед!

Первым вымахнул из окопа пулеметчик из взвода Юрека. Он пробежал по инерции еще несколько шагов, прежде чем упал, недвижимый, раскинув руки. Почти одновременно с ним скосили командира отделения, перерезав его пополам пулеметной очередью, а также высоченного солдата, который, не выпустив из рук карабина, рухнул как подкошенный лицом в песок. Немецкий пулемет хлестнул по нас откуда-то слева. Едва мы залегли, как он умолк.

— Справа, по одному, короткими перебежками, марш! — крикнул я по цепи. Пулемет, находившийся под мостом и державший нас под прицелом как на ладони, молчал. Видно, накрыли-таки его минометчики! Однако выстрелов оттуда следовало ждать каждую секунду. Во что бы то ни стало необходимо было вырваться с этой проклятой

песчаной гряды, открытой со всех сторон, на которой каждый солдат издалека заметен, как чернильная клякса на желтой бумаге. Но, стоило только кому-нибудь подняться, слева раздавалась длинная очередь, пересекая путь бегущего свистящим потоком пуль. Так, понятно: когда лежим, мы вне обстрела, а приподымись хоть на полметра от земли...

— Ползком! Быстрее, быстрее, ребята! — Ракетами, которые выпускаю почти пад самой землей, я показываю направление пулеметного огня. Солдаты быстро сползают на дно песчаной выемки. Но почему же подносчик патронов, который взял ручпой пулемет из рук убитого стрелка, вдруг судорожно дергается и падает с простреленной головой? И почему другой пулеметчик, мипуту пазад прикрывавший огнем нашу цепь, тоже лежит неподвижно, а песок вокруг его головы постепенно окрашивается в красный цвет? Наконец, почему же и капрал сначала кричит что-то истошным голосом, отчаянно палит из автомата куда-то вверх, а затем падает, корчась от боли? Разрывной пулей, видно, ранило, потому что даже шапка с головы слетела... Что же происходит, черт побери? Откуда эти размеренные выстрелы из маузера?! Спайпер! Но где он? Еще выстрел, и еще один наш пулеметчик уткнулся лицом в пулеметный диск. Его помощник пытается вытащить пулемет, накрытый телом убитого, и при этом весьма благоразумно прячется за своего товарища... Выстрел. И ему в голову, хотя он и был прикрыт... Мостовая опора! Вот откуда стреляют! Брачковский тоже показывает в ту сторону, стреляет, торопит своих ребят укрыться под надежной защитой железной баржи. Парни срываются с места, но тут же ложатся, прижатые к земле пулеметным огнем слева. А па верхушко быка разрушенного моста то и дело вспыхивает светлячок выстрела. Стреляют метко: выстрел — и жертва, выстрел — и новая жертва. Все попадания в голову разрывными пулями. Немецкий снайпер расположился, лежа на быке, защищенный плитами потрескавшегося бетона. Из узкой щели выглядывает только ствол его винтовки. Все наши ручные пулеметы уже, кажется, безошибочно пристрелялись и бьют в то место, но безрезультатно...

— За баржу, за баржу, ребята!

Оставляя на своем пути убитых, мы наконец добираемся до спасительной баржи. Запыхавшись, за ее низким бортом мы чувствуем себя, как в мышеловке. С опушки леса,

по-видимому, также заметили фашистского убийцу, поскольку один за другим раздаются резкие выстрелы из противотанковых ружей. Однако стоило мне на мгновение приподнять голову, чтобы увидеть фонтаны искр на металлической балке от попаданий снарядов, как тут же пуля снайпера ударила в борт баржи всего в сантиметре от моего лица. Немец попросту смеется над противотанковыми ружьями, так же, как издевался он, когда мы стреляли из пулемета. Его укрытие надежно, и он один терроризирует нас всех. Плохо и то, что наша баржа лежит наискось к берегу, наклонившись на один борт. Второй же борт, как и корма, почти полностью погружен в воду, и поэтому всем нам баржа не может служить хорошей защитой. Часть бойцов вынуждена сидеть по горло в воде, а когда они пытаются изменить позицию, снайпер тут как тут: пуля звонко ударяется о металлическую обшивку суденышка. Более того, вражеский пулеметчик перебрался, похоже, на лучшее место: неожиданная очередь взрылила песок рядом с носом баржи и опять загнала всех в воду.

Брачковский пацепил фуражку на ствол автомата и приподнял над бортом. Ее мгновенно сорвала пуля. Пулемет пристреливается все точнее, буквально заходя нас под погруженное в воду днище баржи. В глазах ребят я вижу отчаяние. Они понимают, что прежде, чем командование роты успеет что-либо предпринять, пулеметчик нас всех либо перестреляет, либо оттеснит под корму, а снайпер, по всему видно, только того и ждет, поскольку что-то уж очень долго молчит. Единственный выход — пуститься вплавь через капал. Может быть, хоть пескольким удастся спрятаться под безопасным прикрытием того берега, а потом снять снайпера пулей или гранатой...

— Юрек,— сказал я,— останешься здесь с двумя ручными пулеметами. Попытайся прикрыть нас. А мы попробуем из воды обстрелять его...

Но Юрек, о чем-то глубоко задумавшись, смотрел на меня невидящими глазами, затем, медленно повернувшись в сторону убитых, так же медленно произнес:

— Все из моего взвода... Постой, постой...

— Пан поручник! Вижу его... карабин перекладывает, голову высунул! — внезапно перебил его Брачковский, который сквозь какую-то пробойну в борту внимательно наблюдал за снайпером.

Юрек прислушался, глаза у него расширились. Он неожиданно выхватил из чьих-то рук карабин и отрывисто проговорил:

— Висуньте шапки!.. Ну, быстрее, быстрее! — И наложил на локоть ремень карабина, чтобы стрелять с руки.

— Юрек, ты что? — Я хотел положить руку ему на плечо, но в этот момент раздался выстрел снайпера, и одна из поднятых над бортом шапок слетела в воду. Не обращая внимания на пулеметную очередь, Юрек двумя прыжками перебежал к носу баржи, держа карабин на изготовку. Снова прогремел выстрел, и Кренцкий вихрем вылетел из-за укрытия прямо под огонь снайпера. В эту же секунду Юрек выстрелил...

— Есть, есть, попал! Вперед! — закричал во все горло Брачковский и, не целясь, стреляя перед собой, бросился в воду. Прыгая вслед за ним, я краем глаза заметил, как что-то длинное и тонкое упало с опоры моста: это карабин снайпера. Юрек в том же положении, как при стрельбе, защищенный от пулемета бортом баржи, медленно перезарядил карабин.

— Вперед, ребята! — Увлекая за собой и Юрека, мы бросились в воду. Кренцкий молчал, бледный как полотно. Он отдал уже карабин солдату, и в руке у него опять был пистолет. Он шагал в воде, какой-то равнодушный ко всему, по-прежнему всматриваясь в ту точку, откуда только что бил снайпер, и как бы все еще не веря, что оттуда больше никто не стреляет.

— Юрек, дружище, спаситель ты наш! Ну и уделал ты его, черт тебя побери! — Я тащил его за собой. Глубина достигала лишь до пояса, ширина канала тоже невелика. Спустя минуту мы были уже на другом берегу. Минометы перестали стрелять. Брачковский швырнул две гранаты туда, где под опорой моста находился пулемет. Солдаты нестройно бежали, стреляя из автоматов по верхушке мостовой опоры, откуда безвольно свисала рука убитого или раненого снайпера.

— В цепь! В цепь! — крикнул я. — Левый фланг — направляющий! Направление — мост! Бего-ом, марш!

Слева слышался треск пулемета. Это тот самый, что так досаждал нам на том берегу. Теперь мы его видели.

— Пулеметчики второго взвода, стой! Слушай мою команду! Слева — дистанция триста, кусты; два пальца

вправо — пулемет. Уничтожить! — Я умышленно подал команду точно по уставу, чтобы пробудить в бойцах чувство дисциплины.

Спустя мигу три ручных пулемета из взвода Юрека подавили немецкую огневую точку. Мы взобрались на насыпь моста. Весь городок — как на ладони. Чуть в стороне дымили разбитые «фердинанды» и виднелись густые, стелющиеся по земле полосы пыли. Это наши танки мчались вперед. Далеко слева от нас еще пробиралась через болото цепочка пехотинцев. Скорее всего, это рота Витковского. Но моих ребят больше интересовали развалины моста. С высоты насыпи хорошо была видна фигура лежавшего на верхушке мостовой опоры снайпера. Пуля Юрека, вероятно, попала ему в голову, потому что лицо снайпера окровавлено. Вот он задвигался, поджал под себя ноги, здоровой рукой судорожно цепляясь за трещины в бетоне, не в состоянии удержаться на наклонной, открытой с той стороны поверхности...

— Прикончить его! Сволочь такая! — с несправедливостью кричали солдаты, поднимая автоматы.

— Не стрелять! Живьем его... — надрывался снизу взмыленный Брачковский. С первым отделением, что осталось внизу, он бросился окружать опору моста в надежде, что немец сам свалится им в руки. Неожиданно для всех Юрек выстрелил из пистолета, и снайпер упал.

Разместив ручные пулеметы на насыпи, мы с Юреком сбежали вниз.

— Все по местам, ребята! Вылить воду из сапог, выжать шинели! — приказал я, выстроив их в шеренгу.

Третьему взводу приказано прикрывать наши тылы. Солдаты втаскивали станковые пулеметы и противотанковые ружья на насыпь, где уже всю хозяйничал Жарчиньский. Подошел Дросик, ссутулившийся, с глубокими морщинами на лице.

— Ну как, живы? Да, попали мы, кто бы мог подумать. Пусть ребята отдохнут немного.

— Отдохнут! — Я укоризненно взглянул на него. — На том свете все отдохнем при такой поддержке. Ты что, не мог подавить тот пулемет, что бил на левом фланге? Я же тебе его ракетами показывал.

— А чем подавить? — удивленно посмотрел он на меня. — Ведь он от нас за добрых восемьсот метров бил.

Минометами не достанешь, а противотанковыми ружьями и пулеметами его и до утра не пащупать. Он же все время менял позиции, да и маскировался чертовски. Мне хотелось подавить хотя бы того, что бил по центру, да спайпера...

— Вот и пужно было сначала его подавить, а потом уж посылать нас форсировать канал. Мы и осмотреться хорошенько не успели...

— Ох ты!..— Командир роты резко поднял голову, по, заметив, что мы с Юреком глядим на песчаник на том берегу, где как раз идет опознание и запись убитых, сдержался и притихшим голосом произнес: — Меня ведь тоже поторапливали... А теперь можете считать, что «Виртути Милитари»¹ у вас уже на груди. Мне поручено поздравить вас обоих.

— Кем? За что? — удивился я. Юрек же принял это известие довольно равнодушно.

— Тебе положено еще за форсирование Нейсе,— серьезно объяснил командир роты.— А Кренцкий представлен за ликвидацию этого спайпера. У нас аж дух захватило, когда он выскочил из-за баржи с карабином. Майор, так тот даже вскрикнул...

— Какой майор?

— Заместитель начальника политотдела армии... вот фамилию забыл. Я поэтому и показывал вам, чтобы вы быстрее поднимались.

— А в чем дело? Он набросился на тебя?

— Он-то нет, а вот Ландсман мне давал знаки.

— Капитан Ландсман? А он как здесь очутился?! — изумленно воскликнул я. Начальник штаба полка в боевых порядках роты? Дросик пожал плечами и произнес в ответ:

— А кто его знает! Только Кренцкий подтянулся к тебе на исходные позиции, как подъехал «виллис», а в нем какой-то майор и подпоручник. Майор представился как заместитель начальника политотдела армии и начал расспрашивать ребят. Тогда и появился Ландсман. В шипели нараспашку, руки в карманах, как на прогулке. Представился тому майору, потом они ходили вместе, с солдатами

¹ «Виртути Милитари» — польский боевой орден.— *Прим. ред.*

разговаривали, а после наблюдали за наступлением. Позже майор все ваши данные записал и приказал своему подпоручнику занести вас в список представленных к «Виртути Милитари». Он все видел: и как пробирались по песчанику, и как Кренцкий отличился. У него аж подбородок трясся, когда он смотрел...

— У любого, окажись на том месте, затрясся бы... Ну, ничего. Юрек, поздравляю тебя, дружище, с орденом! — повернулся я к другу, который по-прежнему стоял какой-то одцепевший, словно сонный. Я толкнул его в плечо: — Что с тобой? очнись. Да, я понимаю, ребят своих жалел. Что делать — война. Сам-то тоже чудом уцелел... Словом, заслужил награду.

— Ох, отстань ты... — Юрек не отрывал взгляда от песчаной косы на том берегу.

— Ну, ну, старик, не расклеивайся, не время... Слушай, а зачем тебе этот маузер? — спросил я, увидев, как он перекидывает через плечо ремень с немецким снайперским карабином, принадлежавшим тому немцу.

— Зачем? Просто он лучше моего... У меня, видишь ли, еще должок имеется неоплаченный... — цедил он сквозь зубы, когда мы шли обратно к насыпи.

— Расплатишься, не беспокойся, — успокоил я. Мы взобрались на насыпь. — И ей можешь написать об этом ордене. Ты ведь хотя бы о кресте «За храбрость» мечтал. Вот она обрадуется!.. — Я специально нажимал на эту тему, чтобы отвлечь друга от воспоминаний о последнем бое. Услышав мои слова, Юрек остановился на середине насыпи, тяжело дыша и грустно улыбаясь, однако я видел, как в его голубых глазах вспыхнули теплые искорки. Он повернул ко мне все еще бледное лицо и сказал:

— Сейчас не это важно, но я напишу, а вернее, допишу, потому что, понимаешь, я еще не отправил письма.

— Ну вот и хорошо. Допиши сй, что орден получил как раз за то дело... что-нибудь выдумай, а вечером отдай письмо командиру. Штабы уже подтянулись, и почта должна ходить.

— Вечером... кто знает, что случится до вечера... — неожиданно вздохнул он в ответ и пошел дальше, а взгляд его опять сделался неподвижным.

— Да что с тобой, в конце концов, происходит, черт тебя побери? Приди в себя наконец! — разозлился я.

— Просто мне как-то не по себе,— ответил Юрек.— Отдохнуть бы немного... Возможно, в холодной воде прохватило...

Лежа за станковым пулеметом на обочине шоссе, отходящего от насыпи, Жарчинский доложил, не отрывая глаз от бивокля:

— Танки уже вышли на противоположную сторону города, пехота еще прочесывает город. Слева вижу еще цепь. А где немцы — ума не приложу. Ни одного не видеть.

Дросик прошелся по нашей цепи, осмотрелся вокруг и наконец подошел к нам.

— Слушай,— обратился он ко мне.— Пойдешь вправо на правом фланге, держись насыпи и далее — вдоль шоссе. Твоя задача — войти в контакт с танками. Ты, Крепцкий,— повернулся он к Юреку,— давай с левого, прочесай лес и соединишься с той группой, что пересекает болотину. А потом оба можете сажать людей на тапки. Я пойду в центре — по шоссе. Старшина уже переправляет машины. Как только подойдут, так пулеметы на них — и айда за вами. Наша задача — оседлать насыпь и ту дорогу, что огибает город. А в сам город нам соваться не зачем. Ясно?

— Ясно. Обожди, только воду из сапог вылью,— ответил я, садясь на землю.— И ты, Юрек, выжми-ка тряпки, а то и впрямь простудиться. А ведь тебе сейчас здоровье ох как нужно! Как же: и кавалер ордена, и будущий отец семейства...— Я осекся на полуслове. Мой Юрек вертел в руках совершенно расклеившийся голубой конверт, из которого высовывался промокший листок бумаги. При этом у Юрека был вид человека, приговоренного к смерти.

Три наших танка мне удалось поймать в нескольких сотнях метров от развилки шоссе, где они стояли, пока охлаждались двигатели. Мы быстро договорились с сержантом, с которым я познакомился накануне. Сержант исполнял обязанности командира танкового взвода, потому что сам командир был ранен во время взятия города.

— Одна машина у нас застряла,— рассказывал сержант.— Пехоты с нами не было, пришлось самим вылезать, чтобы бревна под гусеницы подложить или на буксир взять. Поручник остался сначала в танке, а потом видит, что мы не справляемся, пу и сам выскочил. А тут, на беду, в кусточке, метрах в пятнадцати, их автоматчик сидел.

Выждал, гад, когда поручник сойдет, и как дал очередь. Видно, отстал от своих и уйти не мог, ну и решил офицера прикончить. Ранил он поручника, но аккуратно моя машина разворачивалась, мы и подняли тот кусточек...

Мы стали ждать Кренцкого с его взводом, чтобы вместе сесть на танки для поддержки десанта, однако Юрека все не было. Незадолго до этого из лесу, где предположительно должен был проходить взвод Юрека, до нас донеслось несколько взрывов, но стрелковое оружие молчало и никаких сигналов ракетами не было, поэтому я не волновался за судьбу своего друга. И именно в этот момент, когда я подумал о недавних взрывах, из лесу вышла небольшая группа солдат Юрека. Они остановились в нерешительности, оглядываясь, что-то обсуждая.

— Эдек! — окликнул я связного. — Ну-ка живо к ним и давай их сюда. Может, они нас не узнали.

Но солдаты, стоявшие на опушке, вдруг замахали нам руками, не двигаясь, однако, с места. По всему было видно, что они кого-то ждали. Юрека среди них я не заметил.

— Постой, я сам пойду... — остановил я связного. Какое-то недоброе предчувствие внезапно охватило меня. Я быстро подошел к ним.

— Что случилось? Где остальные?

— Сейчас подойдут. Ждем, — угрюмо ответил капрал Соколек. — Они поручника понесли и еще двоих...

— Что-оо?!

— В лесу, на просеке, были расставлены мины. Взрываются, как шрапнель, на высоте человеческого роста. Поручник шел первым, задел за какую-то проволочку... В грудь ему пара таких пулек попала, и еще двоих ребят задело. На перевязочный пункт их понесли...

— А где это? Далеко отсюда?

— Каких-то двести метров. Но будьте осторожны, там наверняка еще мины остались.

Я побежал по просеке, перепрыгивая через какую-то проволоку, миновал то место, где трава была только что вытоптана и покрыта пятнами крови, и вдруг под старым дубом наткнулся на четырех бойцов. Они сидели вокруг пятого, лежавшего на расстеленной плащ-палатке. Увидев меня, они молча встали. Лицо Юрека было прикрыто полой палатки, расстегнутая шинель и мундир аккуратно расправлены, на груди застыли сложенные ладони, под которыми виднелась окровавленная перевязка. Все еще не веря

своим глазам, я присел на корточки, сдвинул полу плащ-палатки, открыл лицо, схватил за плечи... Вокруг закрытых глаз Юрека залегли темные тени, в уголках спокойных, казалось, даже улыбающихся губ запеклись две ниточки крови. Ветер шевелил светлые пряди волос, сбившихся на лбу...

— Пап поручник, пап поручник! — Я почувствовал, как один из бойцов легонько касается моего плеча, и встал. В глазах солдата — боль и растерянность. В его руках я увидел бумажник и голубой смятый копверт. — Такая уж, видно, судьба. — Солдату очень хотелось утешить меня. — Вот поди ж ты, сам под пулю снайпера вышел, и ничего... а тут на ровном, как говорится, месте... Когда несли его, то он еще улыбался: вот, говорит, я и отвоевался... И все время говорил и говорил, в полном сознании был, а когда скончался, мы и не заметили. И ведь несли его, беднягу, со всей осторожностью, на палатке... Пап поручник, — продолжает он, не дождавшись моего ответа, — здесь вот документы поручника Кренцкого, да еще письмо, видно, к невесте, потому что фамилия на конверте другая. Может быть, распорядитесь отправить по адресу? Прежде чем узнает дивчина о смерти, пусть хоть порадуетесь...

Я взял письмо из рук солдата, разорвал его на клочки и, не оглядываясь, пошел обратно.

ФРОНТ НА КОЛЕСАХ

Несколько дней мы шли по местам, куда до сих пор не упала ни одна бомба, где с пачала войны не слышали ни орудийных выстрелов, ни рева танковых моторов. Мы шли сквозь лесные массивы, по болотам и глухотам, а иногда, выбравшись на проселочную дорогу, патыкались на богатые деревни, аккуратные городки с краснотеричными крышами домов, тонущих в белизне цветущих вишневых и яблоневых садов. Но в них мы долго не задерживались: немного охладить двигателя; обождать, пока командир взвода раздобудет на каком-нибудь немецком складе горючее, заправиться — и дальше в путь.

Эти края — Саксонию и Нижнюю Силезию — немцы называли своим бомбоубежищем. В этой тихой части рейха, долгое время находившейся вне досягаемости для бомбардировочной авиации союзников, прятались семьи фа-

шистских заправил, хранилось все самое ценное из награбленного в странах Европы добра, сюда же в конце войны стекались различные учреждения гестапо, нацистской партии, гаулейтеры, переводились концлагеря, а также другие «детали» разваливающейся милитаристской административно-хозяйственной гитлеровской машины. Таким образом, территория Саксонии стала в то дни огромным скопищем материальных средств и находящихся на краю гибели нацистских «сверхчеловеков».

Однако эвакуированным нацистским главарям нельзя было отказать в умении держать нос по ветру, а когда немецкая оборона на Нейсе лопнула, они улизнули куда-то дальше, и нам до сих пор не удавалось поймать ни одной «пишки» из числа чиновников так называемого генерал-губернаторства.

И наоборот, двигаясь по шоссе, мы часто встречали обычных, гражданских, беженцев. В пыли и в жаре исключительно погожих по этому времени года дней по дорогам плелись равнодушные ко всему беженцы. Мощные бельгийские битюги или волы тащили за собой подводы, нагруженные всевозможными узлами. Старики, подростки и женщины толкали перед собой тачки и детские коляски. На каждой подводе и даже на колясках был укреплён белый флаг, зачастую сделанный из дамской рубашки. У мужчин на рукавах белели повязки.

Увидев нас, люди сходили на край дороги и стояли, сгрудившись там, провожая нас напряженным молчанием. И только заметив изображения орлов на башнях танков и разглядев наши конфедератки и знаки различия на мундирах, они оживлялись, по толпе проносился шепот: «Полен... полен...», а девушки, веснушчатые, с волосами цвета соломы, радостно улыбались нам.

Ребята, конечно, были рады стараться: отпускали шуточки, жестами приглашали девушек сесть рядом с ними на танки. Даже капрал Поблжип в такие минуты молодцевато подбоченивался, подкручивал усы и, грозно поправляя автомат на втянутом животе, заметно подмигивал девчатам. Кто-то в шутку предостерег его от необдуманных поступков: так, дескать, можно и штрафной батальон схлопотать. В ответ на это наш капрал, к пущей потехе своего отделения, совершенно серьезно оправдывался:

— Да куда мне, ребята родненькие, старому, до девок! Я ведь только так, для фасону мигаю.

Людей тянуло на шутку, и это понятно. Самое худшее, казалось, уже позади. Нам удалось прорвать и вторую линию обороны немцев по каналу и реке Вайссер Шёпс, захватить отчаянно оборонявшийся городок Ниски, разбить третью оборонительную линию гитлеровцев на реке Шварцер Шёпс, и на плечах откатывающегося противника мы продвигались все дальше и дальше в глубь вражеской территории. Наш путь лежал через города Кольм, Барут и предместья Будзишина, взятого наступающими на фланге нашей армии советским мотомеханизированным корпусом и пехотной дивизией. Идущим за ними тапковой бригаде и полку нашей армии приходилось вступать в довольно острые схватки с остатками танковых частей противника, с гарнизонами, оставшимися в отдельных населенных пунктах, и засадами, но эти схватки все же скорее можно было назвать интенсивными перестрелками, чем серьезными боями.

Мы же встречали только немногочисленные, беспорядочные группы немцев, которые почти не оказывали сопротивления. За последнее время ребята отдохнули, отъелись на хороших харчах и, довольные, ехали на танках: и места много, и самочувствие в наступлении всегда хорошее. Однако мы не забывали о том, что у врага есть еще резервы, которые он непременно бросит в бой против нашей армии, и это могло случиться в каждую минуту. Поэтому одна машина с отделением автоматчиков постоянно находилась в боевом дозоре, сигнализируя обо всем подозрительном, что встречалось на пути следования. Получив такое предупреждение, все тапки мгновенно разворачивали пушки в направлении вероятной цели, а пешие патрули отправлялись на разведку. Но тревоги оказывались ложными, и мы снова, выслав вперед одну машину, двигались дальше.

Зачастую мы заставляли местное население за их повседневными делами. Люди были одурманены заверениями Гитлера, что наши войска никогда не дойдут сюда, поскольку вот-вот будут вдребезги разбиты секретным все-сокрушающим оружием. Ничего, что орудия гремят уже под Дрезденом, ничего, что связь с окружающим миром прервана, а противник, говорят, находится в десяти километрах от их деревни или городка. Граждане рейха должны свято верить своему фюреру. Вот они и верят, что,

прежде чем неприятель преодолест эти десять километров, от него и духу не останется.

Вероятно, поэтому наше внезапное, без выстрела, появление в какой-нибудь деревушке было таким неожиданным и не понятным для ее жителей. Например, в маленьком городишке Хорка наш передовой дозор, одетый в трофейные маскировочные куртки, был принят местными жителями за представителей войск сателлитов. Ребята охотно продолжали играть эту комедию, пока им не встретился офицер полиции, важно шагающий при всем параде, с собакой овчаркой. Тогда командир патруля капрал Середа, отлично владевший немецким, вежливо представился офицеру, разоружил его, а заодно и пристрелил какого-то типа в мундире СА, который подвернулся в это время и выхватил пистолет, увидев, как «солдаты-союзники» обыскивают коменданта местного полицейского участка. Только тогда жители поняли, с кем имеют дело, и весь городок оцепенел от ужаса. Офицер же был настолько поражен всем происшедшим, что даже тогда, когда на центральную площадь въехали наши танки, а на домах появились белые флаги, он, выпучив глаза, глядел на нас, как на пришельцев с другой планеты, не в состоянии поверить, что мы — обычный польский отряд. И только когда ему приказали сорвать со стены в полицейском участке портрет Гитлера, незадачливый страж порядка третьего рейха, видимо, осознал свое положение, потому что начал умолять нас пощадить его.

В том же самом здании, что и полиция, находился городской магистрат. Чешек Брачковский наведалься туда и вернулся, ведя с собой тучного бургомистра, у которого на лацкане пиджака был приколот серебряный значок нацистской партии. При помощи карманного словаря Брачковский объяснил немцу, что тот является «одним из звеньев фашистской цепи» и в качестве такового должен быть расстрелян. «Но,— продолжал Брачковский,— у бургомистра есть еще шанс реабилитировать себя».

В итоге такой «разъяснительной работы» мы могли убедиться не только в ее действенности, но и в безотказной немецкой организованности. В течение следующего получаса под уличным фонарем рядышком висели начальник местного отделения гестапо и здешний лидер нацистской партии, которых сами же немцы вытащили из домов и повесили, чтобы продемонстрировать свою лояльность по от-

пошению к победителям. Девушки из «Бунд дойчер медель»¹ вынесли на улицы тазы с водой, полотенца, мыло и паперибой предлагали свою помощь, а благообразные матроны из местного общества, подгоняемые энергичным бургомистром, угощали солдат шоколадом, сигарами и раздавали батистовые посовые платочки.

Поближи, поглядывая на девиц, облюховал с видом знатока сигару, а подаренный платочек тут же присоединил к ветоши для чистки автомата. Сержанту-танкисту пришлось не по душе роль задариваемого подарками победителя. И хотя шоколад он упледел, равно как и сигару выкурил, по насчет употребления платочка он выразился довольно кокетливо, а для большей доказательности своего презрения к подхалимствующим фашистам вытер им пыль со своих сапог и выбросил.

Инцидент всей этой комедии Чешек Брачковский, глядя на суматоху, покатывался со смеху, отпускал шуточки и жестами отдавал грузным, не первой молодости шуцманам² различные распоряжения. А они, вытягиваясь в струнку и стараясь сдерживать дрожь в коленях, пристукивали каблуками, твердя лишь одно «Яволь, яволь», мучительно теряясь в догадках, каким же титулом величать этого чужестранного офицера с двумя серебристыми лычками на рукавах, который имеет такую неприятную манеру в разговоре то и дело касаться их животов стволом автомата с квадратным глушителем и объемистым магазином.

Бургомистр бежал за мной, не отставал ни на шаг, осведомлялся, беспрестанно кланяясь, не желают ли еще чего господа военные, и заверял, что, мол, жители города готовы тотчас же доставить все, что требуется. Главное, чтобы господа солдаты сами бы не брали: зачем, дескать, им утруждать себя. И еще он покорнейше просил осторожнее обращаться с огнем. Теперь такая сушь, стоит искру от сигары обронить — возникнет пожар. А кстати, ему хотелось бы высказать одно свое замечание: есть ли необходимость в том, что стволы орудий направлены на перекресток улиц, а наблюдатель, сидящий на башне танка, все кого-то высматривает в бинокль на крышах домов? Ведь уважаемым польским солдатам некого опасаться

¹ «Союз германских девушек» — фашистская молодежная организация. — *Прим. ред.*

² Ш у ц м а н — полицейский (нем.).

в руководимом им городе, который имеет честь принимать их в качестве гостей. В городе имеется пожарная служба, все пожарники находятся на своем посту и, помимо выполнения основных обязанностей, получили приказ зорко следить, не покажется ли где какой-нибудь отряд проклятых наци. В случае чего они моментально предупредят господ польских солдат, чтобы дать им возможность заблаговременно отойти из города на удобные для боя позиции. Исходя из этого, он вынужден повторить, что совершенно излпшними выглядят действия одного тапка, который пробил каменную ограду, въехал в сад и занял там боевую позицию, направив ствол орудия на улицу. А на углу этой улицы находится как раз его, бургомистра, дом, очень хороший, кстати, домик с садиком, а в том садике — оранжерея. Может быть, господин офицер соизволит как-нибудь зайти? Разумеется, городские власти готовят постоянный прием по случаю встречи польских войск, но он от себя лично очень просил бы господ офицеров заглянуть к нему. Жена с дочерью уже давно ожидают этого визита и будут безмерно счастливы, если им удастся лично познакомиться с потомками доблестного короля Ягелло — победителя Ульриха фон Юпгингепа, с сынами народа великого Шопепа и Мицкевича. Все члены его семьи — страстные поклонники польской музыки и поэзии и всегда восхищались славным польским народом. Конечно, сам он прекрасно понимает, что нападение Польши на Германию в тридцать девятом году без объявления войны было продиктовано необходимостью и что Гитлер в своем ответном ударе перегнул палку: взять, например, достойные сожаления события в Быдгощи, во время которых пали многие мирные граждане рейха¹. Даже этот печальный случай не должен был повлечь за собой установление протектората над всей Польшей, хотя польское государство и прежде испытывало определенные административные и экономические трудности. Однако главный виновник всех бед — Гитлер. Он и к власти пришел пелегальпо, вопреки воле немецкого народа, как и та свинья Гиммлер, который всюду совал свой нос...

¹ Имеется в виду фашистская провокация в сентябре 1939 года, когда агенты гестапо, действовавшие под видом поляков, организовали убийство нескольких немецких граждан, повлекшее за собой массовые расстрелы польского населения.— *Прим. ред.*

Я слушал излияния бургомистра без удивления. Ведь даже если надменные эсэсовцы, попадая в плен, начинали целовать сапоги нашим солдатам, моля о пощаде, то стоило ли удивляться поведению погрязшего в мещанском благополучии бургомистра. К тому же на рыночном фонаре оставалось еще место, и стоило мне только кивнуть, как шутманья повесили бы своего бургомистра столь же охотно, как сам он их руками сделал это со своим начальством. Взглянув на его трясущийся подбородок и застывшие от ужаса глаза, я понял, что он сейчас верит тому, что говорит. А ведь это был вроде бы образованный человек, даже доктор наук, как он сам успел представиться.

На мою попытку разъяснить ему кое-что бургомистр начал с ходу поддакивать и заверять, что он именно так это и понимает, что все так и есть, как я говорю. Оставалось лишь махнуть на него рукой. Тяни кота за хвост и спрашивай, слизал ли он сметану. Известно, что ответит.

Со своей же стороны бургомистр, видимо, счел, что его заверения в лояльности по отношению к нам сделали свое дело, поскольку он вновь начал пачал пачедать на меня с приглашением в гости. Но скрою, после фронтовых условий заманчиво было побыть в домашней обстановке с хорошей кухней и со всем, что к столу положено, но... чинно закусывать, не опозорив памяти моих великих земляков в обществе этих нацистов, было выше моих сил.

А кроме того, мне хотелось быть поближе к своим ребятам и все держать под контролем, потому что хоть немцы и вели себя до сих пор, как робкие овечки, но, как говорится, чем черт не шутит. Каждую минуту из любого окна могли швырнуть в тапк бутылку с зажигательной смесью, а то какой-нибудь фанатичный сопляк из «гитлерюгенда» возьмет да и начнет поливать нас из пулемета с крыши дома. К тому же дежурный радист доложил, что наш полк в данный момент движется в сторону города, находясь от него на расстоянии всего лишь нескольких километров. Видно, и нам пора собираться и отправляться дальше с целью разведки на случай продолжения наступления.

Я отказался от приглашения и предупредил бургомистра, что ожидается вступление в город воинских частей, а в связи с этим никто из гражданских лиц не должен выходить из своих домов. В противном случае такие лица

будут расцениваться как диверсанты. Затем один из наших гапкистов перерезал на почте провода междугородней связи, а мы быстренько втокнули шуцманов в их собственную каталажку и, отдав ключи от нее бургомистру, строго-настрого приказали ему вручить их лично представителю нашей военной комендатуры, когда полк войдет в город. После всего этого мы двинулись дальше.

Мы шли по тем местам, где еще не ступала нога нашего солдата. Использовали каждый холмик, каждую высотку, чтобы внимательно осмотреться. Враг может быть всюду. Время от времени мы прятались под деревьями от пролетающих бреющим полетом и на большой скорости «мессершмиттов», иногда наши радиист ловили голоса советских летчиков, летящих на своих нагруженных бомбардировщиках в сопровождении юрких истребителей на запад. «Привет летчикам!» — орал в эфир наш радист. «Вперед, танкисты, вперед!» — гремело в ответ в наушниках, и бомбардировщики, дружески покачав крыльями, исчезали в облаках.

— Ничего, ничего... — смеялся радист, — мы идем по пословице: «Тише едешь — дальше будешь».

Мы соглашались с ним. Хотя наш танковый корпус уже, как говорили, трепал пемцев где-то под Дрезденом, да и следующая за ним девятая дивизия тоже прилично опережала нас, образуя тем самым надежное прикрытие с южной стороны, хотя нам чертовски везло в последние дни и мы шли почти без потерь, тем не менее «береженого бог бережет», как говорят солдаты. Мы осторожничали, поскольку отлично отдавали себе отчет в том, что, если наткнемся на вражескую засаду в виде крупного танкового соединения, противнику не составит труда разбить нас в течение нескольких минут. Даже в том случае, если мы и успели бы обратиться по радио за помощью, то и тогда она пришла бы слишком поздно. В то же время мы видим, что командование не только не сдерживает нашего наступательного порыва, но, наоборот, всячески поощряет инициативу продвижения дальше и дальше на запад, поэтому нам следует рассчитывать только на самих себя.

А силы наши невелики. Главные козыри — это те же три танка под командованием сержанта. Сержант — русский парень, хотя его давние предки были поляки. Несмотря на свою молодость, он — фронтовик бывалый, четыре раза ранен на Ленинградском фронте, несколько раз горел

в танке, имеет несколько советских наград, которые позвякивают на его гимнастерке под комбинезоном. Парень он отчаянный, прекрасный артиллерист и механик и, что самое главное, отлично разбирается во всех тонкостях боевых действий танков противника. Я частенько обращался к нему за советом по вопросам тактики всего нашего подразделения, а что касается танков, то тут я во всем полагался на него.

Мой взвод автоматчиков и второй стрелковый взвод, который после гибели Юрека Кренцкого тоже формально отошел под мою команду, продвигались на танках. Изрядно потрепанные в недавних боях, оба взвода по численности теперь соответствовали штатам одного, а пулеметы, минометы и противотанковые ружья остались при командовании роты, но эта недостача в огневых средствах, которые отличали нашу прежнюю ударную группу, уравнивалась орудиями и пулеметами танков. Боеприпасов у нас было достаточно, и мы использовали также трофейные фаустпатроны и ручные гранаты. С собой каждый из нас нес лишь самое необходимое. Скатанные плащ-палатки заброшены на танки, а противогазы, половину содержимого вещмешков, перископы и тому подобное имущество мы давно выбросили. Туда же, в кусты, полетел и электрический миноискатель, батареи к которому давно сели, а новых достать нигде. Несмотря на эти попытки облегчить себе передвижение, каждый из нас обвешан патронташами и гранатами, а многие прицепили еще и немецкие пистолеты. У меня на ремне висел пикелированный «вис», который я взял у убитого на поляне офицера-эсэсовца. Мой ТТ достался Брачковскому.

У танкистов я наблюдал явное отвращение к пошению всякой амуниции. Свои темпо-сипие комбинезоны они лишь перепоясывали ремнями. Пистолеты носили заткнутыми за голенища. Верхние пуговицы у них всегда растегнуты, чтобы в случае необходимости быстро захлопнуть за пазуху запасные пулеметные и автоматные диски или ручные гранаты. Все это может понадобиться в том случае, если танк будет подожжен. Мне нравились предусмотрительность ребят: ведь люки танков тесны, а каждый лишний ремень может зацепиться за множество рычажков машины. Танк, пораженный снарядом, как правило, вспыхивает быстро, и жизнь экипажа зависит от считанных секунд. Поэтому-то во время боя верхние люки танков

иногда остаются открытыми, отсюда и нелюбовь танкистов ко всякого рода лишнему снаряжению.

Сами танкисты прогуливались налегке, пижонисто, зато их танки наполнены оружейными снарядами, толстыми пулеметными дисками, грапатами, ракетами, ящиками с патронами. Запасные баки заполнены горючим, и еще несколько бочек с соляной и капистр с маслом прикреплены к бортам. По моему мнению, сержант вообще слегка помешан на горючем к своим дизелям. Он подливал и запасал его почти в каждом населенном пункте, где только можно. Что до меня, так я старался не злоупотреблять любезными приглашениями сержанта прокатиться в тапке, особенно в момент опасности. Пусть лучше считает меня последним трусом, но как-то не по себе становится внутри этого стального ящика, обложенного со всех сторон порохом, тротилом и горючим. Бытующие иногда среди пехоты такие пасмешливые названия тапка, как «гроб заживо» или «катафалк», вовсе не казались бессмысленными.

Вот так и ехали мы по бокам «катафалков» и, несмотря на страшную тряску, рев двигателей, пыль и копоть выхлопных газов, чувствовали себя счастливыми. У всех еще свежи были в памяти и муки передфронтовых марш-бросков, и трудности нашего наступления.

А двигались мы только днем. На почевку выбирали удобные для обороны, безмолвные места, маскировали тапки, направив стволы их орудий на три стороны. Между ними в окопчиках устанавливали ручные пулеметы, в укромных местах располагались дозорные. А когда окружающую нас чужую землю окутывал мрак, в специально выкопанных ямах под густыми кронами деревьев весело загорались маленькие бездымные костерчики. Тренчали, фыркали подогреваемые в банках мясные консервы, булькала вода в котелках. Свободные от дежурства бойцы разминали опевшие во время езды ноги, рассаживались поудобнее за чисткой оружия, за неторопливой беседой. Водители копались в моторах, доливали горючее, а дежурный радист прочесывал эфир, вылавливая чужие голоса, морзянку.

Пока не совсем стемнело, мы с сержантом обошли еще раз наше расположение, осмотрели местность, обговорили различные варианты на случай внезапного появления противника. Потом, когда мы возвращались в наш уютный, словно уже обжитой нами лагерь, сержант свернул к своему

танку. Ласково поглаживая шершавую броневую обшивку машины, он вполголоса бурчал под нос на своем смешном польском:

— Верная машина, верная, отдыхать уже пора, а все служит... Хочет Берлин посмотреть... Вот интересно, а где же она удар этой болванкой заработала? — Он показал на характерное углубление паверху башни. Это след от попадания противотанковым снарядом, который всюду называют «болванкой». Сержанта очень интересовала неизвестная пока история этого танка, который, по всему видно, являлся ветераном войны, прошедшим не одно сражение и сохранившим еще под новой окраской и польской военной маркировкой контуры красных звезд. Сержант недавно стал командовать этим танком. В его предыдущей машине, полученной им после назначения в польскую армию, при преодолении какой-то преграды под Вроцлавом отказал мотор. Ремонтные мастерские в Олеснице не могли быстро исправить поломку, а танковая бригада уже отправлялась дальше, к Нейсе. Поэтому взамен сержанту дали солидно побитую, но тщательно отремонтированную и залатанную машину, прибывшую сюда из глубокого тыла в составе какого-то советского танкового соединения и только уже в Нижней Силезии очутившуюся в наших полевых ремонтных мастерских. Механики, видно, порядочно пад ней потрудились, поскольку она не только дошла до Нейсе, но и после ее форсирования все время паходила на передовой. И не капризничает она, и не барахлит, а работает так, что даже критически относящийся к «тыловикам» сержант, влюбленный в танк, словечка худого не может сказать в адрес технарей.

Но не только любовь к своей боевой машине заставляла сержанта подойти к пей. Поглаживая ее броню, нахваливая ее двигатель и с наслаждением вдыхая запах масла, сержант в то же время внимательно осматривался вокруг, не разгадал ли кто его секрета, а потом ловко протиснулся внутрь через передний люк. Я терпеливо ждал, одновременно следя, чтобы никто из солдат не приблизился к танку. Изнутри доносился звук передвигаемых ящиков с боеприпасами, открываемой канистры, а потом громкое посапывание. Я догадался, что это сержант уже начал засасывать резиновым шлангом и цедит теперь во фляжки свой личный, но честно распределяемый между танкистами

и пехотинцами трофей — педистиллированный спирт с винокуренного завода.

Через минуту на фоне люка показались три полные фляжки: одна — для танкистов, две другие — для десанта. По справедливости, по числу экипажа. Но поскольку офицерам полагался так называемый «доппаек», который, кстати говоря, армейские снабженцы не всегда доставляли, то сержант по собственной инициативе и без излишних формальностей это возместил, а именно: высунувшись из люка, протянул мне копец планга и сказал:

— Тяните...

Я тянул, причмокивая, как сосунок. Сивуха пичего себе, хлебная и жжет как огонь. Когда наконец я перевел дыхание и начал протирать заслезившиеся глаза, старший танкист тщательно замаскировал капистру под «боеукладку», не преминув до этого еще разок приложиться к резиновой трубке. Спустя некоторое время мы с полными фляжками в руках вошли в круг солдат, которые понимающе улыбались.

Вечера стояли еще прохладные, по утрам роса или иней пронизывал до костей. И пропустить по пятьдесят граммов после дневных трудов, полных напряженного ежеминутного ожидания встречи с врагом, сделать добрый глоток спирта перед сном под открытым небом — это для солдата значит много. Но, чтобы ребята не вошли в искушение самовольно пользоваться этим драгоценным напитком, что было бы чревато серьезными неприятностями, сержант с особой тщательностью причет свои запасы. Я же категорически приказал своим солдатам не принимать и не брать ничего из спиртного у немцев.

После ужина автоматчики расположились прямо под деревьями. Большинство танкистов устроились на толстом танковом брезенте, расстеленном на теплом еще от остывших моторов корпусе танка, а командиры экипажей и водители спали в своих машинах.

Я тоже на ночь без колебаний улегся в танке. Сержант застелил мешками боеукладку. Пара снарядов, подложенных под голову, образовала подушку, а шинели — одеяла. Мы стянули сапоги, сняли ремни и расстегнули гимнастерки. В машине тепло и безопасно. Для полного комфорта смастерили громкоговоритель, поместив наушники из племофона в металлический котелок, и ловили музыку из Чехословакии. Лежим себе, пошыхиваем сигарами и лепиво

перебрасываемся отдельными фразами. Мелодичная музыка действовала убаюкивающе.

Все удобства, что и говорить! Вот если бы еще четко представлять, где свои, а где противник, и если бы он отказался от своих коварных попыток обойти нас с флангов, да еще если бы регулярные отпуски в тыл, тогда и сам Юрек Кренцкий, живи он сейчас, не имел бы ничего против такой войны...

Я мысленно переношусь в родные края, в созданную собственным воображением картину ничем не омрачаемых, мирных вечеров. Только вместо голубых глаз Али передо мной все чаще встают черные очи стройной медсестры из танковой бригады...

Дозор из автоматчиков в маскировочных халатах спустился вниз, к поселку. Танки, развернутые в направлении марша, держали противоположную местность под прицелом заряженных орудий. Расчеты ручных пулеметов застыли в положении наготове, и только стрелки, укрывшись за машинами, поглядывали по сторонам и усмехались. Красный солнечный диск уже поднялся над лесом, разгоняя в пизине остатки ночного тумана. Солнце золотило покрытые росой ели, отражалось в крышах домов. В небе слышалось пенье жаворонков. В усадьбе, соревнуясь между собой, перекликались петухи, и где-то совсем рядом мычала корова. С востока доносился протяжный гул артиллерии.

Через бинокли мы рассмотрели окolicу. Вокруг — ни малейшего движения. Внизу, перед нами, среди белых садов раскинулся поселок с аккуратными линиями улиц и прямоугольниками дворов, обнесенных живыми изгородями. Поселок казался таким мирным, будто война обошла его стороной. Какой-то селянин толкал перед собой тележку, останавливался, затем оглядывался на небольшую ратушу, на которой еще висел фашистский флаг. Другой флаг развевался на мачте на холме, который находился за поселком.

Дозор осторожно прошел между первыми изгородями, обогнул улицу и наткнулся на человека, подметавшего улицу. Через бинокль было отчетливо видно, как немец снимал шляпу, кланялся до земли, размахивал руками, отвечая на вопросы. По-видимому, объяснял, что в поселке не было войск. И через какое-то мгновение дозорные сигнализировали: путь свободен.

Послышались слова команды, и мы вскочили на танки. Машины на медленных оборотах начали двигаться вниз. Пристроившись вокруг башни, предусмотрительно держа оружие паготове, мы въехали на улицы поселка и стали продвигаться к площади. Когда мы проезжали мимо жилых домов, в их окнах, как по мановению волшебной палочки, появлялись белые флаги, маячили перепуганные лица людей. И только на башне ратуши продолжало висеть красное полотнище с черной свастикой в центре белого круга. Сержант не смог потерпеть таких контрастов в расцветке: раздался грохот орудийного выстрела. Верхушка башни вместе с флагом рухнула на крышу. Автоматчики, подняв вверх оружие, грянули «ура!». Так был занят еще один населенный пункт. Пущенный выстрел как бы придал всем уверенности, вызвал всеобщее оживление. На войне с грохотом и криком всегда чувствуешь себя как-то бодрее. Всем уже осточертело постоянно прятаться, выслеживать и устраивать скрытую охоту.

Небольшую площадь, вымощенную брусчаткой, обрамляли старые каменные дома, тесно прижавшиеся друг к другу. Танки остановились по углам улиц, расчеты пулеметов противовоздушной обороны заняли свои позиции. Отделения получили задачу — до конца прочесать поселок и при необходимости прикрыть дозор, который уже поднялся на вершину ближайшего холма. Впезанию оттуда ударил пулемет, и сразу же затрещали длинными очередями автоматы. Потом в небо взвилась зеленая ракета. Это был сигнал, что ничего страшного не произошло. В то же время с противоположного склона холма раздался громкий крик, послышалась беспорядочная стрельба из маузеров.

Солдаты молниеносно вскочили на танки. Сержант исчез в люке.

— Ну, что? — кивнув головой и высоко подняв брови, спросил он.

— Вперед! — крикнул я, взбираясь па танк. Машины рванулись с места. Прижавшись к броне и выставив перед собой готовое к ведению огня оружие, мы понеслись в сторону раздававшихся криков и стрельбы. Извилистые улицы мешали обзору, однако даже лязганье гусениц уже не смогло заглушить приближавшихся криков и шума. Они парастали подобно лавине.

«Что за черт? — педоуменно подумал я. — Может, фольксштурмовики высыпали из какого-нибудь укрытия и хотят шумом и гамом переполошить нас? Что за нечистая сила?..»

Танк повернул на широкую магистраль. Навстречу нам, запрудив всю улицу, бежала многоголосая толпа — мужчины и женщины в полосатых тюремных халатах и гражданском отрепье. Бритые головы, развевающиеся волосы, тысячи лиц, открытые в крике рты, раскинутые руки, разноцветные флажки...

Танки моментально остановились. Толпа, как волна, охватила нас, окружила машины. Люди протискивались в люки. Десятки, сотни рук поднимали солдат вверх.

— Да здравствуют русские! Да здравствует Красная Армия! — раздавалось по-польски, по-французски, по-сербски... Нас обнимали, целовали, попросту разрывали на части.

— Да здравствует Польша! — во всю глотку проревел кто-то на башне танка, размахивая шапкой.

— Да здравствует Польша! — повторил по-польский бритоголовый мужчина огромного роста и, плача, обнял Брачковского.

— Да здравствует польская армия!

— Да здравствует свобода!

А те, кто оказался сзади и не мог протиснуться к нам, на разных языках повторяли просьбу:

— Есть! Есть... Хлеба!

Солдаты безуспешно защищались от проявления чувств благодарности. Поправляя измятые мундиры, они пытались узнать, из какого лагеря узники. Из хаотических объяснений стало ясно: из филиала Гросс-Розепа, интернированы из Варшавы, вывезены на принудительные работы. Концентрационный лагерь находился за холмом. На рассвете узники услышали капота. Их уже готовили к эвакуации, но вдруг донесся шум двигателей танков и в поселке раздался гром орудийного выстрела. Охрана разбежалась и попала под наш огонь с холма. Узники немедленно кинулись навстречу победителям. Дадут ли им оружие? Примут ли их в армию? Как вернуться домой? Когда закончится война? — сыпались со всех сторон настоящие вопросы. Заключение готовы были верить всему.

Один из них, страшно истощенный, с широким шрамом на виске, прислонился к лобовой броне танка. Приподни-

мая голову, он, как лунатик, смотрел на старую вмятину от спаряда на башне и, рыдая, припадал лицом к шероховатой стали. Стоявший у тапка сержант подскочил к бывшему узнику.

— Послушайте... Успокойтесь, ну, успокойтесь... — приговаривал он по-русски, осторожно трогая мужчину за плечо. Видимо, от волнения сержант заговорил на том языке, на котором воспитывался.

Человек со шрамом вздрогнул, услышав эти слова. Он радостно схватил сержанта за расстегнутые борта комбинезона и вдруг увидел советские медали.

— Ты русский! — закричал узник со спазмами в горле. — Ты русский?.. Брат... Родной... дождался я счастья...

— дождался, дождался... Ну, успокойся, браток, успокойся, — говорил по-русски сержант, обнимая узника.

Однако тот никак не мог успокоиться и, хватая воздух открытым ртом, повторял:

— дождался я... брат, брат, родной... смотри... — Он хотел показать рукой на башню танка, но закачался, лицо у него посинело. Сержант попытался поддержать узника, но тот, слабея, выскользнул из его рук и бессильно оперся грудью о передок машины... Он был мертв.

А вокруг продолжала шуметь толпа, выкрикивая здравницы, оглашая окрестности радостными возгласами. Я дал в воздух очередь из автомата. Все голоса стихли.

— Кто этот человек? — обратился я к тем, кто стоял поближе.

Какая-то растрепанная, изможденная цыганка с красным треугольником на кофте стала объяснять, мешая немецкие и венгерские слова. Был он русским, военнопленным, его пригнали в концлагерь за попытку к побегу. В Гросс-Розене лежал в блоке для больных, так как у него открылись старые рапы. Он воевал где-то в глубине России и был, кажется, танкистом. В бараке в бреду он говорил о своем тапке, мощном и быстром, и все ждал его, все верил, что танк его придет и разобьет ворота лагеря...

Теперь бывший танкист лежал под нависшим над ним передком машины, которая прикрывала его своей широкой тенью, а блестящие гусеницы, подобно большим рукам, казалось, обнимали его тело. Смерть разгладила черты исхудавшего лица узника и придала ему строгое выражение. Я так и не узнал, кто воевал в глубине России на тапке, на

башни которого остался след от попадания снаряда, не узнал, кем был умерший узник.

Тысячи изголодавшихся людей все громче кричали: «Хлеба!» На нас, единственных представителей новой власти в этой местности, возлагалась обязанность обеспечить продовольствием освобожденных узников. Нельзя было ни бросать их на произвол судьбы, ни предоставлять им свободу действий, так как это неизбежно бы привело к разрушению всего поселка и погрому местного немецкого населения. Мы вернулись на площадь, однако к нам не вышел никто из представителей бывшей гитлеровской администрации. Казалось, все дома вымерли. Никто не отвечал на стук в двери. Тем временем уже слышался звон разбитых окон в магазинах. Некоторые из узников уже проникали внутрь домов. Солдаты делились своими консервами, хлебом, сладостями. Были розданы почти все наши продовольственные запасы, а к танкам все тянулись нетерпеливые руки. Просили хоть кусочек хлеба или папиросный окурок. Разгоряченные взоры узников все чаще обращались к магазинам и домам. Толпа волновалась, разливаясь по площади, беспокойная, взбудораженная. Нельзя было смотреть на эти живые скелеты в лохмотьях, ничего не предпринимая.

Чеслав Брачковский указал мне на большой, судя по вывеске и витринам, продовольственный магазин.

— Надо открыть этот магазин... Как вы думаете, пап поручик?

Я утвердительно кивнул головой. Надо. Другого выхода нет.

— Рубану сейчас в стелу, и грузовикам можно будет въезжать! — предложил сержант и похлопал рукой по стволу пушки.

Это предложение было неподходящим. Спаряд мог попортить все внутри магазина. Лучше уж выстрелить в дверь из противотанкового ружья.

Жалюзи вырвало вместе с косяками. Толпа, отошедшая перед этим на безопасное расстояние, сразу же хлынула внутрь, увлекая с собой меня и сержанта. Чтобы нас не растоптали, мы укрылись на ступеньках в проеме дверей, ведущих куда-то в глубь магазина. А сотни людей уже перескакивали через прилавки, тянулись к продуктам. В их движениях, в выражении глаз, в стремлении схва-

тить все, что попадало под руку, было видно одно желание — есть, есть, есть...

Люди дорвались до мармелада, сыра, конфет и сигарет. Хватали все и прятали за пазуху. Тут и там раздавались смех, возгласы... Крупнейший, пожалуй, магазин в поселке очень быстро менял свой облик.

Дверь, в проеме которой стояли мы с сержантом, внезапно распахнулась. Мы инстинктивно отпрянули... Оттуда вывалился невзрачный человечек с седой бородой, в пенсне.

— Прочь!.. Прочь, бандиты, разбойники, грязные псы!.. Прочь из моего магазина!.. Это мой труд, мой тяжелый труд... Прочь! — кричал он по-немецки, отталкивая людей от полок, вырывал товары, бил не желавших повиноваться.

— Вот сволочь... Еще смеет бить! — Сержант двумя прыжками настиг пемца, схватил его за плечо и отбросил к стене. Немец развернулся и... с размаху ударил сержанта в лицо. Он, видно, забыл, а может, уже и не отдавал себе отчета в том, что тотальная война пришла непосредственно в его дом. Я не успел спрятать предохранитель автомата. Сержант оказался проворнее. Наган его торчал за голенищем сапога, почти под рукой...

В тот день двинуться дальше, на запад, нам не пришлось. Неожиданно полученный приказ предписывал нашему отряду отойти и соединиться со своими частями. Капопада с южной стороны парастала с каждым часом. Радист из штаба полка установил связь с нашей радиостанцией, но, прежде чем перейти на зашифрованный текст, обрадованно спросил:

— Живы? Тихо у вас? — И, получив утвердительный ответ, добавил: — Ну и пользуйтесь передышкой, пока можете.

Больше он ничего не объяснил, и это заставило нас задуматься. Мы рассказали только что освобожденным узникам об общей обстановке и посоветовали им идти на восток, где уже вся территория была полностью занята нашими войсками. Мы же двинулись по дороге на Горку.

Через несколько часов показался уже знакомый нам город. Он запомнился нам вчерашним приключением с бургомистром и полицейскими. В садах около шоссе стояли вкопанные противотанковые орудия из какого-то отдель-

ного артдивизиона, а па склонах насыпи обосновались минометные позиции и пулеметные гнезда. Полк, стоявший в городе, был готов к обороне. К непрерывному грохоту артиллерии с юга присоединялись отголоски канонады с востока. Все это создавало тревожную атмосферу.

Во дворе перед школой, где размещался штаб, я встретил уполномоченного особого отдела полка. Этот молодой подпоручник, ходивший когда-то, подобно празднично украшенной елке, в пурпуре и серебре, носил теперь скромную фуражку, жестяные звездочки и маленькие красно-золотые нашивки на воротничке мундира. Он был всегда безупречно вежлив и держался хотя официально, но по-товарищески. Теперь же он стал необыкновенно словоохотлив и старался подчеркнуть приятельские отношения. При встрече он долго тряс мне руку, выражая таким образом свою радость.

— Ты здесь, это прекрасно! Мы уже думали, что вас отрезали. Погулял немного, да? У тебя с собой пленных нет? А подозрительных штатских тоже нет? Хорошо. Знаешь, ведь гестаповцы и тому подобные типы переодеваются в штатское, выдают себя за беженцев, а те, кто к тому же еще знают польский язык, начинают заливать, что были узниками концлагеря...

— Знаю. Скажи мне лучше, что там происходит? — Я кивнул головой в сторону доносившейся канонады. — Почему нас завернули назад? Я был уже под Каминцом...

— Там... — Офицер особого отдела неохотно пожал плечами и стал серьезным. — Кажется, швабы вбивают клин, причем большими силами. Какие-то танковые и моторизованные соединения. Наш тридцать четвертый полк и тяжелые танки еще с рассвета сражаются с ними. В полдень туда направлена для поддержки танковая бригада... Говорят, будто немцы вытеснили советские части из Будзишина...

— А что у нас в полку?

— А ничего особенного. Три дня назад, когда наш полк вырвался вперед, нас снова бросили под Криш и Одерниц: там откуда-то внезапно появились немцы. Потом опять сюда, а теперь, мне кажется, опять пойдем назад...

— Холера, что за канитель? Ну, а здесь как? Что-то ты раскис. А может, мне кажется? Не видал тебя целую вечность...

— Меня? Так ведь сразу же после форсирования я должен был доставить в сабат одного раненого офицера,

а когда возвращался... Знаешь, я не мог вас найти... Потом тебя не было, но это неважно. А здесь, в городе, настоящая Канада. Жить бы, не умирать! — Он неожиданно рассмеялся. — Знаешь, когда мы с тобой установили связь и ты сообщил, что в городе все отрегулировано, полк пошел колонной по четыре, будто возвращался в гарнизон с мапёров. Бургомистр встречал нас хлебом-солью, шоколадом и ключами. Тымицкий думал, что это ключи от ворот города, и хотел даже отослать их в музей в Варшаву. Оказалось, это ключи от арестантской, где находились полицейские. Сидели они послушно, как ты их посадил. Окальский предложил сделать из них чучела и отослать вместо ключей в качестве экспонатов. Сейчас они убирают в штабе, чистят туалеты. А бургомистр сразу же принес мне список эсэсовцев, проживающих в городе. Потом сами немцы тянули нас, чтобы показать: здесь живет руководитель гитлеровской молодежной организации, здесь — заместитель руководителя НСДАП и какая-то еще фигура.

— Что ты говоришь?.. А что они сделали с бургомистром? Ведь он — партайгепоссе всех этих мерзавцев. Носил серебряный партийный значок...

— Да? Я не знал... Но это, видимо, не так. Мы сегодня утром собирали жителей, чтобы они выбрали новое самоуправление. Так старый бургомистр прошел единогласно. Он продолжает исполнять служебные обязанности в ратуше. Кстати, я квартирую у него вместе с Вацеком. Знаешь, командиром комендантского взвода? Мировая хата. Вся семейка танцует там около нас. Дочь бургомистра... такая, дай бог здоровья, играла нам на рояле и читала стихи по-французски. Я ей потом: мерси, а Вацек: пардон... Галантно...

— Где стоит наш батальон?

— Первый?.. Подожди... — Уполномоченный осмотрелся. — Там, около госпиталя. Пойдешь по аллее до конца, пересечешь шоссе на Будзишин и в тех особняках, у леса...

Я должен был явиться в штаб, но меня не покидало желание поскорее попасть в свою роту. Мы сердечно распрощались с офицером особого отдела, и он не упустил случая пригласить меня к себе. Приглашение было актуальным по двум причинам: бургомистр имел хороший ликер, а его жена и дочь наверняка обожали не только

польскую музыку и поэзию, но и галантность моих земляков.

Начальник штаба встретил меня традиционным вопросом:

— Ну как живешь, Котович?

— Живу, товарищ капитан. В последнее время не слишком уверенно, но живу.

— И так хорошо. Лучше неуверенно, но жить,— произнес он философски и сразу же перешел к служебным делам. Когда, уходя, я спросил у него, что означает продолжающаяся с рассвета канонада в нашем тылу, он ответил столь же невозмутимым тоном:

— Стреляют?.. Для того и войпа, чтобы стреляли. А кто сказал, что это должно происходить обязательно впереди?

Однако кто-то, видимо, об этом сказал, так как капитан добавил: полк получил приказ изменить свои позиции, чтобы иметь противника перед собой, и в связи с этим дано указание выступить на рассвете. Поскольку танки, на которых я возвратился, продолжали оставаться в распоряжении нашего батальона, а тот чаще всего находился в первом эшелоне, начальник штаба рекомендовал мне на всякий случай быть готовым пойти на разведку Будзипшинского шоссе.

В итоге я молча проклинал все на свете и просидел в штабе еще часа два, пзучая карты и разрабатывая маршруты возможной разведки.

Уже заходило солнце, когда я наконец отправился в роту. Миновав аллею, зашел в какие-то переулки, но никак не мог попасть в особняк около госпиталя. На улице почти не было солдат: боевая готовность держала всех в подразделениях либо в районе расквартирования. Только связанные пролетали на мотоциклах да регулировщики стояли на перекрестках с сигнальными флажками в руках. Немцы копошились в палисадниках, заматали улицы или сидели у окон, будто высматривая что-то. Немногочисленных прохожих-военных они приветствовали с преувеличенной покорностью. Какой-то старичок, опираясь на трость, шел навстречу мне по тротуару. Он еще издали снял шапку, сошел на мостовую и, согнувшись в поклоне, ждал, пока я его миновал. Я доброжелательно кивнул ему головой.

У открытой калитки я заметил мальчика лет двенадцати. На нем были тирольские кожаные штаны и рубашка с засученными рукавами.

— Гутен абенд! — щелкнул он каблуками крепких полуботинок.

Я ответил ему по-немецки и остановился:

— Слушай, мальчик, не знаешь, где здесь госпиталь?

— Знаю, господин офицер. — Мальчик, как предписывала прусская муштра, прижал ладони к ягодицам. — Проводить вас?

— Проводи!

Он шел на шаг впереди меня слева и то и дело оборачивался, внимательно рассматривая мое оружие. Автомат для удобства я перебросил горизонтально на ремне через левое плечо, стволом назад. Когда я остановился, чтобы закурить сигарету, мальчик слегка дотронулся до ложа автомата.

— Сумел бы ты из этого стрелять? — спросил я, улыбаясь.

— Из этого, пожалуй, нет. Из немецкого... сумею, — смущенно ответил он.

Я не стал спрашивать его, почему бы он сумел стрелять именно из немецкого автомата: ведь в гитлеровских молодежных организациях во время войны даже десятилетних детишек обучали владеть автоматом. А этот загорелый подросток с ободрапными коленями, казалось, только что вернулся с военных сборов за городом. Он не сводил глаз с пистолета, висевшего у меня на поясе.

— Нравится? — спросил я, заметив это.

— Да. Такой же был у моего отца, — ответил он не без хвастовства.

— Такой же? — Я взял оружие в руку и показал ему.

— Да, — ответил он уверенно, внимательно рассмотрев пистолет.

— А где сейчас твой отец?

— В армии...

— В вермахте или эсэс?

— В фольксштурме, — поспешно ответил паренек, но сразу было видно, что он врет.

— А давно он в этом фольксштурме? С какого года? — спросил я.

— Давно... Не помню... — невнятно пробормотал юнец и больше не оглядывался.

Проболтался невольно. Фольксштурм был создан только в последнее время, в него шли остатки резерва — подростки и старые хрычи. Отец этого молокососа не был,

конечно, ни тем, ни другим. И откуда, наконец, «вис» у фольксштурмиста? В последнее время гитлеровское командование обычно прикомандировывало в качестве опекунов в части вермахта и фольксштурма представителей эсэс родом из той же местности, где сражалась данная часть. Знание местности, людей и прямая угроза месту жительства опекуна способствовали лучшему выполнению им своих обязанностей. А у этого сопляка такие же светло-голубые глаза и блондинистая челка так же спадает на лоб, как у того офицера эсэс на поляне, от которого у меня этот «вис»... Но ведь большинство немцев имеют светлые волосы и голубые глаза. Это черты «пордической расы». Следовательно, нельзя судить по сходству...

Мы вышли на шоссе. Парнишка указал мне на одноэтажный белый дом с широкой террасой, живописно расположенный на склоне возвышенности у леса.

— Госпиталь,— сказал он.

— Хорошо. Подожди.— В боковом кармане мундира я нашел полплитки размякшего шоколада.— Возьми!

— Данке...— Паренек щелкнул каблуками и сделал рукой какой-то неопределенный жест, вовремя удержавшись от автоматического «Хайль Гитлер».

«Ну и ну...— подумал я.— Если через пятнадцать лет подрастет таких несколько миллиопов и новый сумасброд развернет перед нами новые перспективы завоевания жизненного пространства, кто знает, не встретимся ли мы снова... Но немецкий народ паверняка запомнит нынешний урок, да и Круппы не будут теперь выпускать пушки. В германском государстве будет осуществлепа демилитаризация, денацификация и демократизация. Для этого мы и здесь...»

Невдалеке вдоль леса тянулись небольшие особняки, обнесенные квадратами садов. Под цветущими черешнями находились замаскированные танки моей группы. Возле одного из домиков стояла автомашина. Обойдя госпиталь, я направился к особнякам.

— Поручник... эй, поручник! — Звонкий женский голос заставил меня остановиться. От госпиталя по тропинке, что вилась по крутому склону, бежала девушка в белом халате. Торопливо перебирая ногами, раскинув для равновесия руки в стороны, ко мне спускалось смеющееся, черноволосое и страшно милое существо. Вот уже совсем близко.

— Поручник... — запыхавшись, она прижала руки к груди и покачала головой, приоткрыв влажные губы. Под густыми ресницами — темные, счастливые глаза... Я смотрел, пораженный и обрадованный.

— А-а-а... героиня с поляны, — наконец проговорил я и протянул руку. — Добрый вечер. Не ожидал встретить вас здесь. Бригада ведь ушла?

— Добрый вечер, поручник, — ответила девушка с русским акцентом. Нежная, маленькая ладонь крепко ответила на мое пожатие. Еще не отдышавшись от бега, смущенная, девушка, видимо, не знала, что говорить дальше.

Задержав ее ладонь в своей, я окинул девушку взглядом. Замшевые туфельки на высоком каблучке еще больше подчеркивали ее стройные ноги в тонких чулках. Высокая грудь резко вырисовывалась под белым халатом. Всю эту красоту закрывали тогда, в лесу, шинель и сапоги с кирзовыми голенищами.

— И такую красивую девушку могли убить, — говорю я вслух, вспоминая случай на поляне. — Эх, вы заслуживаете за это строгого наказания. Где это видано, чтобы из-за фашиста рисковать жизнью?..

— Хотите меня опять отругать, как тогда? Нельзя же так, поручник, — улыбнулась она и встряхнула головой. — Понимаете, для меня люди перестают быть немцами, поляками, русскими, когда они ранены, когда они нуждаются в моей помощи. Здесь, в санбате, тоже есть раненые немцы, и мы отпосимся к ним так же, как к нашим. А впрочем, вы тогда тоже вышли на поляну?

→ Я вышел не из-за этого эсэсовца.

— Знаю... — И она покраснела до корней волос, а потом взглянула мне в глаза. Не люблю, когда женщины так смотрят. Я теряюсь и не знаю, что делать. Наверняка поцеловать. И не грех бы это сделать. Она была сейчас такая красивая. Однако мы стояли у всех на виду, вблизи штаба батальона, и я не мог на это отважиться. Как ни в чем не бывало, я продолжал:

— Скажите же наконец, что вы здесь делаете?

— Здесь? В санбате девятой дивизии лежат наши раненые танкисты. — Она глазами показала на госпиталь и продолжала говорить, очевидно, только для того, чтобы продлить встречу. — Завтра будем их эвакуировать. Ожидаем машины. А я осталась дежурной по санитарному транспорту. Но, знаете, даже жаль отсюда уезжать. Такие

вдесь условия. Немцы отдали в наше распоряжение всю свою городскую больницу, а сколько медикаментов, какая аппаратура, инструменты! Своих больных попросили перейти на частные квартиры. Освободили даже соседние особняки, чтобы обслуживающий персонал жил поблизости. А вы идете на квартиру?

— Да. Только еще не знаю, где стоит моя комната.

— Здесь, в этом доме.— Девушка протянула руку, указывая на домик, обвитый диким виноградом.

— Откуда вы знаете?

— Знаю...— И опять залилась румянцем.

— Вы что-нибудь хотели у меня спросить?

— Нет, нет! — поспешно ответила она.— Шла из госпиталя и увидела вас. Всегда приятно встретить знакомого. Вы не сердитесь? Нет? Это хорошо. Я видела, как вернулся танковый взвод. Спросила сержанта, он из нашей бригады, тот сказал, что вы еще остались в штабе полка...

«Значит, спрашивала обо мне?»

— А вы где разместились? — произнес я безразличным тоном, так как скрытая разведка местности — одно из условий успеха наступления.

— Недалеко от вас. Вон... тот желтый дом. На втором этаже, где балкон.

— Так мы соседи?

— Да, соседи... Может... Может, вы зайдете ко мне вечером? Приготовлю чай...— Она смотрела открыто и ждала ответа.

— Спасибо, с удовольствием...— произнес я и тут же вспомнил, что должен выехать на разведку. Помрачнев, я добавил: — Не знаю только, смогу ли, так как...

— Что «так как»? — Ее длинные ресницы затрепетали. Я объяснил.

— Может, еще не поедете? — утешая то ли себя, то ли меня, произнесла девушка.— Взгляните, какие собираются тучи... Гроза надвигается. Наверняка придется перождать.— И она повернула лицо на запад, откуда действительно двигалась дождевая туча, закрывая последние лучи заходящего солнца.

— Да, гроза надвигается...— повторил я и, в свою очередь, посмотрел в ту сторону, где еще гремела артиллерия и бурые тучи дыма заволокли небо. Мы долго молчали.

— Так если не поедете на разведку, то придете? — спросила еще раз девушка.— Извините, что я тогда обра-

щалась к вам, как к равному по званию. Тогда я была взволнована, а теперь...— В ее голосе зазвучали упрямство и кокетство.— А теперь я не в вашей стрелковой цепи, по хочу просить вас отнестись ко мне как к другу, боевому товарищу... Хорошо? — проговорила она тихо, но четко, стараясь правильно произносить слова по-польски.

— А почему я должен относиться к вам иначе?

— Почему? Не знаю. Может, я и ошибаюсь. Не сердитесь. Видите ли, я не раз выносила раненых с поля боя. Наших и немцев. Меня тоже не раз спасали. Но получалось, как правило, так: только кто-то мне поможет, как пули еще не отсвистят, а он уже приходит жениться... домогается любви как должного. Постоянно вынуждает кого-то отгонять. У всех одно на уме.— Она стянула узкие дуги бровей и нахмурилась, однако через минуту добавила со смущенной улыбкой: — Вы первый, поручник, кто пал кричал на меня, как отец, а потом даже не попрощались со мной...

— А, тогда у канала?.. Ну что ж, просто забыл. Очевидно, что-то другое отвлекло. Постараюсь забежать к вам вечером, поговорим. И не думайте, что у всех одно и то же на уме, хотя вы и очень милая девушка. А теперь мне пора идти...— сказал я, пытаюсь сохранить серьезность.

Распрощавшись с девушкой, я направился прямо в роту. Откровенно говоря, мне пужно было показаться и в штабе батальона, но я махнул рукой: сержант наверняка уже там, а меня вызовут, если возникнет необходимость.

Приятно было после продолжительного отсутствия опять возвратиться в свое подразделение. Это — как если бы ты вернулся в отчий дом. В комнате, где расположился личный состав роты, сразу зашумели. Дросик, Койтых, подхорунжий Януш, капрал Эгидко окружили меня. Объятия, вопросы, дружеская доброжелательность в каждом слове красноречиво свидетельствовали о том, что не забыли меня здесь, беспокоились о моей судьбе, ждали.

Посыпались ротные новости, правда, не очень веселые. Владска Жарчиньского, командира станковых пулеметов, ранило в ногу во время столкновения, через несколько часов после гибели Юрека Кренцкого. Кость, однако, оказалась не задетой, так что скоро он поправится. Наверняка подоспеет нацарапать свою фамилию на рейхстаге в Берлине. Гепек Витковский — командир роты из соседнего полка, остряк и весельчак, тоже находился в тяжелом

состоянии. Над Шварцер Шёпс его ранил снайпер в грудь разрывной пулей. Пуля прошла насквозь, но оставила на спине след размером с диск ручного пулемета. Генека сразу же отвезли в полевой госпиталь, возможно, там спасут. А его пес, Фагот, исчез бесследно. Капрал Харасимович из нашей роты погиб вчера в результате несчастного случая. С одним солдатом они стучали в дверь дома. Никто им не открывал. Тогда солдат ударил прикладом винтовки. Патрон находился в патроннике, а оружие не было поставлено на предохранитель. Толчок при ударе повлек за собой выстрел. Капрал, к несчастью, стоял за солдатом прямо напротив ствола и был убит наповал.

А этот проходимец, командир наших минометчиков, как только может, увиливает от боев. Может быть, трусит, а скорее, на все плюет. Ездит повсюду на велосипеде и собирает «трофеи». Говорят, будто у него уже девять каких-то немислимых часов. Один рядовой из соседней роты тоже собирал «трофеи». Два дня назад он шел в походном охрании и наступил на фугас. Осталось от него одно дерьмо и часы. Никто из парней не захотел взять часы после него, так что закопали их вместе с останками незадачливого собирателя «трофеев».

Были и приятные новости. Нашего сына полка представили к кресту «За храбрость», проявленную во время рейда разведчиков за «языком». Он только что пошел с Ключом в политотдел полка. Военные корреспонденты палатели его фотографировать. А вот и самая отрадная новость: рота получила на весь личный состав новые сапоги. Полк действительно был почти разут. Бургомистр спросил: «Сколько?» А командир полка: «Две тысячи пар». Бургомистр попросил транспорт, так как у них не на чем было перевезти товар со складов. Квартирмейстер дал грузовики, и ребята теперь имеют прочные сапоги. Там, в углу, приготовлены и для моих бойцов. По собственной инициативе немцы предложили и отрезки костюмной ткани. Штаб разделил их между офицерами. Жители города передали полку большое число подарочных посылок, приготовленных в свое время для немецких солдат.

Пока мне все это рассказывали, я обедался подогретыми мясными консервами. Старшина говорил меньше всех. Суетился возле меня со строгой приветливостью, но избегал смотреть мне в глаза. Нас обоих мучила история Юрека Кренцкого, будто мы были виновниками его смерти.

Мы хорошо понимали, что это абсурд, но все-таки... Мы суеверны. Будто сам подсказал нам тогда эту мысль об извещении... Даже мысленно мне не хочется возвращаться к тем делам, не хочется спрашивать, где похоронен Юрек. Остальные, тоже как бы сговорившись, не напоминают о нем. Конечно, Юрек не долго был в нашей роте, немцам больше трех недель. Он не остался в памяти как человек, неразрывно связанный с судьбой подразделения. Последние события, нынешние радости и заботы быстро сглаживали в наших условиях все, недавно пережитое. На фронте часто живешь сегодняшним днем, живешь мгновением. После войны... Если будем живы... Подведем итоги. После войны...

А сейчас я паходился в отвоёванном городе. Где-то контратаковали немцы, а я ел консервы, пил суррогатный кофе, слушал новости и думал о предстоящем выезде на разведку. Дросик стал опять примерять сапоги с жесткими голенищами. Он пошел их в занятом нами доме. Немцы ушли, оставив все — мебель, постель, одежду, белье. У сапог был низкий подъем. Они подошли бы страдающему плоскостопием. Никому в роте такие негодились. У Дросика был самый маленький размер обуви, по считая сына полка. Дросик примерял сапоги, топал, кричал, ругался, и они оказались впору.

Старшина принес мне две посылочки с красочно напечатанной надписью: «Для пехоты». По бокам — призывы, вроде: «Каждый выстрел — один русский». В посылке — шоколад, мармелад в сахаре, печенье и сигареты. Потом Койтых бросил на стол отрез ткани:

— Это старшина взял для вас. — И кивнул головой в сторону командира роты.

Дросик улыбнулся морщинками вокруг глаз и спросил:
— Нравится?

Я погладил чистошерстяную ткань светло-бежевого цвета с деликатной английской клеткой. Прекрасный материал для весеннего костюма. Я не имел такого никогда в жизни.

— Да... ничего себе, — проговорил я, прикипнувись зпатоком. — А что ты сделал со своей, Франусь?

Франек пожал плечами и ответил:

— Накрыл кобылу...

Смеясь, я отбросил отрез. Дросик прохаживался по компате, проверяя новые сапоги:

— Скрипят, черт... Необмытые. Старшина, дай-ка чем-нибудь «смазать».

Из ящика была извлечена литровая бутылка мятного ликера. Франек разлил его по чашкам и чокнулся с нами:

— Чтоб сапоги хорошо посились и за победу!

Мы выпили. Заговорили о прошедших боях, стараясь предвидеть дальнейший ход войны. Единодушно решили: чудес на свете не бывает, так что разобьем швабов в пух и прах. Койтых занавесил окна, зажег свет. Городская электростанция все время работала. Действовали все местные телефоны, однако пемцам не разрешалось ими пользоваться. Телефонные станции обслуживались нашими связистами.

Я поторопил старшину поскорее обути моих людей, ибо в любой момент нас могли отправить в разведку. А потом подумал, стоит ли идти в гости к медсестре. Неизвестно, сколько времени осталось в моем распоряжении. Давала себя зпать и физическая усталость после всего пережитого. Кроме того, среди друзей мне было так хорошо, что не хотелось никуда идти.

Вдруг до нас донесся плотный рокот моторов. Прислушались.

— Танки! — одновременно вырвалось у нас. Выбежали во двор. Вечер стоял темный. Начал моросить неприятный, холодный дождь. Ветер рвал ветви деревьев. Горизонт полыхал заревом. Грохотала артиллерия. По шоссе со стороны Дрездена в город устремился двойной поток прерывающихся полосок света — искры из выхлопных труб машин, едущих, очевидно, на полном газе. Танки сворачивали на Будзишинскую дорогу, проходившую мимо паших домов.

— Танковый корпус, который направлялся в Дрезден, — произнес Дросик упавшим голосом.

— Вернули и бросили на Будзишин. Там, должно быть, горячо... — добавил Койтых и заметил: — Так что теперь мы полностью открыты с запада. Собственно говоря, мы на передовой.

— Вы мне лучше скажите, где здесь вообще находится передовая, фронт и тыл? — начал брюзжать подхорунжий Януш. — Наступление идет полным ходом. Мы сражаемся на юге, с востока нас атакуют... Как здесь во всем

этом разобраться? А похоже, что заваруха только начинается...

Когда вернулись в комнату, прежнее приподнятое настроение угасло, а у меня где-то в мыслях вспыхнула предательская искорка надежды: если танковый корпус двинулся по тому шоссе, по которому мне предстояло идти в разведку, тогда отпадала необходимость в нашей поездке. А поскольку отпадала, то у меня до рассвета, очевидно, было свободное время, до момента выступления полка. Следовательно, стоит зайти к медсестре. Надо умыться, а может быть, даже побриться.

На фронте мы обычно не брились слишком часто: не было времени и возможности. Кроме того, после смерти растительность на лице растет, кажется, быстрее, чем при жизни. Так что, к чему напрасные усилия делать из себя элегантного мертвеца? А мытье, по общему мнению, это «буржуазная привычка», и ее можно придерживаться только в случае так называемой «острой необходимости». Но поскольку визит к красивой девушке был именно таким случаем, то я разделся и пошел в ванную комнату. Бреясь, я слушал через открытую дверь, о чем беседовали друзья.

Подхорунжий Януш не соглашался со стратегией подвижных фронтов в нынешнюю войну. Он сидел верхом на стуле и пытался всех убедить, что немцы постунают по-свински, обходя наши войска с тыла и нанося удар с юга. Они должны были, как подобает армии, находившейся в состоянии войны с нами, отступать на запад или вообще сдаваться без боев. Его полное, невозмутимое лицо провинциального учителя выражало отвращение, когда он оценивал силы противника, действовавшего в этот момент под Будзисином.

— Это стальные резервы Гитлера. Их сохраняли на черный день. Очевидно, будем иметь дело с танковой дивизией «Геринг», с моторизованной бригадой «Браденбург» и эсэсовскими моторизованными батальонами. Самые отборные части! Применяют, если можно так выразиться, тактику психологической атаки. Под прикрытием штурмовых орудий идут плотными шеренгами, ведя непрерывный огонь из автоматического оружия. Не прячутся, не падают...

— А если очередь по ним пройтись, тоже не упадут? — спросил с раздражением Дросин.

— Ну... ну тогда — да, по...

— А что «но»?.. Если их пули берут, то пошли они к черту со своей психологической атакой! Вот...

Януш не согласился с таким упрощением вопроса.

— Вы, пан поручник, индивидуалист, — сказал он. — Но подумайте, какой будет психологическая реакция наших солдат на такого рода фанатизм противника?

— Что вы чуть порете? — Дросик даже утратил обычную уравниловку. — Я — здесь командир и с разными реакциями в моей роте справляюсь сам! Пусть только появится!

Франек покраснел и орал во все горло. После выпитой рюмочки, если его выводили из себя, он старался выглядеть грозным пачальником, а потом обычно допытывался у кого-нибудь из пейтральных свидетелей: «Крепко я там... этого вагрел? Обиделся он на меня, не знаешь?» — и ходил какое-то время с озабоченной миной. По натуре он был порядочным, добрым человеком. Мы знали это, и никто не принимал близко к сердцу его крики. Желая, однако, предотвратить ссору, я вышел из ванной и спросил:

— У кого есть одеколон?

— Одеколон?.. Ты что, к фотографу идешь? — Дросик успокоился так же быстро, как и взорвался, и попытался блеснуть «интеллигентным» анекдотом. Я усмехнулся:

— Говори, да не заговаривайся!..

Одеколопа, к сожалению, ни у кого не было. Старшина порылся в своем вещмешке и дал мне баночку крема. Уж если быть элегантным, то до конца. Я сбросил кожаные брюки: в тиковых бриджах я выглядел лучше. Начистил сапоги и пристегнул шпоры. Дросик смотрел на все это подозрительно, а когда я, вместо того чтобы лечь спать, надел свитер, мушкетер и завязал на шее шарф, он не выдержал:

— Куда это ты наряжаешься? Побрился, умылся, на помадился, брюки как с иголочки... На прием к графине, что ли?

— Не к графине, а к товарищу по оружию, Франек. А поскольку офицер всегда должен быть «чисто умыт, побрит, наодеколован и немного навеселе», то не удивляйся! — ответил я, застегивая ремень с портупеей и вкладывая в кобуру пистолет.

Франек проворчал, что лучше бы мне пойти поспать, но потом дружеским тоном предложил:

— Возьми накидку, намокнешь. Далеко идешь?

— Не намкну. В соседний дом.

— В соседний? — Койтых, перестав отсчитывать сапоги для моих бойцов, прищурился. — Пап поручник, этот товарищ по оружию одному майору из противотанкового дивизиона вчера чуть было не выцарапала глаза! Так что вы зря, может, прихорашивались?..

— Артиллерист-бронейщик? Видно, папролом лез. А впрочем, мне кажется, атака кавалеристов из прославленного полка чехаповских уланов тоже не была удачной. Может, десанту повезет? — засмеялся я и взял со стола бутылку, в которой осталось еще много ликера. «К злему псу с плстью, к девушке — с вином», — гласила старинная поговорка.

Дросик, видать, хотел возразить против такого грабежа коллективной собственности, но махнул рукой.

— Не напейся. Может, придется идти в разведку, — пробурчал он вслед.

Я зашел по пути во взвод. Бойцы спали в креслах, на коврах, кто-то тихо играл на губной гармошке. Всюду открытые банки с консервами, хлеб, кофе в котелках. Запах непромытых тел и пропотевших портянок. Я мельком проверил чистоту оружия, сказал посыльному, где меня искать в случае тревоги, и вышел.

Внизу, на шоссе, все еще грохотали танки. Зарево на горизонте поднялось аж до половины неба, но канонада ослабевала.

Я легко пашел внутреннюю лестницу в желтом особняке. Наверху открылась дверь, и в полосе света появилась тонкая фигурка в военном френче и гладкой черной юбке.

— Думала, вы уже не придете. Пожалуйста, входите! — И указала на открытую дверь.

Мы пили чай и ликер, разговаривали. Я узнал, что родом она из Тбилиси, мать ее была армянкой, отец — поляком. Он боролся в Испании, котом его вызвали в Москву, и больше она о нем ничего не слышала. Мать умерла во время войны, а она добровольно вступила в ряды польской армии и окончила курсы медсестер. Под Ленино на поле боя делала перевязки. Постоянно была на передовой — на Смоленщине, в Киверцах, на Буге. Через Вислу под Демблином шла вслед за наступающими штрафными ротами, которые там несли большие потери.

Однажды вынесла с мипного поля молоденького немца с оторванной ногой. Он целовал ее руки, плакал и в чем-то ее заверял. Она не знала — в чем.

Потом получила звание капрала, две медали «За боевые заслуги» и советскую медаль «За отвагу».

Мы сидели рядом на тахте. Я гладил ее волнистые волосы, ласкал тонкие пальцы с коротко подстриженными ногтями. За окном, внизу, все еще шли тапки. Слышались приглушенные отголоски далекой канопеды. Через несколько часов не будет уже ни уютной компаты, ни милого голоса девушки. Прикосновение к стволу автомата изгладит из памяти ощущение мягких, как шелк, волос, нежных, тонких рук. Будет лишь холод раннего предрасветного часа, запах пропитанных влагой шинелей, шарканье движущихся колонн, проклятия, приказы... А потом — треск станковых пулеметов, свист, взрывы. Брызги раздираемой гранатами земли будут хлестать в лицо. И самое тяжелое — поднимать вверх пистолет, выскакивать из-за укрытия и вести людей в атаку...

Девушка молча смотрела на меня грустными глазами.

— Утром выступаете... туда, — показала она в сторону канопеды.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Знаю... — И опустила голову, поникшая.

Хотелось обнять и поцеловать ее, но капральские нашивки охлаждали мой пыл. Мундир по-разному воздействует на людей, а мундир на женщине, к тому же мундир и знаки различия, которые невольно ассоциируются с определенными функциями, только мешают любви. Я чувствовал себя так, будто приударял за кем-то из своих сержантов. Товарищ по оружию, черт побери! Кусок тика определенного цвета и фасона и эти знаки различия портили все. А как же быть, если у товарища по оружию красивое девичье личико, высокая грудь и стройные ножки?..

Хитрость — оружие слабых. Пусть будет так. Полчаса я болтал и наконец убедил девушку спать в мундире. В белой, с глубоким вырезом и короткими рукавчиками блузке она выглядела еще моложе. Я почувствовал искреннюю симпатию к этой девушке с открытым, доверчивым взглядом, которая смущенно улыбалась и краснела, как на первом свидании. Когда же я попытался ее обнять, то услышал удивленное и укоризненное: «Поручник...», и у меня пропало желание действовать решительно.

Я еще немного посидел, согласился с ней, что хорошо иметь искреннего и бескорыстного друга. Пусть я останусь для нее таким, каким был тогда, на поляне. И больше ни о чем не спрашивал.

Так что я не домогался ничего. Вскоре я встал, собираясь проститься и пойти спать. Сон — важная штука на фронте.

— Хорошо здесь у тебя, но я должен идти. Утром выступаем. Война, деточка... — сказал я, оглядываясь в поисках фуражки.

— Знаю... война... — ответила она таким огорченным голосом, взглядываясь в затемненное окно, за которым гудела канонада, что я опять сел. Война и девушка, которой девятнадцать лет... Хотелось ее утешить, сказать что-то ласковое. Как получилось, не знаю, но я ощутил ее руки на своей шее. Блуждающие губы легко раскрылись для поцелуя, а потом шептали: «Нет, нет, нет...». Лампа под абажуром ярко освещала комнату, а выключатель находился далеко, у самой двери. Пистолет, как всегда, был под рукой. Выстрел смешался с треском лопнувшей лампочки, однако это не привлекло внимания. Стреляли много и всюду. Ведь была война. Однако и на войне случается момент, когда ты забываешь обо всем на свете, о том, что тебя окружает и ждет...

Мы очнулись от стука в дверь. Девушка поднялась, опираясь на локоть. В темноте я едва различал силуэт ее оголенных плеч.

— Наверное, подруга возвращается с дежурства, — шепнула она.

Я нащупал пистолет на стуле.

— Кто там?

— Пап поручник... Вас вызывают в штаб батальона. Я принес шинель... — Голос посыльного сразу вернул меня к действительности. Я встал, приоткрыл дверь:

— Давай!

Посыльный подал мне шинель, автомат, запасные магазины, бинокль и тихо сказал:

— Через десять минут выступаем. Сержант-танкист уже пошел в штаб. Мы должны ехать в разведку.

— Хорошо! Пусть Побяжин соберет взвод и все садятся на танки, а ты жди меня в батальоне. Сейчас приду.

Я молча в темноте натянул сапоги и свитер... Девушка уже оделась. Застегнув мундир, я выглянул во двор. Едва

брезжил затянутый дождем рассвет. Зарево на горизонте потускнело, умолкла канонада. Тапки давно уже прошли. Только с шоссе слышался шум формировавшейся колонны полка.

Девушка положила мои руки к себе на плечи.

— Останься еще...

— Если б я мог...

— Хоть на часок. Еще темно, не поедете.

— Не могу, деточка. Пойми это.

— Хоть полчаса... — В голосе слышались слезы. У меня тоже сжимало горло. Чертова судьба!.. Но я ответил как можно спокойнее:

— Ни минуты, дорогая. Слышишь?.. Уже идет переключка по ротам, а я должен выйти раньше их.

Хотелось оставить ей что-нибудь на память. Но что? А что если подарить ей «вис»? Правда, он велик для ее маленькой ладони, но вообще-то удобно лежит в руке, сильный, современный.

— Я никогда не пользуюсь оружием. Мне не надо. А ты... — возразила девушка.

— Не тревожься обо мне. У меня будет другой. — Я вспомнил о пистолете Юрека, который послал один из сержантов.

— Хорошо. Спасибо. Через два дня я опять буду в бригаде. Может, встретимся...

— Обязательно встретимся, а теперь не провожай меня. Я суверен... — сказал я, взяв ее лицо в ладони.

Оглянувшись, я выбежал в холодные, беспокойные сумерки. В саду раздавались голоса солдат, запускались двигатели тапков. На шоссе от головы колонны передавались команды. Темные, безмолвные прямоугольники подразделений двигались по улицам. Полк выступал в бой.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

Стояла ночь. Теплая, душная, она клонила в сон. Луна заливала поляну призрачным светом, отбрасывая длинные тени. Лес оглашался криком филинов и каким-то стрекотаньем. Солдаты лежали на подстилках из веток. Некоторые приткнулись прямо на мху между торчавшими из земли корнями старой, огромной ольхи. Спали мертвецким спом. На некотором удалении от них на болотистой

дороге, которой, паверное, никто не пользовался много лет, были выставлены посты. Через час их падо обязательно сменить, иначе кваканье лягушек будет восприниматься как сигнал противника, светящиеся глаза лисы будут казаться затемненными фарами, а звезды — ракетами.

Но кем их заменить? Все измотаны до предела, все отупели от усталости. Люди не могли уже ни на что нормально реагировать. Даже капрал Середа, всегда образцовый солдат, сейчас, исполняя обязанности поверяющего, задремал, присев у поваленного ствола дерева и опершись подбородком на ствол поставленного между колен автомата. И даже не задремал, а спал. Спал, хотя прекрасно знает, что в войну это грозит штрафной ротой, а на переднем крае любой командир имеет право просто застрелить его на месте. Нетрудно себе представить, каким в этих условиях может быть охрапение...

Я решил обойти поляну. Остановился возле спящих. Чеслав Брачковский обеими руками прижимал к себе автомат и стонал во сне. Капрал Побыжин спал спокойно, плотно завернувшись в плащ-палатку и положив под голову вещевой мешок. Капельки пота сверкали на усах. Рядом спали солдаты из его отделения: пулеметчик Желязовский, подносчик патронов Сущинский, стрелок Бодзюповский... Да, только трое. Капрал Соколек, теперь командир третьего отделения, спал, свернувшись в клубок. Осядач, мой связной, положил голову на его плечо... Несколько человек лежали рядком, накрывшись шинелями и глубоко потянув фуражки на глаза. Я их все равно узнал. Первый — Эугениуш Мазур, за ним — Юзеф Стангречак в обнимку со своим ручным пулеметом. Следующий — Стефан Непеч. Это он хуже всех переносил тяготы походной жизни. К нему примостился Эдмунд Гжегорчик. Даже капрал Бронуицкий был здесь.

Да, пусть немного поспят. Но кто-то должен бодрствовать. Я тоже буквально валился с ног, ведь в силу своих служебных обязанностей мне приходилось спать меньше других. Я подошел к Середе и дотронулся до его плеча. Он вскочил как ошпаренный и направил на меня ствол автомата.

— Середа...

— Слушаюсь, пан поручник, — ответил он охрипшим голосом, протирая глаза кулаком.

— Середа, что ты делаешь? Ведь немцы могут нас всех перерезать, как баранов, и тебя — первого...

— Пан поручник, я не спал. Я слышал, как вы шли, и хотел подойти к вам... Но как-то... — оправдывался кап-рал, перепуганный не столько моим присутствием, сколько собственной усталостью, с которой уже не мог справиться. В лунном свете его лицо казалось зеленоватым. Припухшие от недосыпания глаза и небритые щеки только усиливали жутковатое впечатление от его внешности.

— Ладно. Умойся росой, придешь в себя. Проверь посты. Через час сменишь их, а вместо себя оставь Брачковского. Докладывать обо всем замеченном. Я буду в танке.

— Слушаюсь, пан поручник!

Танк стоял в тени деревьев, глубоко засев гусеницами в вязкой земле. Ствол его пушки был направлен вниз, что придавало ему какой-то печальный вид, словно он очень устал. На его броне похрапывал экипаж. Я просунулся через передний люк внутрь машины. Сержант сидел на месте радиста и повторял уставшим, умоляющим голосом:

— «Береза», «Береза»! Я «Плющ», я «Плющ». Слышишь меня? Слышишь меня? «Береза», «Береза», отвечай, я «Плющ», вызываю «Березу»... Прием! — и поворачивал ручки аппарата.

— Ну что, сержант? Ничего нет? — спросил его, взбираясь на ящики из-под снарядов.

— Ничего нет, пан поручник... Вот только музыка, паверное из Чехословакии, да лопотанье на чужом языке... От наших ни-ни. Далеко, должно быть, отстали или совсем их отбросили. А тут еще аккумуляторы совсем ослабли, садятся, и подзарядить нечем... — сказал он,водя стрелкой по флуоресцирующей шкале.

— Выключите. Нет смысла. А то еще немецкая служба радиоперехвата засечет. Рассчитают координаты и накроют артиллерией.

Сержант выключил радиостанцию и молча улегся рядом со мной. По светящемуся циферблату его наручных часов я определил, что уже была полночь. Начались новые сутки.

— Сержант... Сколько мы уже, собственно, дней в этой... разведке? — спросил я и чуть не рассмеялся.

Сержант повернулся на бок и, засыпая, перазборчиво ответил:

— А кто это помнит?.. Может, пять, может, неделю...

Мы потеряли счет дням. Засыпали иногда после полудня. Поспишь, проснешься и не знаешь, тот ли это день или уже следующий. Вечера путались с рассветами. Ночь, если был бой, оставалась в памяти как день. Я действительно не смог бы сказать, сколько дней мы блуждали. Ведь на фронте время измеряется не восходом и заходом солнца, а действиями и событиями. А со времени нашего выступления из Горки их было много.

В эту злосчастную разведку мы вышли с нашим взводом, усиленным песколькими стрелками и одним подофицером из бывшего взвода Юрека, а также тремя танками под командованием сержанта. Нам предстояло добраться до шоссе Кёнигсварта—Будзишин, очистить территорию от разрозненных немецких подразделений, оставшихся в районе, занятом нашей дивизией, а затем по этому шоссе дойти до городка Велка, находившегося под Будзишином, куда вечером должен был прибыть штаб полка.

Пока было темно и местность казалась относительно безопасной, вблизи дислокации части мы ехали в колонне. Машина сержанта шла первой. Сам он сидел на лобовой броне и, тараща глаза на узкую дорогу, махал перед люком механика-водителя свертком белой бумаги: налево, направо... прямо, газ... Механик-водитель со своего места даже днем имел очень ограниченный обзор, а ночью, при погашенных фарах, вообще не в состоянии был без чьей-либо помощи ехать по заданному маршруту.

Все время моросил дождь. Было холодно. Несмотря на опасность свалиться, я темного вздремнул, скорчившись за башней и укрывшись пятнистой курткой. На рассвете мы выдвинули вперед охранение и, тщательно обследуя по пути каждую деревню, лес или овраг, старались выследить противника.

В первые часы все шло хорошо. Нам даже встретился связной на мотоцикле из штаба армии. Он рассказал, что немцы где-то отбросили наших, и перечислил населенные пункты, которых я, однако, не смог найти ни на своей карте, ни на схеме. Немецких войск он в этом районе не видел.

Через некоторое время мы внезапно слышали отзвуки сильной артиллерийской канонады с запада, со стороны города, который мы покинули ночью. Это нас озадачило. Канонада продолжалась около часу, а затем смолкла. Мы

ломали головы, что бы это могло означать. Я немного тревожился и за судьбу своей девушки в санбате, но успокаивал себя мыслью, что в это время она вместе с ранеными наверняка находится в безопасности, в полевом госпитале, вне района боевых действий.

К полудню началась канонада в стороне Будзишина и где-то на востоке. Она с каждой минутой все усиливалась. Одновременно оборвалась связь с нашим штабом. Очевидно, полк неожиданно вступил в бой. Мы не смогли также связаться ни с одним из соседних подразделений. После короткого совещания решили описать полукруг, выйти на шоссе в районе селения Луга и оттуда двинуться прямо к городку Велка, где уже должен был находиться наш полк.

Но только мы повернули в нужном направлении, как наткнулись на немецкий T-IV и идущий за ним бронетранспортер, набитый пехотой. Нагонялись мы за ними до упаду. Командир вражеского танка, бессильный вступить с нами в открытый бой, петлял, укрывался в рощах и за пригорками, удибал, стараясь занять выгодную позицию, чтобы хорошо нас видеть и держать на прицеле. А транспортер, как собака, которая боится подойти к кабану-одиночке, обходил нас сбоку, огрызался пулеметными очередями и делал все, чтобы отвлечь внимание от танка. В конце концов одна из наших машин ринулась в погоню за транспортером, а две другие взяли на себя задачу обезвредить танк. Вскоре сержант с дистанции более четырехсот метров всадил ему в бок снаряд. В горящей машине начали взрываться боеприпасы. Экипаж сгорел внутри танка.

К тому времени вернулся наш танк, преследовавший немецкий транспортер. Быстроходный транспортер, видя гибель T-IV, пырнул в одну из просек в близлежащем лесу и скрылся. Мы обшарили весь лес, но никого не нашли. Это отняло у нас много времени.

Когда мы выехали на шоссе, опускались сумерки. Тяжелые, дождевые тучи повисли над головой. Видимость уменьшалась с каждой минутой. Для поддержания зрительной связи машины сократили между собой дистанции. До назначенного места расположения полка осталось несколько километров. Попытки установить радиосвязь окончились безрезультатно. Артиллерия в том районе молчала, и мы были убеждены, что все в порядке и только лишь

вследствие какой-то срочной работы полковой радиостанции на другой, не известной нам вполне связь временно отсутствует. Мы думали уже о скором отдыхе, горячем ужине...

Я сидел на башне средней машины. Сержант, высунувшись до пояса из люка, спокойно курил сигарету и смотрел вперед, в сгущавшиеся дождевые сумерки. Побяжик, опершись спиной о броню, протянул ноги к жалюзи вептилятора и сушил сапоги на теплом воздухе, который шел от разогретого двигателя. Ребята из его отделения, вымокшие, молчаливые и сонные, разместившись по бокам машины, покачивались в такт содроганий тапка.

Мы въехали на небольшую возвышенность. Перед нами маячил лес. Вдруг сержант внезапно наклонился вперед и, что-то крикнув, исчез в люке. Я взглянул: моментальная вспышка огня у леса, сильный треск, и первый наш танк встал поперек шоссе. В тот же миг машина, на которой ехали мы, сильно вздрогнула и брызнула огнем из пушки. Я полетел вниз головой вместе со всеми, кто сидел на броне. Сержант на полном ходу, не успев предупредить нас, выстрелил из пушки. Тапк рванулся вперед и стряхнул нас с бортов.

Когда я вскочил с земли, первый тапк продолжал стоять поперек шоссе. Дрожащие языки пламени уже лизали его башню. Экипаж выскакивал через верхний люк. Две остальные наши машины, медленно отходя за возвышенность, били из пушек в сторону батареи у леса. Взвод самостоятельно развернулся в цепь. Застучали ручные пулеметы.

Через люки подбитой машины валил дым, взмывали огненные языки. В отверстии переднего люка в страшных муках бился механик-водитель. Командир танка и еще кто-то из экипажа бросились ему на помощь, начали вытаскивать его за плечи. Однако он, видимо, за что-то зацепился ногами, и его трудно было вырвать. Он горел живьем и кричал все слабее. Огонь лизал комбинезоны спасателей, обжигал их лица. Однако они не отступали. В это время второй снаряд разбил башню, и спасателям пришлось отскочить...

Хорошо замаскированная у леса батарея была прямой паводкой. Оставшиеся два наших танка, укрывшись за возвышенностью, ожесточенно отстреливались. Я успел скорректировать действия ручных пулеметов взвода, и они

смели группу офицеров, которые спокойно стояли в стороне от батареи, наблюдая в бинокли за результатами ее огня. Бой продолжался недолго. Из глубины леса выползли несколько приземистых «фердинандов» и, как на параде, начали разворачиваться боевым порядком.

Мы отступали быстро, оставив на возвышенности пылающую, как факел, машину и обуглившееся тело механика-водителя. Так мы потеряли первый танк и первого танкиста из нашего маленького отряда.

На следующий день мы убедились, что Будзишин в результате контрнаступления занят немцами, а наши части отошли. Мы пытались по дописавшемуся гулу канонады установить, где сражаются наши. Двигались, прощупывая вокруг себя территорию и высылая для этого патрулей. Ускользали буквально из-под носа немецких постов, и, найдя какое-нибудь слабое место в позициях противника, внезапно ударили, пробиваясь к местам, где, по нашим предположениям, должны были находиться наши войска.

Убитых товарищей, если удавалось выпести их с поля боя, хоронили быстро, без гробов и салюта. Кто-нибудь из ребят срубал сосенку, обстругивал ее, связывал крестиком. Брачковский химическим карандашом писал на нем звание, имя и фамилию погибшего, номер части и дату гибели в боях за родину. Легкораненые оставались в строю. Тяжелораненых, к счастью, не было.

Вместо наших войск нам попадались немецкие. Как правило, это были сильные танковые отряды в сопровождении моторизованной пехоты. Мы все время пытались обойти неприятельские части, но попадали в мрачные леса, наполненные шумом вражеских танков, которые сновали по просекам. Не раз пересекали поля, где только что гремели бои. Изрытые рвами трапшей, эти поля почернели от снаряжных воронок. Остатки посевов были перепаханы танками и орудиями. Кругом валялись гильзы, ящики из-под боеприпасов, трубы от фаустпатронов, клочья одежды, обрывки бумаги, бинты.

Однажды, миная место недавнего сражения, мы увидели остовы Т-34, приткнувшиеся своей стальной громадой к низким «пантерам», и могучие ИС, вонзившие стволы своих тяжелых орудий в боковую броню «тигров». Лежали изуродованные «фердинанды». Кругом были разбросаны бронетранспортеры, наши и немецкие, помятые,

разодрапные, будто сделаны они были из картона. У леса стояли разбитые орудия с деформированными стволами.

Видно, бой здесь шел не на жизнь, а на смерть. Наши танки таранили вражеские машины. Артиллерия вела огонь прямой наводкой по орудиям противника.

Рядом с остовами машин и орудий тянулись узкие холмики — общие могилы поляков, зарытых немцами. На пригорке у леса, под крестами из белой березы, были могилы гитлеровцев. На дощечках — знак СС, записи, фамилия, дата. Под крестами на могильных холмах лежали стальные каски пехотинцев и черные шлемы танкистов. Много их было, очень много. Дорого заплатили фашисты за победу в этой битве. Дальше, за лесом, мы увидели сожженную деревню. На деревьях качались на ветру повешенные за ноги наши мертвые танкисты. Висели уже давно. Дождь избородил их лица, исказил черты, размыл кровь на повязках. На некоторых из них были гипсовые шиши. В той деревне, где разгорелось сражение, находился медсанбат. Рассвирепевшие гитлеровцы, опьяненные жаждой мести, расправились с ранеными. Мы молча проходили мимо зверски замученных товарищей. Наше положение не позволяло задерживаться здесь ни на минуту, но каждый из нас смотрел и стремился сохранить в памяти эту картину. Мы все поклялись в душе: живыми не сдаться! Пусть выцедит сержант бензин из баков разбитых машин для наших танков, пусть ребята старательно соберут гранаты на поле боя...

Однажды уже казалось, что нам начало везти. Погода наконец прояснилась. Было теплое утро. Весна щедро расточала свои прелести. Замаскированные березами, наши танки шли в охранении автоматчиков по опушке леса. Мы двигались на север. Там всю прошлую ночь гроыхала артиллерия. Вспышки «катюш» говорили о паличине там нашей, песомленно, сильной группировки. По пути нам предстояло пересечь шоссе, по которому двигалась группа «фердинандов», следом шли противотанковые орудия, а затем камуфлированные автомобили и мотоциклы. Скрытые за деревьями, мы выжидали удобный для броска момент. Вот показались два грузовика с немецкой пехотой, ехавшей под охраной двух бронетранспортеров. Я посмотрел на ребят. Мы без слов поняли друг друга. Сержант для верности вопросительно взглянул на меня и сразу же исчез в люке. Танковые пушки вмиг взяли машины на прицел.

Сначала, как на учениях, мы расправились с броне-транспортёрами, а потом грохнули осколочными снарядами по грузовикам. За шоссе расстилалось ровное, ничем не засеянное поле. Только туда могла удирать немецкая пехота. Шоссе уже пересекал танк сержанта, а за ним быстро двигалась цепь стрелкового взвода, поливая немцев огнём из автоматов. Другой наш танк отрезал немцам отход к лесу. Эта машина одновременно подстраховывала нас от неожиданностей, какие могли возникнуть в глубине шоссе во время перехода через открытое пространство. Мы перебежали его быстро вслед за нашим танком, который хлестал из пулемёта и давил гусеницами отстреливавшихся и удиравших в панике немцев. Многие из них пытались отскочить в сторону, но их настигал огонь наших пехотинцев. Фашисты падали, как мухи. Кое-кто хотел сдаться, но мы не брали пленных. Уцелели, пожалуй, только те, кто упал на бегу или притаился на земле. Не было времени осматривать и проверять. Нам прежде всего нужно было проскочить шоссе и пробиться на север.

Дух перевели только на другой стороне открытого пространства, на опушке березняка. Один из наших автоматчиков во время боя был тяжело ранен в живот. Товарищи на бегу подхватили его и уложили на танк.

А между тем охранявшая нас машина, развернув башню назад, направилась через открытое поле, чтобы присоединиться к нам. Она была уже на полпути, когда откуда-то, очевидно, оттуда, где дорога скрывалась в лесу, заявляли немецкие противотанковые орудия. Танк моментально ответил и рванулся, пытаясь уйти и скрыться за избушку, опоясанную палисадником, которая одиноко торчала в поле. Однако снарядом сорвало у танка гусеницу. Расстилая за собой блестящую ленту из стальных траков, танк успел вползти в палисадник и там, вращаясь вокруг своей оси на одной гусенице, начал стрелять из пушки и строчить из пулемётов. Обречённый на гибель, он отчаянно защищался. Второй снаряд попал в основание оружейного ствола, разрубив его почти пополам. Следующий снаряд ударил в башню и разорвался внутри...

Танк так и остался у дома, осев боком на цветущих грядках палисадника. Танк с повисшим, разбитым вдребезги оружейным стволом... Бессильные, смотрели мы на эту картину и плакали. Так потеряли мы второй танк и его экипаж.

Раненый автоматчик скончался спустя несколько часов. Перед смертью он в бессознательном состоянии начал пассивно играть какую-то мелодию, костенеющими пальцами ловил Побыкина за усы, когда тот склонился над ним, подставляя свое плечо ему под спину, чтобы смягчить толчки машины.

Опять после нас остался вытесанный лопаткой и связанный кабелем крестик над земляным холмиком и на нем смятая полевая кофедератка...

Не дошли мы до места, где почью сверкали «катюши». Дорогу нам загрозили позиции немецких батарей. Пытаясь проскользнуть, мы обнаружили себя. Нас преследовали оружейный огонь и «фердианды». Однако фашисты делали это вяло и сразу же вернулись, как только сержант затаился на своем танке за укрытием и с большой дистанции первым снарядами поджег одну машину.

Желая запутать свои следы, мы петляли до вечера по бездорожью, пока наконец, двигаясь опять на север, не зашли глубоко в старый, заболоченный лес. Мы не могли определить место своего нахождения. Имевшаяся у нас карта мелкого масштаба ничего не говорила, а на схеме, сделанной в штабе полка, этот маршрут не мог быть предусмотрен. Перед нами было зарево на горизонте, гул капопады и верный компас со светящимися делениями. Была у нас еще танковая радиостанция. К сожалению, мы только один раз поймали волну одного подразделения с симпатичным названием «Ляшка». Однако «Ляшка» не хотела с нами разговаривать, продолжала заунывным голосом вызывать «Комара» и потом замолкла, когда наш возбужденный радист настойчиво начал расспрашивать о ее положении. Очевидно, это тоже было какое-то оторвавшееся или заблудившееся подразделение, искавшее связь со своей частью, а нас принявшее за немецких радиоперехватчиков.

И вот поляна в глубине незнакомого леса; очередная, уже неизвестно какая по счету ночь скитаний и более десятка человек, оставшихся из всей нашей разведывательной группы. У нас есть еще танк, но его мы вынуждены оставить здесь: нет горючего, и кончились снаряды.

На рассвете нас разбудил Брачковский. Туман тонким слоем стелился над поляной. Люди бродили в нем по колено, словно на кульях пог. Небо чистое, безоблачное. С севера доносился глухой оружейный гул.

Я приказал приготовиться к выступлению. Те, кто еще лежал, встают неохотно, потягиваются, по привычке чертыхаются, свертывают палатки, вытирают оружие от густого слоя маленьких капелек, покрывающих все предметы. Сержант, стиснув зубы, снимает с танка пулемет, упирает радиостанцию, затем вынимает и прячет под поваленным деревом замок от орудия. Разбиваем два последних ящика с патронами: один — для автоматов, другой — для винтовок. Горстями отсчитываем их каждому. Тапкисты прикрепляют к поясам патронташи, связывают ремни, чтобы нести пулемет.

Взвод выстраивается на дороге. Будем двигаться партизанским строем по ее обочинам, оставляя середину свободной. Издали, по прямой или сзади, трудно будет заметить идущих.

Один все еще возится под ольхой, сонный, вялый.

— Ну, чего ты медлишь? — подгоняет его Брачковский.

— Ребята, кто у меня гранаты свистнул? Отдавайте, пока я добрый, — слышится в шеренге.

— Гранаты растерял... растяпа, а хлеб-то уберег?

— Эдек! Дай сигарету! Посмотрите на него, дымит, как граф в отхожем месте.

Несмотря на усталость и невеселые перспективы, ребята острят, как перед обычным походом, подгоняют снаряжение, поправляют спадавшие обмотки, жуют хлеб, курят...

Капрал Побяжиин подходит ко мне. Полу его шинцели совсем оторвало осколком гранаты. Выглядит, словно подоткнул подол с одной стороны. В руке держит краюху черного хлеба. Разрезал ее перочинным ножом пополам, посыпал солью из тряпочки.

— Позавтракаем, папаша. Если есть хлеб с солью и вода, то человек не погибнет...

Я беру предложенную мне порцию, благодарю. Неважно опять у нас с пищей. Эх, где наша милая, теплая солдатская кухня?..

Мы тронулись в путь на север. По привычке я еще раз осмотрел, не осталось ли на месте стоянки что-либо, что могло бы выдать нашу принадлежность, войсковую часть, численность... и всплеснул руками. Ведь мы оставляем танк, старую, верную машину со следами пробоя на башне. Сержант, сняв шлем, прощальным жестом гладил опущенный вниз ствол орудия, что-то говорил вполголоса.

Остальные члены экипажа, уходя, в молчании отдавали честь.

Мы попрощались с третьим, последним танком нашей группы.

Над лесом всходило солнце. День обещал быть теплым. С севера парастал гул артиллерии.

Мы шли с короткими остановками на отдых, в поисках пищи заходили в сожженные деревни или покинутые, одинокие дома и продолжали двигаться в ту сторону, откуда доносилась капота. Несколько раз в течение дня издали видели отряды немцев, направляющихся на запад. Они тянулись с походным охранением по полевым дорогам, не проявляя, однако, большой агрессивности. Даже когда, используя выгодную позицию на местности, мы обстреляли их боковые дозоры на мотоциклах, они лишь огрызнулись сильным огнем пулеметов и поехали дальше.

— Ого... — заметил по этому поводу сержант. — Видно, где-то наши так дали жару гадам, что те хвост поджали...

Был поздний вечер, когда мы, крадучись по-кошачьи, приблизились к месту, откуда целый день били орудия, утихшие лишь к сумеркам. Широкое, перепаханное танками шоссе вывело нас на голую равнину. Далеко у ее края можно было различить очертания садов и блестящие в свете луны крыши стросний.

Выдвигнув вперед дозор, мы продолжали двигаться по кювету. Вскоре примчался запыхавшийся связной.

— Пулемет на дороге. По обеим сторонам на поле что-то вроде позиций... Наши дозорные залегли.

Мы потихоньку подтянулись к дозорным. На расстоянии примерно ста метров перед нами, рядом с низенькими кустами, у кювета торчал дулом к постройкам станковый пулемет. По характерному силуэту я узнал: немецкий. Около него — две лежащие фигуры в касках, третья скрючилась в кювете, кругом разбросаны магазины. По сторонам на этой же линии редкие полукруги окопов.

Немцы у пулемета явно спят, так что... бесшумно их придушим и вдоль кювета бегом к деревне. Что будет, то будет. Беру добровольцев: Чеслав Брачковский; капрал Серсда; Эдек, мой связной, тоже хорошо владеет ножом... Четверых хватит.

Для свободы движений снимаем с плеч скатанные шинели, автоматы за спину, нож в зубы: те могут спихва-

тяться прежде, чем мы подскочим к ним, тогда ножи сразу в ход. Идем еще минуту, пока лупа не скроется за облачком. Вперед!

Ползем тихо. Только бы добраться до них. За три-четыре шага — прыжок, удушающим приемом — плечом к горлу. Только бы никто из них не заорал и... Рукоятка ножа скользит в руке, вспотевшей от волнения. Вытираю ладонь о брюки. Еще двадцать метров... пятнадцать... десять... Не спускаю глаз с лежащих немцев. Черт побери!.. Надо проскочить верхом, по обочине шоссе. Подтягиваюсь над кюветом, приседаю, прижимаюсь к земле, впираюсь глазами в пулеметный расчет, прыгаю впиз, спотыкаюсь и падаю прямо на лежащего в кювете вверх животом немца. Машинально хочу схватить его за горло, рукой попадаю в открытый рот, сую в него локоть и вслепую ныряю ножом под ребро. Ребята молниеносно прыгают на тех, у пулемета. Что за черт?! Этот, подо мной, даже не вздрогнул, лежит, как деревянный... Удивленный Брачковский у пулемета клянет всех на чем свет стоит и вдруг прыскает со смеху.

Присматриваюсь внимательно и вижу оскаленный рот и застывшее лицо немца в кювете.

— Пан поручник, здесь одни трупы! А вот и воронка от снаряда! Наша артиллерия успокоила их еще днем. А этот окостенел сидя, — вполголоса говорит Середа, толкая ногой лежащих.

— Бррр... холера! Чуть не поцеловал его... — Я поднимаюсь, рассматриваю их. — Хорошо, подтяпи взвод, дозорных вперед. Только без шума.

Трупы трупами, но здесь, очевидно, все же есть кто-то живой. Что-то где-то еще должно быть.

Солдаты обходят «мертвое» пулеметное гнездо, и вдруг со стороны близких уже строем взлетает ракета. Падаем. Перед нами, у дороги, не видимые до сих пор на фоне деревьев и строем, теперь вырисовываются контуры орудий на огневой позиции. Своя или немцы?

— Наши, наши... дивизионные семидесятишестимиллиметровые... — взволнованно шепчет кто-то сзади.

Похоже, что наши. Длинные стволы, знакомая форма предохранительных щитов. А если немецкие? Свет ракеты обманчив. Надо проверить. Осторожно трогаюсь с дозорными вперед. Со стороны батареи доносится перепуганный шепот, потом тишина и совсем отчетливо:

— Наверняка швабы, нан поручик... Рубаем раз картечью, посмотрим...

— Не стрелять! Здесь свои! — выскакиваю я из кювета.

— Кто такие свои? Стой, стрелять буду! — отвечает энергичный голос.

— Свои, черт побери! Не стрелять! Из хозяйства Гражевича! — кричу я, выходя из себя. Хорошо же нас встречают здесь после всего, что мы прошли.

— Из хозяйства Гражевича?.. — Голос слегка смягчился. — Пусть один подойдет и скажет пароль.

Перебрасываю автомат за спину, подхожу. Из-за щита орудия настороженно поблескивают стволы винтовок. Над валом возвышается широкоплечая фигура в светлом, видимо выцветшем, мундире, перетянутом портупеей. Энергичный жест рукой, вооруженной пистолетом.

— Стой! Пароли!

— Ну, браток, не дури! Не знаю я никакого пароля, были в окружении... — начинаю я и замолкаю, не веря своим глазам. — Олесь, ей-богу! Олесь, черт эдакий, так-то ты встречаешь друга!.. — кричу я.

— Пройдох! Какой черт тебя несет с этой стороны? Дай морду, парепь! — Он уже перескочил через укрытие, широко развел руки. Мы так целовались, что шапки у нас попадали. Потрел я его за льняные кудри, паподдал под ребра...

Артиллеристы вылезли из-за щита, разинули рты от удивления. Старые друзья встретились. Приятно посмотреть. Мне тоже приятно. Во-первых, потому что мы вообще встретились, а во-вторых, Олесь Шоломицкий — старый мой друг по партизанскому отряду. Давпепько мы не виделись. Последний раз встречались с ним в Ломазах, почти год назад, летом, когда формировался тридцать четвертый полк. Собственно говоря, именно нас и должны были сбросить в Свентокшиских горах. Но Шоломицкий, когда в прошлый раз его сбрасывали из Ровно в Люблинское воеводство, неудачно приземлился определенной частью тела на кучу камней и здорово разбился. Когда надо было опять лететь и прыгать, Олесь делал недовольную мину, потирал ушибленное место, твердя, что в горах много камней и скал. А поскольку тогда тоже очень нужны были офицеры (проводился набор), он с готовностью принял предложение штаба армии остаться и уговорил меня. Пожалуй, и хорошо, что мы тогда не полетели. Из шести-

десяти человек группы, сброшенной в Келецком воеводстве, многие вскоре погбли. Самым печальным было для нас известие о смерти нашего общего друга подпоручика Сивого, который погиб, подорвавшись на mine.

Мы вспоминали те времена, я расспрашивал о нынешнем положении наших частей, о товарищах. Волею судьбы я попал прямо в свою часть, где Олесь с батареей охранял место расположения нашего полка после длившегося целый день боя. Он рассказал, что наша дивизия в последние дни понесла большие потери, сдерживая ожесточенное наступление немецких танковых соединений, пробивавшихся к северу на помощь Берлину. Наконец здесь, под Кёнигсвартом, они сумели остановить контрнаступление немцев, главные танковые силы которых уже отступили куда-то на запад.

Швабы поделали дел. Рассекли пополам нашу армию, неожиданно ударили с флангов и в тылы частей, вынуждая их сражаться на два фронта и даже в окружении! Наши войска раздробились, перемешались, связь оборвалась. В этой обстановке трудно было сразу сориентироваться. Тяжелые потери понесли танковая бригада и танковые корпуса, наш и советский гвардейский. Пятая пехотная дивизия была почти совсем разбита. Ее командир погиб с пистолетом в руках, до конца защищаясь вместе со своим штабом. Однако немцы обломали себе зубы и не прорвались на север. А у нас сейчас положение восстанавливается, налаживается связь, создаются оборонительные рубежи, укрепленные артиллерией и танками, части получают новые задачи.

Когда стало ясно, что мы встретили своих, мой взвод подбежал к батарее. Стрелки уже перемешались с артиллеристами, получили консервы, выпрашивали сигареты. Сержант рвался в деревню, узнав, что там стоит часть его танкового корпуса. Ребят тоже потянуло в роту. Я выслал их вперед, а сам ненадолго задержался с другом, расспрашивая о последних событиях на фронтах, о происшествии в части и его собственной судьбе. Мы присели на продолговатый ящик со снарядами, задымили сигаретами.

— Знаешь, примерно неделю назад, до того, как началась вся эта заваруха под Будзипшопом,— рассказывал Олесь,— следом за танками мы добрались аж до Каменца. Танковый корпус был уже почти в предместье Дрездена, какой-то полк пятой дивизии готовился взять Каменец,

девятая дивизия находилась, кажется, правее нас. Все шло хорошо, как по маслу. Вдруг пятая дивизия пачала вырываться вперед, за ней на полном газу попеслись танкисты, а нам велели отходить и прикрывать неизвестно что. Отступаем помаленьку, ведь никто нас не торонит, а утром получаем распоряжение зайти в какой-то городишко и забрать с собой сапитарный батальон девятой дивизии...

— Горка?..

— Черт его знает, не помню пазвания. Довольно того, что нам надо было в этом городе взять под охрану санбат, в котором паходилось около двухсот раенных. Машины, посланные дивизией для его эвакуации, по дороге были разбиты немцами, поэтому... Представь себе, командиром этого санбата была жена нашего командира полка — майор медицинской службы. Полковник, обрадовавшись случаю, полетел вперед на броневике...

— Слушай, Олесь, в том санбате была одна сестричка из танковой бригады. Армянка. Девушка — мечта! Не видел ее?

— Нет, не видел... и не было даже на это времени. Похоронили их в братской могиле...

— Что?!

— Подожди же, пусти, сумасшедший! Ты что?

— Что ты сказал?! — я тряхнул его за плечи.

— А что я должен сказать?

— Кого похоронили?

— Ну... всех. Раненых и персонал. Немцы их всех до одного вырезали. И жеке командира перерезали горло.

— Когда? — только и спросил я.

— Утром, паверное, так как когда командир приехал, то эти щенки из «гитлерюгенда», штатские и эсэсовцы, находились еще около госпиталя. Мы ведь шли на запад, а потом вдруг повернули назад. Швабы, видать, думали, что мы драпаем без оглядки. Так и выглядело: пятая дивизия назад, танковый корпус назад, ваш полк, который там стоял, ноги в руки и... В тот день утром в городе не осталось уже ни одного солдата, только раненные без оружия и несколько часовых в санбате. Тогда туда проскользнул эсэсовский патруль на мотоциклах. Местные жители хотели подобающим образом встретить возвращающихся земляков, и члены «гитлерюгенда» под предводительством бургомистра нанесли удар по госпиталю. Не знали они

только, что сзади идет наш полк. С полковником ехали адъютант, радист и связной, на машине был пулемет. Как увидели, что происходит, прикрылись огнем и срочно вызвали нас по радио. Один молокосос в кожаных трусах отстреливался из пистолета даже тогда, когда мы уже заняли огневые позиции вокруг города. Представь себе, у него был польский «вис» довоенного производства. Очевидно, взял у кого-то из рапелых офицеров. Так вот, заняли мы позиции... Боеприпасов имели из расчета по три боекомплекта на орудие, все машины были нагружены ими до отказа, а времени мало. Полковник по радио запросил у командира разрешения на два часа задержаться. Через час городка уже не было... Что ты думаешь, шесть батарей полевых пушек, три гаубицы, противотанковые орудия... Артиллеристы обматывали стволы мокрыми шинелями, так они накалялись. Даже водители сели за пулеметы. Этих трофейных у нас до черта... Никто из бандитов из города не ушел...

Он говорил еще о последующих сражениях, о схватках с тапками, о сожженных автомашинах, но я его уже не слушал... Не сказал ему, о чем думал. Попрощался, направился на поиски своей роты. Шел как в тумане через пустой, ставший вдруг каким-то чужим мир.

В просторном подвале разрушенного дома на соломе вдоль стен вповалку спали солдаты, стояли ручные пулеметы и грапатометы. Мой взвод устраивался по почлег в центре. Рядом, в небольшом отгороженном чулапчике, при дрожащем пламени стеариновой свечи сидел перед бутылкой водки Ключ. Заместитель старшины роты капитан Эгидко сортировал боеприпасы, складывал трофейные фаустпатроны. Он первым протянул мне руку и долго тряс мою:

— Слава богу, вы вернулись, слава богу!.. — Радость светилась на лице пожилого воина с темными, коротко подстриженными усами и быстрым взглядом.

Ключ встал, обнажил в улыбке искусственные зубы, без единого слова подал мне руку. Вид у него такой, будто его только что с креста сняли. На земле в углу спят как убитые подхорунжий Януш, старшина Койтых, командир минометного взвода. Малыш Сташек лежит навзничь с автоматом под головой. Те же самые лица, только потускневшие, возможно, от усталости. На импровизированном столе из бочки и пары досок я заметил полевую сумку,

Дросика, бинокль в футляре с неумело выведенной его фамилией... Очевидно, ушел в батальон.

— Что это у вас, как в семейном склепе? — спокойно, чтобы что-то сказать для приветствия, спросил я. — Где Дросик?

Згидко мельком взглянул на меня и отвернулся. Клюм, не отвечая, подвинул ко мне кружку и начал наливать водку.

— Где Дросик?

— Что вы кричите? Зачем?.. — Хорунжий поднял голову. Щеки у него впали и пожелтели, покрасневшие глаза окружила синева. — Разве это поможет вам или мне? Пап поручник... Скажите мне, почему я не родился скотиной: коровой или козой... За что я так страдаю? Если бы вы знали, что мы пережили! Посмотрите, что от роты осталось...

— Клюм, каждый из нас пережил свое. Я ведь тоже эти дни не сидел сложа руки. Скажите, что с Франеком? — Я сел на ящик.

Згидко подошел, закурил сигарету, тихо заговорил. Из его слов постепенно вырисовывается тяжелая картина. Склон возвышенности, спускающийся к заболоченному лугу, испещренному редкими кустами ольхи, а вдоль луга тянется зигзагом мелкий окоп с низким бруствером. За бруствером широко растянувшаяся рота, которая захлебывается от отчаянного пулеметного огня, треска автоматов и винтовок. За ротой лает, как бешеная, батарея наших малокалиберных пушек. По склону в шахматном порядке стекаются на луг бронемашины, а за ними шеренга за шеренгой волнами идет немецкая пьяная пехота. Стальные шлемы, засученные рукава мундиров, разъяренные морды и не умолкающие ни на миг автоматы. Наши пулеметы секут, валят наступающие шеренги, но по трупам идет новая волна, поливая окопы огнем из автоматов. Слабеет наша оборона, кипит вода в разогретых до предела козюках. Наши станковые пулеметы поочередно умолкают, но «фердинанды» тоже увязли на лугу. Прокладывая глубокую, черную колею, они отходят на склон, дымят под огнем наших противотанковых орудий, работающих без передышки. Только пехота продолжает безудержно напирать, создавая клин для удара, и уже гранатами достает до наших окопов.

Когда это случилось, Дросик выскочил на выдвинутую вперед огневую позицию одного из пулеметов, откуда огнем только что смело расчет. Его автомат трещал без перерыва и срезал острие немецкой атак. Потом подошли наши танки, разогнали гитлеровскую пехоту, подбили часть карабкавшихся по склону «фердинандов». Они своими действиями прикрыли роту. Дросик стоял на колеях в мелком окопе, облокотившись на бруствер, и, казалось, смотрел на свою работу — трупы гитлеровцев на лугу. Кто-то из солдат подбежал к нему, хотел о чем-то спросить, но увидел сквозные кровавые раны на его спине...

Похоропили его прямо за окопом. Завернули в палатку, положили в сразу наполнившуюся водой яму, прикрыли дерном. Так ушел от нас командир нашей роты, подпоручник Францишек Дросик, сорока двух лет, по профессии — лесник, бывший партизан Армии Людовой, парашютист. Это произошло в солнечный апрельский день 1945 года.

Я сидел и слушал, не в состоянии что-либо делать. Пришел в себя только от топота шагов и скрипа двери. Сержант-танкист влетел в подвал.

— Пришел попрощаться, поручник! — с порога закричал он, радостный, возбужденный. — Встретил здесь ребят из нашей бригады. Много нам машин гады подожгли, экипажи остались без техники. Пока дадут новые танки, мы попытаемся мою машину притащить. Сейчас еду в штаб бригады... Ну и голоден я!.. Нет ли у вас, поручник, чего-нибудь поесть, не было времени заглянуть на кухню...

— Эгидко, найдется что-нибудь пожевать? Дайте. А пока — за счастливое возвращение к машине, за боевые успехи! — Я пододвинул сержанту свою кружку с водкой.

— Найдется, пан поручник. Морока с этими фаустпатронами. Велят нам собирать их, а зачем — неизвестно. Этот, пожалуй, надо будет выбросить, спусковой крючок перекошен... — сказал Эгидко и, колеблясь, отложил снаряд к стене...

Я взял свой автомат и полевую сумку.

— Уходите? — спросил Ключ.

— Да, пойду в багальон. Это далеко отсюда? Я обязан доложить о своей разведке. Охальский будет беситься, если я не потороплюсь...

— Охальского нет.

— А где он?

— Погиб вчера... Выходил из дома, аккуратно спаряд ударил перед дверью.

Я сел опять.

Поручник Охальский... Охальский, адъютант нашего батальона... Когда мы уходили из Варшавы на фронт, жена провожала его далеко за город. Перед расставанием они долго целовались. Проходя мимо них, мы отворачивались... Дросика тоже провожала жена. «Вы, пожалуйста, присматривайте за Фрапеком», — попросила она меня... Почему гибнут те, кого кто-то провожал, возвращения которых кто-то ждет? Крепцкий, Дросик, Охальский...

— Командир батальона в штабе, не знаете? — Я чувствовал, что не могу больше сидеть в душном подвале.

— Очевидно, там. Вы знаете, у нас новый...

— Новый? А капитан Езерский?

— Застрелился два дня назад. Когда отступали, его тяжело ранило в бедро. Совсем раздробило. Он не дал сапитарам даже прикоснуться к себе. Немецкие тапки были уже близко. Он отдал ребятам документы и выстрелил из пистолета себе в рот... — рассказал Ключ. — Заместитель командира полка капитан Дембицкий принял третий батальон от раненого капитана Ивашенцова, и его тоже ранило во время контратаки. Кажется, оторвало ногу. Поручник Тымицкий попал в немецкую засаду, но чудом вырвался и сумел спасти своего раненого шофера. Поручник Александрович попал в плен...

Я обхватил голову руками: довольно, довольно, довольно... Вышел во двор, прислонился к забору. Ночь стояла тихая, светлая, лунная, теплая, за домом в кустах жасмина заливались соловьи. Я никак не мог найти спички, чтобы закурить сигарету. Вдоль забора расхаживал часовой с автоматом. Незнакомый, очевидно, из другой роты.

— Эй, рядовой! Есть огопек?

Солдат подошел, щелкнул каблуками, заколебался. На посту нельзя разговаривать. Но ведь здесь фронт.

— Не бойтесь, давайте...

Он без единого слова подал мне коробок. Возвращая, я заговорил с солдатом, чтобы ему не было досадно, что к нему обратились только ради спичек.

— Вы из какой роты?

Он назвал свое звание, фамилию и часть. Постой, постой... Откуда я знаю эту фамилию? Ага, вспомнил! Об этом парне мне говорили под Вроцлавом. Для уверенности

переспросил. Да, он родной сын того капитана, бывшего командира батальона из соседнего полка, дезертировавшего под Броцлавом.

Мы стояли, обмениваясь скупыми фразами. На парне была оборванная грязная шпатель и стоптанные сапоги. Глядя на его интеллигентное, усталое лицо, я думал: «Наверняка ему хочется спать. Под Будзишином его батальон разбит. С понесшей жестокий урон ротой он очутился здесь, прибил к нашему полку. Утром его опять ждет бой, бессонница, страх, а может быть, увечье или смерть... В этот момент его отец, как и другие дезертиры, далеко от фронта. За дезертирство в войну грозит расстрел, а в лучшем случае — штрафная рота. Но наши войска уже в предместьях Берлина, союзники заняли Францию и часть Германии, война должна закончиться со дня на день. После войны, вероятно, объявят амнистию. Будут преданы забвению давние грехи многих преступников. За это время они смогут отыскать безопасное укрытие, разбогатеть на награбленном имуществе выселенных немцев, на торговле... На западных землях, далеко за фронтом, никто не потребует документов. Мы сейчас презрительно высмеиваем дезертиров и уклоняющихся от военной службы лиц. Но смеется тот, кто смеется последним. Кто же из нас будет смеяться? Мы не хотим строить из себя героев, не требуем почестей и особых наград, но сумеем ли мы сохранить здоровье, нормальные силы для работы после войны, радость жизни? А если нет? Что нам, рядовым солдатам, без профессии, без имущества, без семей и без протекции даст взамен новая Польша, за которую боремся? Чем она нас выделит от тех, кто ничего не сделал для ее освобождения? Мы будем иметь звания и награды, но ими не оденешься, не наешься. Пройдохи же будут иметь здоровье и деньги... Да, смеется тот, кто смеется последним!..»

Странные мысли могут прийти в голову, когда ты стоишь вот так, прислонившись к забору, в разрушенной фронтовой деревне, когда на дворе ночь, ты убит гибелью близкой девушки, друзей... Трудно уснуть в такую ночь. Если бы было утро и взошло солнце, тогда мир казался бы веселее и перспективы более радужными.

Утром мы двигались в боевом порядке на юго-запад. Спусти несколько часов вошли в соприкосновение с противником. Полк вступил в бой. Около полудня мы вытес-

нили немцев из города Луппа. Наступление продолжалось.

Теперь инициатива снова была в наших руках. Во время короткого перерыва в захваченном городе поговаривали о переходе в Чехословакию, в Судеты, где еще остались эсэсовские полки и неизвестные власовцы. Мне было безразлично, куда пойдём. Эсэсовцы, власовцы, да... эти просто так, без боя не сдадутся. Слишком много злодеяний на их совести, знают, что их ждёт. Все равно. После того, что я увидел в сожженной деревне и услышал от Олека, я решил мстить.

Впрочем, мое плохое настроение имело и другие причины. Я безграциозно устал. Ипогда, лежа в стрелковой цепи, ловил себя на том, что думаю о пей... Я поднимал бинокль к глазам, но рука на полпути застывала. Передо мною возникал образ замученной девушки, ставшей для меня за короткое время такой близкой. Из-под длинных густых ресниц смотрели на меня ее черные глаза...

Часто я оглядывался назад, где у станковых пулеметов, минометов и в расположении остальных взводов раньше можно было видеть склонившуюся фигуру Дросика. Теперь там был Ключ, подавленный и взволнованный. Он дирижировал, как умел, остатками нашей роты и приданными ей средствами. Я упорно оставался в своем взводе. Хотел до конца сохранить его наступательный порыв.

— Холодно, что-то меня знобит, — пожаловался я Брачковскому.

— Это оттого, что вы ночью не спали, пан поручник. Всегда трясет, если не выспишься, — заботливо утешал он.

— Может, ты прав, — ответил я. — Должен же я наконец хорошенько выспаться.

Только откуда это странное чувство страха и безразличия? Неужели действительно от усталости? Почему Юрек перед смертью был явно не в себе? Но погибших лучше не вспоминать. Чеслав прав: это все от недосыпания. Вечером, если только Марс позволит нам на ночь устроиться под крышей, я засну и, даже если сам Гитлер на коленях приползет ко мне со смиренной просьбой пристрелить его, не встану. Пусть ждет до утра.

Перед сумерками я повел свой взвод в очередную атаку. Мы бежали по ровной, как стол, целине, прикрываемые огнем своих станковых пулеметов и минометов, па ходу обстреливая неприятельские позиции, видневшиеся

на опушке расположенного неподалеку леса. Все, что произошло потом, четко запечатлелось в памяти, как фотоснимок при магниевой вспышке. Вдруг прямо перед нами резанул огнем по глазам до сих пор молчавший замаскированный вражеский пулемет. Стрелковая цепь залегла. Я успел еще вырвать гранату из-за пояса и швырнуть ее в торчащие как бы прямо из земли каски.

Что было потом?.. Когда упал навзничь, не помню. Перед этим почувствовал только страшный удар, словно с разбегу налетел на стену. Потом шум в голове, тошнота. По небу плыли порозовевшие от солнца облачка, пахло свежей землей, откуда-то издали доносился стонущий голос.

— Поручник, поручник убит! — кричал Брачковский.

Тогда я перевернулся на живот. С левой стороны тела что-то неприятно хрустело, из красного от крови рукава шинели торчали белые, раздробленные кости. Странно, во все не больно. Получил!.. «Кто примет взвод? Ведь Масловского ранило еще на Нейсе», — с трудом соображал я.

Оглянулся. Стрелковая цепь лежала, втиснутая в мельчайшие складки местности; несколько ребят ползли в мою сторону. Дрожащий голос повторял какие-то цифры, слова команды. Я понял: это Побяжкин уже принял командование и корректирует огонь взвода. Я уткнулся лицом в изрытую снарядами влажную землю.

Наши станковые пулеметы заливались длинными очередями. Земля дрогнула, в воздухе завывало. Опять отозвались полковые минометы, прокладывая огнем дорогу атакующей стрелковой цепи, залегшей на какой-то момент.

ЭПИЛОГ

Немногим более десяти дней спустя из полевого госпиталя в Ягодзине меня эвакуировали в Познань. Я лежал в общей палате. Был поздний вечер. В просторном, ярко освещенном помещении стоял запах серного эфира, гноя и пота. Толстый гипсовый панцирь сжимал мое тело от пояса до шеи, делая плечо неподвижным и болезненно ограничивая движения. На соседней койке пылающий от жара солдат сбрасывал с себя одеяло, кричал в бреду, чтобы не снимали ручные пулеметы, что начинается немецкая контратака. Через несколько коек кто-то, забиштован-

пый, как мумия, беззаботно насвистывал и ругал санитарку, что та долго не несет утку. Некоторые тяжело раненные солдаты засыпали, кто-то стонал, кто-то еще вполголоса разговаривал.

Вдруг со стороны казарм, занятых нашими частями, раздались выстрелы. Разговаривавшие раненые притихли и повольно прислушались.

— Не снимай пулемет... не снимай, браток!.. Немцы нажимают...— стонал тот, на соседней койке.

Выстрелы учащались, распространялись по городу, охватывали район госпиталя. С улицы доносились чьи-то возгласы, топот шагов.

— Что это? Почему стреляют? — спросил забинтованный солдат.

— Черт его знает... очевидно, учения...— ответил я, пытаясь выглянуть в окно.

Захлопали занитки. Цветные ракеты отразились в стеклах домов, и тяжелые пулеметы противовоздушной обороны наперебой начали тарыхтеть. Когда они умолкли, словно для того, чтобы перевести дух, стали слышны автоматные очереди, заглушаемые более мощным винтовочным треском. Раненые беспокойно поднимали головы.

— Что это?

— Почему стреляют?

— Налет! Погасить свет!

— Какой налет? Пехота рубит из автоматов...

— Но занитки бьют...

— ...Не снимай ручной пулемет... Немцы идут... стреляй, стреляй, браток... вырежут нас...— бредил раненый.

— Немецкий десант! — закричал вдруг кто-то.

— Сестра! Сестра!

— Сестры удрали!

— Десант... десант, вырежут нас...

— Дурак! Раненых не вырежут...

— Спокойно! Успокойтесь, черт побери! Вы с ума сошли! Какой десант? Неделю назад пал Берлин, наши войска на Эльбе. Немцам не до десанта на Познань. Подождите, позову сестру! — закричал я, слезая с койки.

Стрельба действовала на нервы. И где эта сестра, почему не приходит?! В коридоре — переполох, встревоженный топот ног, хлопанье дверьми. Под окнами стреляли часовые. Неужели, правда, десант? Где мой автомат? Да

его же забрали еще в санбате... А «вис» отдал ей, а опа... Там вырезали всех. Персонал и раненых. Почему раненым не оставляют оружия? Так что же, сейчас немцы прикончат нас без хлопот?..

Держась за стену, я добрался до двери. За мной с проклятиями и стопами тянулись раненые. По коридору к выходу проталкивались перепуганные фигуры в белье, на костылях. Никто не мог понять, почему стреляют. У ворот увидели часового, который стрелял вверх из винтовки.

— Чего стреляешь?

— Все стреляют... — Паренек перешитительно опустил оружие, осмотрелся. — Кто знает зачем...

Непрерывно грохотали зенитки, ракеты взлетали со всех сторон. Через освещенный светом двор пробежала медсестра в распахнутом халате.

— Вы куда? Зачем выходите? Возвращайтесь в палату, простудитесь! — издалека закричала она по-русски.

— Сестра, что случилось? Немцы?

— Да вы что? Немцы капитулировали! Война окончена! Салютуют...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ	7
ПРЕЛЮДИЯ	31
МАСКИ И ЛИЦА	46
НА ПЕРЕДОВОЙ	50
ДЕСАНТ	70
НАСТУПЛЕНИЕ	96
САНИТАРКА	118
СНАЙПЕР	141
ФРОНТ НА КОЛЕСАХ	164
ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ	198
ЭПИЛОГ	220

И(Пол)
К 73

Котович В.

К 73 Фронтовые дороги. Повесть. Пер. с польского В. Аниспмова, В. Глазова, П. Костикова. М., Воениздат, 1976.

223 с.; («Библиотека Победы»).

Повесть посвящена боевым действиям подразделения Войска Польского на советско-германском фронте. Автор в художественной форме раскрывает тему боевого содружества советских и польских воинов в борьбе против гитлеровских полчищ.

Героев повести отличают смелость, отвага, глубокая вера в победу и подлинный интернационализм.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{70304-122}{068(02)-76}$ 208—76

И(Пол)

Вальдемар Котович
ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Редактор **В. А. Никольский**
Литературный редактор **А. Г. Кобозева**
Автор серийного оформления художник **В. В. Савченко**
Художественный редактор **Е. В. Поляков**
Рисунок на суперобложке художника **Д. Орлова**
Технический редактор **М. В. Федорова**
Корректор **Л. А. Блинова**

Одано в набор 18.9.75 г.
Подписано к печати 19.2.76 г. Формат 84 × 108¹/₂.
Печ. л. 7, усл. печ. л. 11,760, уч.-изд. л. 12,227.
Бумага тип. № 1.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 10/1892.
Цена 1 р. 00 коп. Зок. № 5-464.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Книжнал фабрика имени **М. В. Фрунзе**
Республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 8/8,